Данный файл является фрагментом электронной копии издания, опубликованного со следующими выходными данными:

УДК 330.101:316
ББК 60.5 Р76

Авторский коллектив

В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, С. В. Братющенко, М. И. Гаськова, Г. П. Гвоздева, Е. С. Гвоздева, С. А. Ермаханова,З. И. Калугина, В. Ю. Комбаров, Л. В. Корель, П. Е. Лаврусевич, А. Р. Михеева, О. В. Новохацкая, И. В. Октябрьская, С. Г. Саблина, Н. Е. Смирнова, С. В. Соболева, В. С. Тапилина, О. П. Фадеева, И. И. Харченко, Т. Ю. Черкашина, О. В. Чудаева

РФФИ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 08-06-07027, и Президиума Сибирского отделения РАН

Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. — 748 с.

Коллективная монография, являющаяся продолжением цикла работ Новосибирской экономико-социологической школы, содержит новые теоретические представления и эмпирические референты социетальных сдвигов современного российского общества. В ней представлены оригинальные варианты объяснения российской реальности и обоснования горизонтов развития России с позиции общей теории институциональных трансформаций, модернизации и адаптации социальных систем. Дается оценка человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Книга адресована научным, деловым, административным кругам, студенчеству и всем интересующимся судьбами России.

A joint monograph, continuing a cycle of the works of the Novosibirsk school of economy and sociology, contains the novel theoretical concepts and empiric reviews of the societal shifts in the present Russian society. It reports the original variants explaining the Russian reality and substantiating the horizons of the development of Russia from a position of the general theory of institutional transformations, the modernization and adaptation of social systems. Human potential of the Russians is assessed as the main resource and criterion for social development. The problems and results of human potential "capitalization" are considered. The threats and risks of human development related to narcotization, alcoholization, child neglect, deprivation and depopulation are revealed. A new course of social and demographic policy is substantiated.

The book is intended for scientific, business, and administrative circles, students and those interested in the fortunes of Russia.

Рецензенты: доктор экономических наук Р. А. Гусейнов, доктор экономических наук Г. А. Унтура, доктор экономических наук А. С. Новоселов

Утверждено к печати Ученым советом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

УДК 330.101:316
ББК 60.5

© Коллектив авторов, 2008 ISBN 978-5-7692-1006-8
© ИЭОПП СО РАН, 2008
© Оформление. Издательство СО РАН, 2008

Полная электронная копия издания расположена по адресу:
http://lib.ieie.su/docs/2008/Rossiya_I_Rossiyane_V_Novom_Stoletii_2008.pdf

РАЗДЕЛ V

УГРОЗЫ И РИСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

ГЛАВА 27. Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы

ГЛАВА 28. Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий

ГЛАВА 29. Образ сельской бедности: отражение статусной кристаллизации в сознании селян

ГЛАВА 30. Сколько пьет Россия: объем, динамика, дифференциация и социальные аспекты потребления алкоголя

ГЛАВА 31. Негативное потребление учащихся: риски и барьеры в обществе двойных стандартов

ГЛАВА 32. Риски детской безнадзорности в условиях трансформации брака и семьи

ГЛАВА 33. Новый курс социальной политики как ответ на вызовы времени

ГЛАВА 34. Демографическая политика России

ГЛАВА 27 Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы

Демографическая безопасность — один из видов безопасности общества, которая рассматривается вместе с такими видами безопасности, как военная, политическая, культурная, экономическая, социальная, продовольственная, экологическая и др., в контексте национальной безопасности. Демографическая безопасность тесным образом связана с другими видами национальной безопасности и в то же время является ее важнейшей составляющей.

В последнее время в связи со сложившейся демографической ситуацией в стране проблема демографической безопасности приобретает особую актуальность.

В современной литературе под демографической безопасностью понимается «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [Геополитика., 1999]. Демографическая безопасность, по мнению Л. Л. Рыбаковского, «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность — это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [Рыбаковский, 2004].

Проблема демографической безопасности разрабатывалась в трудах белорусских демографов и социологов. Понятие демографической безопасности они определяют как «состояние защищенности жизненно важных демовоспроизводственных процессов от реальных и потенциальных угроз» [Шахотько, Привалова, 2001. С. 16]. Такое определение позволяет четко выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на предупреждение возникновения угроз безопасности в демографической среде57.

Формируя свое, авторское понятие демографической безопасности, мы исходили, учитывая уже наработанный опыт, из следующих основ-

---

57 В 2002 г. президентом Республики Беларусь А. Лукашенко был подписан Закон о демографической безопасности Республики Беларусь, разработанный на основе названных исследований.

ных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения, непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), то рассматриваемое понятие должно исходить из целевых установок именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонент процесса воспроизводства и формирования населения: рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под *демографической безопасностью* мы будем понимать состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. *Демографические угрозы* — явления, тенденции и действия, которые оказывают отрицательное воздействие на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития[58], нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. в России основной причиной смертности были инфекционные заболевания, сопровождающиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу и иную направленность.

Целью демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз.

В целом разработка проблемы демографической безопасности должна включать в себя следующие важнейшие задачи:

выявление факторов, формирующих демографические угрозы; характеристику реальных и потенциальных демографических угроз; разработку индикаторов демографических угроз и определения предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;

разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяютсявнутренние и внешние по отношению к данной территории (стране,

58 Национальные цели демографического развития должны формироваться, исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

федеральному округу, экономическому району, области, краю) факторы.

К внутренним факторам следует отнести:

экономико-географическое положение страны (региона) и ее (его) ресурсную базу, оказывающую влияние на формирование населения;

исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;

уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);

сформированную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и центра, оказывающую значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад;

нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;

реализацию политики государства, оказывающей воздействие на все стороны жизни страны.

К внешним факторам относятся:

состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки;

целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков.

Характеризуя внутренние факторы, формирующие демографические риски, необходимо отметить, что экономико-географическое положение региона и его ресурсная база, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в размещении и формировании населения, могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, которое, с одной стороны, образует относительно избыточное население и перенаселенность территорий, а с другой, — ведет к обезлюдению целых пространств; формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, приводящих в свою очередь к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера последнего можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, использующие мужскую рабочую силу, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, — например, Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре подобных территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост

разводимости, внебрачной рождаемости, числа неполных, бездетных и малодетных семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий, и др.

Говоря об уровне социально-экономического развития территории и его влиянии на формирование демографических рисков, необходимо отметить, что показатели социально-экономического развития территории через показатели уровня жизни населения данной территории оказывают влияние на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. А нарушение пропорций в том или ином показателе уровня жизни будет приводить к возникновению демографических рисков в отдельных составляющих воспроизводственных процессов. Особенно отчетливо это можно проследить на примере таких показателей как смертность, рождаемость и миграция в период радикальных преобразований, происходивших в России с начала 90-х годов прошлого века и приведших в том числе к возникновению социально-демографических проблем в результате трансформации общества и экономики (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития»). В частности, произошло снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами многие россияне оказались не в состоянии осуществить потенциальную миграцию. В результате показатели межрегиональной миграции в 1992—2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших снизились с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших — с 3,9 млн до 2,1 млн чел. соответственно. Изменился и вектор перемещения населения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в южные и центральные районы России; миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию; усилился «западный дрейф» мигрантов через выраженную полярность центра страны (притягивающего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем районам) [Иностранные мигранты., 2006. С. 41].

Серьезное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад оказало и сложившееся экономическое и финансовое взаимодействие территории и центра, когда значительные финансовые потоки и материальные ресурсы концентрируются в крупных городах европейской части России. В такой ситуации все территориальные несоответствия, например между реальной заработной платой (показателями уровня жизни и условий жизнедеятельности, определяемых материальными благами) и нормой прибыли на капитал, оказывают воздействие на миграционные потоки. То есть в случае значительных межрегиональных различий в уровне жизни населения рабочая сила перемещается вслед за капиталом. И пока эти различия не устранены, миграционные потоки всегда будут направлены с востока на запад, создавая «вакуум» для притяжения мигрантов из соседних перенаселенных стран.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как нарушение этнокультурных традиций населения страны. Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении длительного времени, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущих со стороны Запада при массированной поддержке СМИ, приводит в России не к модернизации, а к деградации, и, соответственно, к вырождению. В этой связи следует отметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития»). Это происходит либо за счет традиционно высокой рождаемости, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо за счет повышенной по сравнению со среднероссийской рождаемости и более низкой смертности (как на Северном Кавказе).

Таким образом, можно констатировать, что *в качестве одного их принципов обеспечения демографической безопасности в Российской Федерации должно рассматриваться уважение этнических ценностей, культурных традиций и устоев многонационального населения России в сфере реализации репродуктивных установок и демографического поведения.*

Что касается последнего внутреннего фактора, реализации политики государства, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти десяти лет в России не были сформулированы цели демографического развития страны. Лишь в сентябре 2001 г. была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» и впервые определился комплекс мер демографической политики.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски в составляющих как естественного, так и всех видов механического движения, то состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки, касаются только межгосударственной миграции.

В начале 1990-х годов при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение людей этих стран из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий для развития трудовой миграции 1990-х годов заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, позволяющих свободно пе-

ресекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, пребывать в стране и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия вводятся новые официальные нормы международной миграции из стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русский и тюркский), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и идеологии выработало у населения этих стран общие «коммуникативные» нормы и образцы социальной организации.

Однако, помимо значимых социальных функций, с потоками такой миграции связан и целый ряд рисков: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост наркомании, этническая преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери стратегических территорий и т. д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества усиления трудового и демографического потенциалов территорий, связанного с массовым привлечением мигрантов.

Как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальном, культурном, политическом и правовом пространстве принимающих территорий весьма непросто. С каждым годом в этих странах, с одной стороны, растет число «новых бедных» — представителей незападных культурных моделей, а с другой — усиливается отторжение принимающим обществом иммиграционных общин. В такой ситуации для самих мигрантов их культурная идентичность становится главной опорой их солидарности, и таким образом формируются дополнительные стимулы к консервации традиционных культурных моделей, соответствующих им способов социализации, норм поведения и ценностных ориентаций. Это, в свою очередь, воспринимается принимающим обществом как реальная угроза его системе ценностей и его безопасности. Иными словами, люди, проживающие на территории одного государства, могут оказаться настолько разнородными, что потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-то общие задачи, возникнет угроза конфликтов, что приведет к ослаблению страны. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью.

Другим важнейшим внешним фактором является целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков. В 1975 г. Советом по национальной безопасности США при участии министерства обороны, ЦРУ, министерства сельского хозяйства, Агентства по международному развитию под руководством госсекретаря США Г. Киссинджера был разработан документ NSSM-200 (National Security Study Memorandum), который стал руководством к действию в области американской внешней политики. Опубликование фрагментов

этого документа стало возможным лишь в июне 1990 г. «При том, что население США составляет 6 % от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, — констатировалось в нем. — В последние десятилетия Соединенные Штаты все больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится. Поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...» (см. [Медведева, Шишова, 2000. С. 13—14]).

Что же понималось под поддержанием стабильности в других странах? Продолжим цитирование: «Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, — политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США». И еще более откровенно: «Быстрый рост населения в развивающихся странах наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая, таким образом, политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США» [Там же. С. 14]. Это неблагоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций. И далее: «...подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения» [Там же. С. 14—15].

Таким образом, *систематическое использование мировым капиталом чужих природных ресурсов требует минимизации численности населения, проживающего на территориях, богатых различными природными ресурсами.*

Снижать рождаемость предполагалось уже отработанным способом — распространением служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой различных методов предупреждения беременности, включая контрацепцию, аборт и стерилизацию. Можно создавать службы планирования семьи в качестве самостоятельных организаций, но желательно вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, с целью использования последних в качестве прикрытия, так как они пользуются доверием населения, а также обеспечения бюджетного финансирования. Что и происходило в России в 1990-е гг., когда в разгар депопуляции и тяжелейшего общего кризиса из нищего бюджета осуществлялось финансирование федеральной программы «Планирование семьи», пока по требованию депутатов Госдумы оно не было прекращено. Однако в ответ Минздрав тут же выдал директиву регионам осуществлять аналогичные местные программы через государственные учреждения здравоохранения, включая роддома и женские консультации.

Конечно, одного предложения услуг по планированию семьи мало. По правилам маркетинга необходимо организовать спрос, создать соответствующие политические, экономические, социальные и психологические предпосылки для «стихийного» снижения рождаемости.

В документе предусматривалась широкая пропаганда методов и

средств снижения рождаемости по самым различным каналам и в первую очередь через систему образования, с целью «ориентации новых поколений на создание малодетной семьи». «Не снижая усилий, направленных на взрослое население, необходимо сконцентрироваться на юном поколении — тех, кто сейчас в начальной школе или еще моложе» [Там же. С. 17]. Важнейшую пропагандистскую роль должно сыграть телевидение.

В документе прямо говорится, что политика планирования семьи обречена, если она «не поддержана изнутри», и авторы документа призывают опираться на местных лидеров. Этого можно добиться, например, приглашением их на семинары в Нью-Йорк. А для гарантии успеха Меморандум рекомендует, предоставляя той или иной стране кредиты, продовольствие и другие виды помощи, учитывать, как она ведет себя в области планирования семьи.

Как видим, происходившее в России идеально подходит под это описание. В 1990-е гг. страна фактически была на грани потери государственного суверенитета. Ее внешняя и внутренняя политика находились под контролем Запада, использующего в том числе финансовые рычаги воздействия. Ежегодно наш федеральный бюджет приходилось утверждать в МВФ, а власти в своей деятельности руководствовались советами многочисленных западных советников и экспертов, например, из Всемирного банка.

По мнению заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ и главного редактора журнала «Демографические исследования» профессора А. Антонова, *сегодняшний демографический кризис связан с социально-экономическими и политическими реформами в стране, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения*59. А по мнению бывшего сотрудника ЦРУ Ф. Эйджи, *распад СССР и Варшавского договора имел много внутренних причин, но эти причины в течение многих лет тщательно выращивало ЦРУ*.

Публикация фрагментов рассекреченного плана весьма ценна еще и тем, что в нем подробно рассказывается о его исполнителях. От США его курирует Агентство по международному развитию (ЮСАИД). Головная организация во всемирном масштабе — Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА), львиную долю финансирования которого составляет вклад США. ЮНФПА, по замыслу авторов Меморандума, играет координирующую роль в осуществлении депопуляционных проектов. «США должны объединить страны-доноры, ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которой станет планирование семьи» [Там же. С. 21]. ЮНЕСКО призывалось возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им «в процессе формального и нефор-

59 http://www.demographia.ra/articles_N/mdex.html?idR=1&idArt=643

мального обучения» идеал малодетной семьи.

По существу, в меморандуме представлены стратегия и тактика войны нового образца, которая с разным успехом проводится далеко не только в России, но и во многих других странах по всему миру. Еще весной 1989 г. на страницах журнала «Вашингтон Куотерли» в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 г. в аспекте безопасности США» Пентагон открыто призывался к тому, чтобы «планированию населения» был придан статус программы по разработке новых видов оружия.

Как видим, те, кто стремится к мировому господству, как говорится, не намерены «ждать милостей от природы» — снижения рождаемости в разных странах, поскольку страны с традиционным укладом, например многие африканские или исламские, не демонстрируют особых признаков снижения рождаемости, — и предпринимают самые активные действия по всему миру с целью реализации своих планов.

Надо сказать, что представленный пример целенаправленной деструктивной деятельности в сфере ведения демографических войн далеко не единственный. Наступление на демографическую сферу всего мира ведется широким фронтом с применением самых современных достижений науки и, естественно, не афишируется, а наоборот, идет под различными прикрытиями, в том числе и идеологическими.

В связи с изложенным, в *качестве основных принципов обеспечения демографической безопасности* в Российской Федерации необходимо считать:

приоритет национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека;

самостоятельность Российской Федерации в выборе форм и методов воздействия на развитие демографических процессов, вне зависимости от сложившихся стандартов, принятых в международных организациях и центрах.

Изложенные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы, в разной степени оказывают влияние на отдельные составляющие демографической ситуации.

Наиболее значимые последствия современных демографических угроз проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) — депопуляция;

низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число абортов, превышающее число рождений;

рост смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, туберкулеза, проблем иммунодефицита;

низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и

некоторых этносов;

снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;

трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и как следствие — высокий уровень разводов и рост количества неполных семей, рост бездетных и малодетных семей, брошенные старики и социальное сиротство, рост внебрачной рождаемости, влекущие за собой целый спектр социальных проблем; нарушение половозрастной структуры населения; старение населения и рост демографической нагрузки на экономически активное население;

сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса.

Индикаторы демографических угроз и их информационная основа

Индикаторы демографических угроз — функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер.

Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в наиболее агрегированном виде. Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменения, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые, значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество индикаторов демографических угроз состоит из пяти групп (табл. 27.1). Первая и вторая группы описывают угрозы составляющих естественного движения, здоровья и качественных характеристик населения, третья группа — характеристик семьи. Четвертая и пятая группы характеризуют демографические угрозы, связанные с миграцией и расселением населения по территории страны и формированием этнодемографической структуры.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики. Вместе с тем, такие индикаторы как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных могут быть рассчитаны только на основа-

Таблица 27.1

Индикаторы демографической безопасности России

Показатель	Величина показателя в 2005 г.	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
1	2	3	4
Естественное движение населения			
1. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,3	2,15	Депопуляция (отсутствие простого замещения поколений), старение населения
2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,3 — все население; 58,9 — мужчины, 72,4 — женщины	70 лет — все население; 65 лет — мужчины, 75 лет — женщины (данные 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
3. Младенческая смертность, число умерших до года детей на 1000 родившихся	11,0	В 1,5—2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей, старение населения
4. Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста, число умерших на 1000 человек соответствующего пола и возраста	8,3 — все население; 13,0 — мужчины, 3,4 — женщины	3,8 — все население; 5,5 — мужчины, 2,3 — женщины (данные 1960 г.)	Нарушение структуры населения, сокращение демографического потенциала
5. Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15—20	5	Нарушение процессов воспроизводства
6. Число абортов на 100 родов	121	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное снижение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост бездетных и малодетных семей
Здоровье и качественные характеристики населения			
7. Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей (0—15 лет), %	12—15	Снижение показателя от уровня 80 % всех детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения

Продолжение табл. 27.1

1	2	3	4
8. Заболеваемость населения психическими расстройствами, чел. на 100000 населения	117	Рост показателя	Ухудшение здоровья нации
9. Уровень потребления алкоголя на душу населения	17	По данным ВОЗ, 8	Сокращение продолжительности жизни, сверхсмертность мужского населения, рост числа инвалидов, увеличение числа распавшихся браков, социальное сиротство, рост числа неполных семей, деградация населения
Характеристики семьи			
10. Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	30,0	4,0	Нарушение структуры семей: рост числа неполных семей
11. Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, общая численность, чел.	Около 1 млн (4,3 % от численности детей в возрасте 0—14 лет)	0,5—1,0 % от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство
Механическое движение населения			
12. Коэффициент миграционного прироста, чел. на 1000 постоянного населения	0,75 — для России в целом; дифференцированный по регионам России показатель	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и геополитического значение ее для страны	Обезлюдение территорий (в том числе стратегически важных территорий) и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
13. Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	Отсутствует в статистической отчетности	Дифференцированный в зависимости от плотности населения и потребностей экономического развития территории показатель	Сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса

Окончание табл. 27.1

1	2	3	4
Этнодемографическая структура населения			
14. Доля государствообразующего этноса в общей численности населения, %	79,8		Сокращение численности государствообразующего этноса, ослабление страны
15. Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1/1,4	1,2 /1	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем
16. Заселенность стратегически важных территорий (в том числе пограничных) постоянным населением (плотность населения), чел. на 1 км^2	Показатели дифференцированы по территориям страны	Тенденция сокращения плотности населения	Обезлюдение стратегически важных территорий страны; локализованное размещение населения из других стран

нии региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике) не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности ФМС регионов, а следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и в будущем и могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом новой «Концепции демографической политики Российской Федерации» и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве субъекта демографической безопасности на региональном уровне должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографи-

ческого развития субъекта РФ, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, — через пропаганду семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и в профилактике заболеваний. Важна и роль ученых в обеспечении информацией общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.

ГЛАВА 28 Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий

Постановка проблемы

Резкое сокращение сельскохозяйственного производства, произошедшее в ходе радикальных экономических реформ, лишило многих сельских жителей рабочих мест и регулярных источников доходов. Банкротство и ухудшение экономического состояния сельскохозяйственных предприятий сопровождалось свертыванием социальных программ и деградацией социальной сферы села, так как объекты социальной инфраструктуры в процессе реорганизации коллективных хозяйств были переданы с баланса предприятий на баланс местных администраций. Последние же в настоящее время не имеют достаточных финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов для их содержания и развития, что повышает напряженность на локальных рынках труда, лишает сельских жителей возможности получать даже минимальный набор социально-бытовых услуг по месту жительства. В результате на карте России появились сельские поселения, где нет реального работодателя. Наличие последнего предполагает функционирование на территории населенного пункта одного или нескольких финансово устойчивых предприятий (организаций), включая предприятия малого бизнеса, способных рассчитываться по текущей деятельности с бюджетом, кредитными организациями и работниками.

О масштабах этого явления можно судить по следующим данным. Например, в Новосибирской области число деревень, где нет реального работодателя, достигает, по разным оценкам, от 200 до 300, что составляет примерно одну десятую—одну пятую часть сельских поселений области. Такой разброс в оценках обусловлен тем, что ряд сельскохо-

зяйственных предприятий хотя де-юре и существуют, но де-факто давно прекратили свое существование. Появление таких предприятий—призраков, или «оболочек», как их называют на селе, обусловлено, в частности, реализацией программы финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий, когда долги оставляют за таким предприятием, а все ликвидные фонды передаются во вновь создаваемое предприятие. Часть сельских поселений лишились рабочих мест вследствие закрытия отделений или ферм коллективных хозяйств, которые размещались ранее на их территории. Если учесть, что более половины сельскохозяйственных предприятий в Российской Федерации убыточны, то можно предположить, что примерно каждая вторая российская деревня может оказаться без крупного работодателя.

Жители таких деревень, лишенные возможности найти оплачиваемую работу в сфере формальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания, существуют, в основном, за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы.

Хотя анализу социально-экономических последствий аграрных реформ посвящено немало работ известных ученых-аграриев [Петриков, 1995; Копач, 2000; Пациорковский, 2003; Серова и др., 2004; Великий, 2005; и др.], тем не менее, проблемам депривации сельского населения уделялось недостаточное внимание.

В данной главе предпринята попытка разобраться в механизмах и причинах возникновения экономической и социальной депривации сельских сообществ в процессе радикальных социально-экономических реформ. Депривация, в данном контексте, — это процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения каких-либо социальных потребностей. Характерной особенностью депривации сельского населения современной России является резкое ухудшение условий и качества жизни не отдельных социальных групп, а целых сообществ.

Институциональные и социальные механизмы депривации сельских сообществ

Социологический анализ трансформационных процессов в аграрном секторе России позволяет сделать вывод о том, что результаты проведенных преобразований оказались столь же неожиданными (для реформаторов), сколько и парадоксальными [Калугина, 2001]. Социальная цена реформ оказалась слишком высокой по сравнению с полученными выигрышами. «Свобода» хозяйственной деятельности на деле обернулась вседозволенностью и безнаказанностью многих руководителей

сельскохозяйственных предприятий, которые под шумок решали свои личные проблемы путем «прихватизации» и распродажи коллективного имущества, присвоения наиболее выгодных участков земли, сельскохозяйственной техники. В результате многие сельскохозяйственные угодья выбыли из оборота и постепенно стали зарастать бурьяном. Так, за период с 1990 по 2006 г. общая площадь используемых сельскохозяйственных угодий сократилась на 77,4 млн га, или на 38,2 % [Российский статистический ежегодник, 2007. С. 452].

Государственная же поддержка тех, кто рискнул стать самостоятельным хозяином на земле, оказалась не столь весомой и не столь продолжительной, как надо бы. Последняя программа поддержки и развития фермерских хозяйств, истекшая в 2000 г., была выполнена, по данным Счетной палаты, лишь на 15 %60. Новой программы правительство не разработало. Лишенный государственной поддержки и развитой производственной и социальной инфраструктуры частный сектор стал угасать, так и не успев расцвести на российской почве. Доля фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции, хотя и растет, тем не менее, к настоящему времени не превысила 6%-й отметки.

Рыночные же механизмы, «подправленные» неистребимым российским чиновником, постоянно давали сбои. В результате вместо ожидаемого повышения социальной и экономической активности сельчан, рождения рачительного хозяина на земле имели место массовая безработица, обнищание населения, неопределенность перспектив и, как следствие, — разочарование в проводимых реформах, социальная апатия населения. Наиболее незащищенной и депривированной частью российского общества в результате реформ оказалось сельское население.

Попытаемся разобраться в основных причинах и механизмах, вызывающих абсолютную и относительную депривацию сельского населения61.

Высокие масштабы безработицы, слабая социальная защищенность сельских безработных. Вследствие тотальной, поспешной и по сути формальной реорганизации многие коллективные хозяйства, являвшиеся основными работодателями на селе в советский период, прекратили свое существование. Согласно статистическим данным, число сельскохозяйственных предприятий за годы реформ сократилось на 8,9 тыс., или на треть. При этом среднегодовая численность работников, занятых на этих предприятиях, сократилась с 8,3 до 2,2 млн чел. [Российский статистический ежегодник, 2007. С. 452].

---

60 Из интервью академика РАСХН *А. Петрикова//* **http://www.agroparty.ru/ smi/930/. Дата обращения к документу 01.03.2006.**

[61] Абсолютная депривация — недостаточное удовлетворение основных жизненных потребностей; относительная депривация — осознание индивидом или группой низкого уровня удовлетворения своих потребностей относительно других групп или относительно своих ожиданий.

Фермерство же и другие формы предпринимательства на селе в силу объективных и субъективных причин не получили широкого распространения в российской деревне. В итоге произошло катастрофическое падение объемов сельскохозяйственного производства, достигшее угрожающих размеров. Встал вопрос о продовольственной безопасности страны. Сокращение численности занятых в сельском хозяйстве было хотя не столь стремительным за счет увеличения занятости в хозяйствах населения, но весьма ощутимым (рис. 28.1).

По данным обследований занятости населения, уровень общей безработицы в сельской местности России в начале реформ вырос почти в четыре раза и составил в 1999 г. 13,8 % [Обзор..., 2002. С. 112]. В последние годы наблюдалось некоторое снижение уровня безработицы. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи. Если по всему сельскому населению уровень безработицы составил в августе 2007 г. 9,1 %, то среди молодежи в возрасте до 20 лет — 21,7, а в возрастной группе 20—29 лет — 13,2 %. По данным ФСГС, доля безработных, ищущих работу более года, в сельской местности составляла в указанный период 45,9 %, в городской — 32,2 %, а среднее время поиска работы соответственно 9,6 и 7,5 мес. [Обследование., 2007. С. 100, 104, 106, 107, 109].

В действительности же хронически безработных на селе значительно больше. Уровень реальной безработицы, по оценкам руководителей сельскохозяйственных предприятий, значительно превышает критический. Отчаявшись найти хоть какую-либо работу, многие из сельских безработных не обращаются в службы занятости и не регистрируются как безработные. Это связано со значительной удаленностью многих поселений от государственных служб занятости, плохим транспортным обслуживанием сельских населенных пунктов и высокой стоимостью проезда, что затрудняет регулярные посещения центров занятости сель-

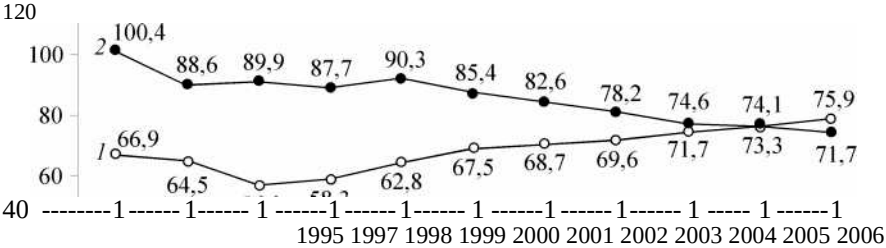

Рис. 28.1. **Динамика объема производства (1) и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации (2) в 1995—2006 гг. (1990 = = 100).**

Источник: **Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2001. С. 141; Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2007. С. 147, 446.**

скими жителями из отдаленных деревень для перерегистрации, получения консультаций и профессионального обучения.

Нередко сельским жителям отказывают в получении статуса безработного из-за наличия у них земельного пая, хотя они не являются учредителями приватизированных предприятий или кооперативов и не используют свои земельные паи в качестве паевого взноса в уставный фонд предприятия. Кроме того, многие владельцы земельных паев не могут сдать свои паи в аренду сельскохозяйственным предприятиям даже за самую низкую плату, так как сами коллективные хозяйства ввиду резкого сокращения объемов производства не нуждаются в свободных сельскохозяйственных угодьях. Что касается фермеров, которые на формирующемся рынке земли выступают одними из основных арендаторов земельных паев сельских жителей, то их, как правило, не так уж много в сельских районах. Следовательно, сельские жители не имеют постоянного дохода со своих земельных долей. Обрабатывать же самостоятельно эту землю крестьяне не могут из-за отсутствия у большинства из них, а порой и во всем поселении сельскохозяйственной техники и транспортных средств.

В такой ситуации многие сельские жители пытаются вырваться из пут нищеты за счет занятости в неформальном секторе экономики. По данным выборочных обследований по проблемам занятости на конец ноября 2004 г., в сельской местности более 4 млн человек были заняты в этом секторе. При этом для большинства из них эта работа была единственной или основной. Занятость в неформальной экономике в селе была в два с лишним раза выше по сравнению с городом [Социальное положение., 2005]. В соответствии с концепцией измерения экономической активности и занятости населения в России, деятельность по производству в домашнем хозяйстве продукции для собственного потребления не считается работой или доходным занятием. Однако отнесение части занятых в ЛПХ к экономически активному и, соответственно, к занятому населению вносит много путаницы в исчисление этих категорий и является лишним поводом для отказа неработающим жителям села в получении статуса безработного, что усугубляет и без того крайне тяжелое положение сельского населения.

Ограниченные возможности для трудовой мобильности. Территориальная оторванность многих деревень, неразвитость транспортных коммуникаций, дороговизна проезда на личном и общественном транспорте усугубляют положение сельских безработных, так как затрудняют территориальную (маятниковую) трудовую мобильность. Особенно остро это проявляется в сибирских регионах, для которых характерны дисперсность сельского расселения и значительные расстояния между ближайшими населенными пунктами (50 км и более). Если при этом учесть, что и на прилегающих территориях либо нет работодателя вовсе, либо действующие сельскохозяйственные предприятия находятся на грани банкротства, то шансы найти работу в другом населенном пункте очень

малы. Тем не менее, обследование, проведенное Федеральной службой занятости по Новосибирской области, показало, что примерно 40 % работающих сельских жителей находят работу за пределами своего места жительства. Сельские жители используют трудовую миграцию как способ противодействия безработице. Особенно широко распространена трудовая маятниковая миграция в пригородных районах. Численность маятниковых мигрантов здесь превышает численность занятых по месту жительства в 2,5 раза. С этих позиций в невыгодном положении находятся жители отдаленных деревень.

Низкая оплата сельскохозяйственного труда. Одной из основных причин двукратного падения среднего уровня реальных доходов населения РФ за годы реформ явилось снижение уровня оплаты труда, которая до последнего времени остается основным источником доходов населения. По расчетам профессора С. Меньшикова, в России удельный вес заработной платы в ВВП в постсоветский период существенно сократился. По данным межотраслевого баланса за 1990 г., заработная плата в чистом виде составляла 40,5 % от ВВП, а в среднем за пореформенный период (с учетом скрытой оплаты труда) — лишь 25,8 %. Это беспрецедентно малая величина для страны с развитой индустрией и многомиллионной армией наемного труда. В ведущей капиталистической стране — США доля валовой прибыли экономики в полтора раза ниже, чем в России, а доля оплаты труда — на 27 % выше. По мнению С. Меньшикова, это результат «пиратского» характера российского капитализма, в котором практически не действуют ограничительные правила, введенные в США и других ведущих индустриальных странах Запада, начиная с 30—40-х годов прошлого столетия. Частный капитал в России «вместе с государственной собственностью присвоил себе и повышенную долю прибавочного продукта, которая раньше доставалась государству» [Меньшиков, 2004. С. 261].

По мнению 80 % сельских работников, их труд оплачивается несправедливо и не соответствует их квалификации и трудовому вкладу62. Такие оценки имеют объективные основания. Согласно официальным данным, в настоящее время оплата труда в сельском хозяйстве является самой низкой среди отраслей экономики. В 2004 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 2791,8 рубля, или 41,4 % по отношению к средним показателям по экономике в целом, и едва достигла прожиточного минимума трудоспособного населения. Реальная заработная плата работников

---

62 Здесь и далее приводятся данные социологического опроса сельского и городского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН под нашим руководством в 2006 г. Всего опрошено 717 чел., в том числе 305 сельских жителей. Выборка репрезентирует сельское население области по полу, возрасту и месту проживания. Полевой этап исследования проведен ООО «РОМИР Мониторинг. Новосибирск».

сельского хозяйства в 2004 г. составляла лишь 37 % от уровня 1991 г. [Труд., 2006]. Ее величина не обеспечивает расширенного воспроизводства рабочей силы. Такое положение дел в период формирования рыночных отношений представляется парадоксальным, поскольку приводит к разрушению трудовой мотивации и инструментальной ценности труда. В 2006 г. заработная плата работников сельского хозяйства увеличилась до 4563 р., или до 43 % от среднероссийского уровня [Российский статистический ежегодник., 2007].

Основными источниками дохода для сельских жителей являются личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия. Анализ адаптационных стратегий сельских жителей показал, что более 75 % респондентов в условиях длительной безработицы были ориентированы на занятость в личном подсобном и домашнем хозяйстве. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления бедности. Основная часть продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный сезонный характер, а размер ЛПХ ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани исчерпания. Ведение ЛПХ для многих семей носит вынужденный характер. При наличии постоянной работы многие из них существенно сократили бы его размеры или отказались бы от него вовсе. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм же накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также не отработан.

Изменение каналов социальной мобильности. В не меньшей степени депривация сельских сообществ обусловлена тотальной реорганизацией, а нередко и разрушением коллективных хозяйств, несправедливой приватизацией, изменением кадровой политики, основанной зачастую не на профессиональных качествах работников, а на родственных или клановых интересах. Известно, например, что в современной России при поиске работы чаще всего люди обращаются не к формальным посредникам, а к своим родным и знакомым, т. е. используют личные связи или социальные сети. По данным ФСГС, в ноябре 2006—августе 2007 гг. к этому каналу трудоустройства прибегали 57,0 % безработных, в то время как в государственную службу занятости обратились 35,3, непосредственно к работодателю — 25,7, подавали объявления в печать либо откликались на опубликованные объявления — 13,3 % безработных, в коммерческую службу занятости — 3,0 %, другие способы поиска работы использовали 11,3 % [Обследование ., 2004. С. 114].

По мнению В. Кабалиной, «абсолютное доминирование неформальных механизмов найма при слабости новых формальных институтов посредничества способствует усилению тенденции к закрытости и сегментации рынка труда и формированию институциональных барьеров

для свободного перемещения работников на рынке труда» [Кабалина, 1999].

Основным каналом восходящей социальной мобильности в развитых обществах является образование. В условиях же массовой бедности обеспечить доступность качественного образования для сельского населения можно только при активной роли государства и стимулировании социальной деятельности бизнеса.

Резкое ухудшение социального обслуживания жителей деревень. Банкротство многих коллективных хозяйств и передача учреждений социальной инфраструктуры на баланс местных администраций, не обеспеченных необходимыми ресурсами (финансовыми, трудовыми, материально-техническими), привели к коллапсу социального обслуживания жителей малых поселений. Так в Новосибирской области 74 % малых сел не имеют на своей территории медицинского пункта, 80 — клуба, 86 — школы, 57 % — магазина. Более половины малых поселений не имеют регулярного автобусного сообщения, треть сел не имеют телефонной связи. И только жители 5 % малых поселений имеют возможность в своем селе посещать клуб, обращаться за неотложной медицинской помощью, обучать своих детей в местной школе, как правило, дающей только начальное образование. Около 60 % малых сел не имеют на своей территории никаких учреждений социально-бытового обслуживания.

Явно просматриваются неблагоприятные зоны, где сельское население, по сути, лишено элементарных «благ цивилизации». Особенно ярко это проявляется в малых селах, расположенных в урбанизированных районах вблизи областного центра. Создается впечатление, что местные администрации переложили функции социально-бытового обслуживания жителей таких сел на городскую инфраструктуру, но низкий уровень транспортного обслуживания не позволяет воспользоваться ею.

В последнее время особую остроту приобрела проблема отсутствия школ в тех населенных пунктах, где проживают дети школьного возраста. Большинство школьников из этих сел вынуждены обучаться за пределами места жительства. Взятый курс на ликвидацию малокомплектных школ лишь усугубит ситуацию. Учитывая проблемы с отсутствием и техническим состоянием имеющихся школьных автобусов, низким качеством сельских трасс, нерегулярной расчисткой дорог в зимнее время, ростом цен на бензин, можно сказать, что часть детей практически будут лишены возможности получения образования. Между тем проведенная перепись населения выявила увеличивающийся разрыв в уровне образования городских и сельских жителей (рис. 28.2).

Так, если в городе доля взрослого населения, имеющего высшее и неполное высшее образование, составляла в 2002 г. 24 %, то в сельской местности — только 7 %. При этом более половины сельских жителей не имели никакого профессионального образования, а для 17 % сельчан уровень образования был ограничен лишь начальной школой. Особенную тревогу вызывает рост неграмотности среди сельских жителей. Высокая

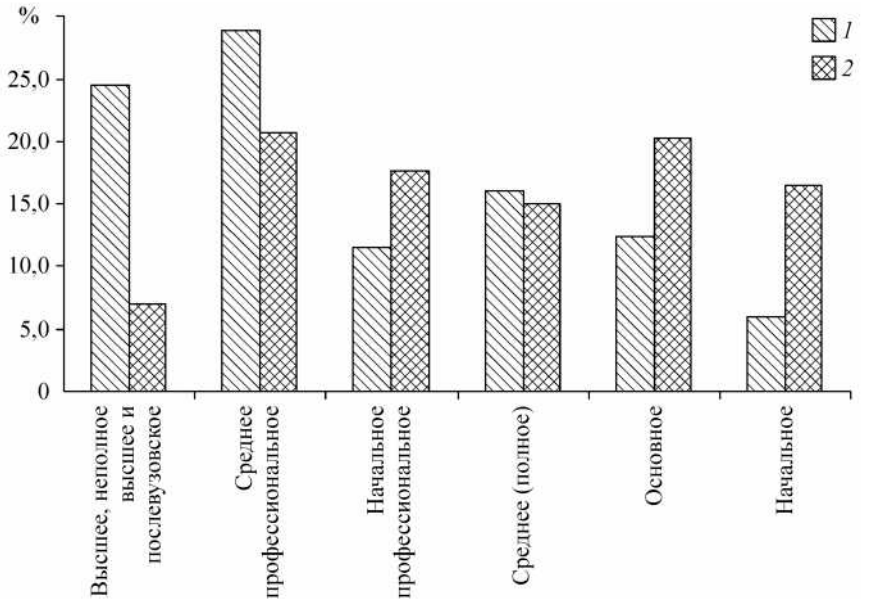

Рис. 28.2. **Структура взрослого городского (1) и сельского (2) населения Новосибирской области (в возрасте 15 лет и более) по уровню образования.**

Источник: **Население Новосибирской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): Стат. Сб./ Новосибирский областной комитет госстатистики. Новосибирск, 2004. С. 46—63.**

степень поляризации городских и сельских жителей по уровню образования в немалой степени снижает шансы последних на жизненный успех, не позволяет раскрыться в полной мере их человеческому потенциалу.

С этих позиций отсутствие школ в большинстве малых сел и угрозу их закрытия там, где они еще функционируют, можно рассматривать как фактор, усугубляющий отмеченное неравенство в получении образования в зависимости от места проживания детей и провоцирующий ухудшение ситуации в образовательной сфере в сельской местности в перспективе.

При этом следует учитывать, что школа на селе является своеобразным институтом, способствующим социальной организации сельской жизни. Нередко директора школ являются неформальными лидерами и на общественных началах выполняют функции деревенских старост, а иногда и руководят сельскохозяйственным производством. Поэтому закрытие школы не только отрицательно сказывается на положении детей, но и приводит к распаду сложившихся солидарностей и к дезорганизации сельских сообществ.

Итогами аграрных преобразований стали утрата сельскими жителями жизненных перспектив и их ориентация на «выталкивание» своих

детей и внуков из деревни, что, по существу, ставит под угрозу само существование деревни. Вот наиболее типичные высказывания сельских жителей:

«Не вижу перспектив ни в настоящем, ни в будущем»; «Развалится и все. Уже есть примеры по району»; «Упадок»; «Ничего не светит»; «Крах, вымирание населения, полная разруха»; «Нет перспективы для деревни»; «Если правительство будет жить в виртуальном мире, все погибнет, совсем все заглохнет».

Не видя перспектив, многие сельские жители стараются дать образование своим детям с тем, чтобы они никогда не возвращались в деревню:

«Все распадается. Все к распаду идет. Молодежи некуда податься. Выезжают в город. 10, 11 классы под угрозой закрытия. Не видят заработной платы. Запиваются»; «Сын не хочет доживать в деревне. Здесь ничего не строят. Разрушить просто, а восстановить невозможно»; «Я здесь корнями, но не хотел бы, чтобы дети и внуки остались в деревне».

Остаются лишь те, которым некуда податься, трудно устроиться в городе.

«Теперь они никуда не уедут, нужны большие деньги, все приватизировано, надо держаться за свое».

Те же, кто свыкся с бесперспективностью своего положения, безразличны к будущему своего потомства. Сформировалась когорта родителей, которые уже не видят необходимости в профессиональном обучении своих детей, их не пугает отсутствие у них постоянной работы и перспектив дальнейшего трудоустройства. Их вполне устраивает то, что подросшие сын или дочь «сидят на их шее» или же перебиваются случайными заработками, идут в услужение к своим соседям или к наиболее зажиточным сельским семьям. Из интервью с руководителем сельхозпредприятия:

«У некоторых родителей выработалась странная позиция: пусть их дети лучше не работают в хозяйстве, а определяются в батраки: посадить и убрать картофель, бабушке забор подделать, где-то еще подкалымить. Но ведь рабочий стаж такой работник не заработает, пенсии ему не видать».

Надежды на прекрасное будущее деревни лишь изредка звучали из уст респондентов:

«Будущее деревни вижу красочным. Если крестьянину дать надежду, что он что-то вырастит и продаст, тогда деревня будет жива».

Инверсия социальной организации сельских сообществ, коренная ломка традиционного уклада жизни сельского населения. Прошедшая реорганизация сельскохозяйственных предприятий привела к формированию новых организационно-правовых форм хозяйствования на селе и изменению статуса коллективных хозяйств. Соответственно изменились

их функции. В советские времена сельскохозяйственные предприятия выполняли помимо производственной важные социальные функции по организации отдыха, лечения и досуга работников и членов их семей. Руководители хозяйств были не только наиболее влиятельными представителями власти, но и субъектами, в распоряжении которых находились дефицитные ресурсы, необходимые для ведения личного подсобного и домашнего хозяйства сельских жителей. Именно к ним в тяжелые моменты жизни обращались сельские жители и получали необходимую помощь, если руководитель считал целесообразной ее предоставление. Частные владельцы, пришедшие на смену руководителям коллективных хозяйств, люди более рациональные и не желающие брать на себя бремя социального обслуживания населения. В таких условиях сельское население может рассчитывать только на себя, на собственные силы в решении многих социальных проблем. Как верно отмечено П. Великим, в настоящее время наблюдается «ослабление связей деревни с государством и всем обществом» [Великий, 2005. С. 32].

За годы советской власти селяне привыкли трудиться в коллективных хозяйствах (оставим за скобкой плюсы и минусы коллективного труда). При этом занятость в общественном производстве, бесплатное медицинское обслуживание и образование были гарантированы действовавшей в то время Конституцией.

В быстро меняющемся обществе перед индивидом возникает дилемма: выстроить самостоятельную индивидуальную стратегию адаптации, не оглядываясь на способы и направления адаптации социальных групп, социальных организаций, в которые он входит, или поступить прямо противоположным образом — войти в фарватер адаптивных стратегий этих групп и организаций и совместно с ними осуществлять процесс адаптации [Корель, 2007]. Работники коллективных хозяйств прошли вместе со своими коллективами тяжкий путь преобразований, сопровождавшийся невыплатами и систематическими задержками заработной платы, увеличением доли натуроплаты, отсутствием гарантии занятости, сокращением социальных программ, отсутствием перспектив развития. Но, несмотря на все трудности, сельскохозяйственные предприятия и в условиях реформ оказывали помощь своим работникам, прежде всего в ведении личного подсобного хозяйства, а в критических ситуациях оказывая им материальную поддержку, тем самым облегчая процесс адаптации людей к новым социально-экономическим условиям.

Жители брошенных деревень, где нет крупных работодателей, были лишены такой опоры. Каждая сельская семья была вынуждена выстраивать свою собственную стратегию адаптации, опираясь на собственные ресурсы. В такой ситуации большинство сельских жителей ощущают себя брошенными на произвол судьбы, не нужными государству и обществу.

Таким образом, экономическая депривация дополняется еще и социальной депривацией. Согласно концепции эксклюзии, современные

общества распадаются на качественно различные образования с разными историческими перспективами, находящиеся в мейнстриме и социально исключенные [Тихонова, 2006]. Жители «брошенных» деревень, лишенные работы и стабильных источников дохода, в большинстве своем принадлежат к таким социально исключенным группам:

«Говорят рынок-рынок, а где ж он, этот рынок? Это не рынок, а грабеж средь бела дня. Сначала загнали в колхозы, а сейчас еще мудрее, — хотят замучить людей в деревнях, как каторжных. За что?».

«Мало я в этом понимаю и образования маловато. Знаю, что народ живет очень бедно, никуда не годится!».

Респонденты отмечают, что на селе стали появляться маргинальные группы из числа одиноких престарелых женщин, которые пропивают полностью свою пенсию и живут затем на подачки сердобольных соседей. Пьют от одиночества и безысходности, от ощущения своей брошенности и ненужности:

«Одна как в космосе, каждый выживает в одиночку», «Все сами по себе».

Характеризуя одиночество пожилых сельских жителей, П. Великий отмечает, что одинокий человек теряет пространство сопричастности с другими людьми, трансформируясь в непредпочитаемого члена общности — семейной или поколенческой [Великий, 2005].

Сейчас модно говорить о развитии гражданского общества, становление которого предполагает превращение все большей части россиян из пассивных *подданных* государства в свободных, сознательных и активных *граждан,* ясно понимающих свои интересы, знающих свои права и возможности и способных быть самостоятельными акторами общественных процессов [Заславская, 2005]. Одним из индикаторов развития гражданского общества может служить отношение общества к детям и старикам. Если ориентироваться на этот критерий, то современная Россия, судя по всему, еще далека от построения подобного общества. Особенность современной ситуации заключается в том, что социальными изгоями, «непредпочитаемыми» членами общества становятся целые сообщества, к которым относятся жители деревень, где нет крупного работодателя.

Апатия, отказ от элементарных стандартов потребления, переход на натуральное хозяйство, сокращение потребностей, распространение асоциального поведения — воровства, пьянства, снижение профессионализма, нежелание работать — характерные черты сегодняшней жизни жителей сельских поселений, где нет работодателя.

В таких поселениях повсеместно наблюдается архаизация образа жизни, проявляющаяся в преобладании архаической системы производства, основанной на тяжелом немеханизированном труде в рамках личного подсобного хозяйства; в преобладании потребительского характера производства; вовлечении в производственный процесс всех членов се-

мьи, включая стариков и детей. Более половины сельскохозяйственной продукции в России в настоящее время производится в хозяйствах населения, практически не включенных в кооперационные связи по обслуживанию, сбыту и переработке продукции. Широкое распространение получили собирательство даров природы (грибов, ягод, орехов и пр.), а также отходничество как способы выживания многих сельских семей.

Статусная неконсистентность отдельных социальных групп. Она возникла вследствие обнищания основной массы сельского населения, в том числе сельской интеллигенции, с одной стороны, и обогащения — других, в результате несправедливой, по мнению сельских жителей, приватизации коллективных хозяйств. К концу 1990-х гг., как показал проведенный нами анализ мотивации и каналов рекрутирования сельских предпринимателей, часть сельской интеллигенции в поисках новых сфер приложения труда и надежных источников дохода вынуждена была заняться предпринимательской деятельностью вопреки своим профессиональным интересам и предпочтениям [Калугина, 2003].

Осознание индивидом или группой своего более низкого уровня удовлетворения потребностей относительно других групп приводит к относительной социальной депривации:

«Вся администрация, когда началась перестройка с распределением, была у руля, всю технику хорошую забрали. Мне людей жалко. Всю жизнь провка- лывали, а сейчас не очень грамотные остались с носом».

Лишенная рабочих мест и, соответственно, стабильных источников доходов значительная часть и без того небогатого сельского населения превратилась в люмпенов. Бедность стала основной чертой существования в таких поселениях. Обследование социального самочувствия различных групп россиян, проведенное Институтом социально-политических исследований РАН в 2003 г. (*N* = 1000), показал, что около 60 % бедного населения «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни». Среди богатых таких пессимистов не было обнаружено. Начало XXI в. ознаменовалось в России тем, что богатые люди стали еще богаче, а бедные — еще беднее [Иванов, 2004].

Таким образом, высокие масштабы безработицы и низкая цена труда являются главными причинами возникновения экономической и социальной депривации сельского населения в настоящее время. Инверсия социальной организации сельских сообществ, разрушение привычного уклада жизни усугубили ситуацию.

Фоном, а во многом и детерминантой ключевых проблем качества жизни сельского населения являются изъяны государственной социальной политики, проводимой в стране в 1990—2000-х гг., а именно: нелигитимное перераспределение ресурсов в пользу высоко обеспеченных слоев населения; порочная, с социальной точки зрения, концепция полярного развития регионов при государственном патернализме регионов-локомотивов, закрепляющая региональные социальные неравенства;

хроническая недооценка труда и рабочей силы; резкое сокращение социальных функций государства, лишившего себя традиционных источников социальной поддержки населения, передав сверхприбыльные отрасли в частные руки.

* * *

Стратегической целью социальной политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе должны стать качественный прорыв в уровне жизни населения и устойчивое развитие сельских территорий на основе преодоления необоснованных региональных социальных неравенств, хронического отставания сельских районов от среднероссийских стандартов жизни, развития сельского самоуправления. Политика сельского расселения должна соответствовать требованиям пространственной организации сельскохозяйственного производства, содействовать развитию инициативы и самоорганизации локальных сообществ и опираться на ненасильственные методы решения проблем расселения, обеспечение сельским жителям свободы выбора места проживания и места работы [Калугина, Фадеева, 2005, 2006].

ГЛАВА 29 Образ сельской бедности: отражение статусной кристаллизации в сознании селян

В современном российском обществе проблема бедности и бедных находится в фокусе внимания ученых, журналистов, политиков, однако в силу многогранности продолжается процесс ее познания и осмысления.

Несмотря на то, что бедность не подразумевает пространственно-территориальных границ, феномен сельской бедности заслуживает особого внимания: «.у бедности в России — сельское лицо» [Штейнберг, 2004. С. 80]. Переход от административно-командной к рыночной системе хозяйствования имел наиболее болезненные последствия для экономически нерентабельных отраслей. В аутсайдерах оказалось сельское хозяйство, в котором заняты многие сельские жители: оплата труда работников этой отрасли самая низкая по стране [Никулин, 2004. С. 96].

Общегосударственный характер проблем села — в сельском хозяйстве производится стратегически важный продукт, обеспечивающий продовольственную безопасность страны, а также «уроки» истории краха советской системы [Гайдар, 2006] требуют всесторонней оценки результатов проводимых преобразований в аграрном секторе России. Со-

циально-экономические последствия реформ являются предметом пристального внимания отечественных исследователей-аграрников. По мнению З. И. Калугиной, один из парадоксов реформирования сельского хозяйства в нашей стране заключается в «резком обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села» [Калугина, 2000. С. 139]. На основе исследований О. П. Фадеева делает вывод, что аграрные реформы не только не решили проблему становления эффективной многоукладной сельской экономики, но и вызвали заметное ухудшение социально-экономического положения большинства селян [Фадеева, 2003]. По мнению И. Штейнберга, «за десятилетия аграрных "реформ" сотни тысяч сельских семей переместились за официально признанную черту бедности» [Штейнберг, 2004].

Количественные оценки показывают, что именно в сельской среде бедность масштабнее и глубже [Овчинцева, 2004]. На наш взгляд, объяснительный потенциал качественной методологии может расширить горизонты познания природы и причин бедности, предоставляя изображения разных проекций этого явления в сознании жителей села. Опираясь на идеи З. Баумана, смысл проведенного социологического исследования видится в описании множества вариантов состояния бедности, выходящих за границы «наших повседневных повествований» и остающихся «невидимыми для индивидуального опыта», так как «существует больше вариантов жизни, чем предлагается.. .теми историями, в которые мы верим, полагая представленное в них единственным из возможного» [Бауман, 2004. С. 13].

В качестве информационной базы исследования использовались данные обследования одного из сел Новосибирской области[63], проведенного в 2006 г. (руководитель проекта[64] — Т. Ю. Богомолова). Идея глубокого погружения в социальную жизнь отдельного поселения с целью изучения социальной структуры локального сообщества заимствована у американского антрополога и социолога У. Л. Уорнера [Герцог, 1992; Уорнер, 1997].

Образы «богатства» и «бедности» в селе: бедность – жизнь «без проекта»?

Традиционно бедных анализируют как группу, занимающую низшие позиции в экономической стратификации, при этом наличие низкого дохода является стандартным критерием для определения бедности. В данном случае бедность — «одномерное» явление, связанное с положением в одном фрагменте социального пространства. «Отождествле-

63 В данной публикации фамилии людей, названия организаций и сел изменены.

64 Проект «Социальное расслоение и бедность в сибирской глубинке», реализованный в рамках исследовательской программы «Российская бедность в локальном измерении» Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники».

ние экономического неравенства с неравенством доходов широко распространено в экономической науке, и, более того, эти две разновидности неравенства зачастую объявляются синонимичными» [Сен, 2004. С. 128]. Эта традиция, с одной стороны, получила развитие в работах российских авторов, с другой стороны, вызвала дискуссии по вопросам переопределения границ бедности с помощью других измерителей экономического неравенства в современном российском обществе (самоидентификации с бедными, уровня имущественной и жилищной обеспеченности, размера прожиточного минимума и т. п.). [Ярошенко, 1998; Тихонова, 2003; Богомолова, Тапилина, 2004; Давыдова, Седова, 2004; Чинакова, 2005; и др.].

Интересным в контексте определения положения бедных в социальном пространстве является их представление не только как страты, выделяемой в экономической стратификации, но и как статусной группы с определенными стилем жизни и стандартами потребления [Ярошенко, 1998].

Еще одной альтернативой определения бедности считается «возможностный» подход, трактующий ее как отсутствие базовых возможностей, а не просто как наличие низкого дохода. При оценке бедности относительно потенциальных возможностей принципиальным становится переориентация внимания со *средств* (доход — лишь одно из них) на *цели*, которые человек преследует, и, соответственно, на свободы, позволяющие достичь этих целей [Сен, 2004].

Не исключена возможность конструирования образа бедности и бедных, в том числе политиками, работниками органов социальной защиты, учеными и журналистами [Ярошенко, 1998]. Усложняет картину психология «прибеднения» россиян, которая выражается в упорном стремлении отстоять «имидж проблемного существования» вне зависимости от настоящего положения дел [Штейнберг, 2004].

На наш взгляд, на формирование образа бедных и бедности в сознании людей оказывает влияние процесс кристаллизации статуса нижних слоев. Признавая сложность и многогранность статусной кристаллизации [Саблина, 2003], в данном исследовании мы концентрируем внимание лишь на одном ее аспекте — возможном «сращивании» нижних полюсов экономической и социальной иерархий в данной локальности, а также его отражении в сознании людей.

Проверка гипотез исследования предполагала выявление «картинок-образов» бедности и богатства в локальном сообществе, которые формировались на основе ответов респондентов на следующие вопросы: «Скажите, пожалуйста, что, по-вашему, в селе отличает состоятельную, обеспеченную семью от всех остальных? Не могли бы Вы назвать в виде примера некоторых. В чем причины их обеспеченности?» и «Каковы, на Ваш взгляд, отличительные черты бедной семьи? Назовите несколько семей, которых Вы считаете бедными. Почему эти семьи оказались в таком положении? Расскажите, пожалуйста, о семье или человеке в селе,

материальное положение которого хуже некуда. Как он все-таки живет?».

Практически все опрошенные не отрицали факта существующей дифференциации селян по уровню материального достатка. Люди отличаются друг от друга по уровню дохода гораздо в большей степени, чем это наблюдалось в недавнем прошлом. Особенно остро эти различия воспринимали представители старших возрастных групп.

«Сейчас уже как-то есть богатые и бедные, и все это неодинаковое. А раньше же все одинаково жили — у всех ничего не было. Что было — так было у всех это»
(женщина, 59 л., пенсионерка, бывшая доярка)

«Раньше жили все одинаково. А сейчас в деревне живут богатые, живут бедные. Богатые уже над бедными подкусывают, подыгрывают»
(женщина, 70 л., пенсионерка, работала в совхозе)

Большинство респондентов справилось с задачей конструирования образов полюсных групп, при этом меньше трудностей возникло с определением картины бедности. Скорее всего, произошло «извлечение из сознания» готовых образов, сформировавшихся на основе многочисленных иллюстраций из мира повседневности. Поистине универсальным каноном сознания является представление о бедности как «многослойном» явлении, к которому приводит цепочка обстоятельств, их определенное сочетание. Конструируя образ бедных, респонденты наиболее часто упоминали факторы, образующие во взаимосвязи типичные условия.

1. «Бедные — это пьющие». По мнению большинства респондентов, пьянство может выступить самодостаточным фактором, сводя к нулю любые позитивные аспекты социальных позиций (например, можно неплохо по сельским меркам зарабатывать или получать хорошую пенсию, но все пропивать). В реальных жизненных ситуациях пьянство сочетается со многими другими неблагоприятными условиями (многодетность, инвалидность, отсутствие работы, нежелание трудиться и т. п.).

«Иногда они бедные только просто потому, что они пьют»
(женщина, 27 л., работает в школе)

«Почему они бедные? Они не хотят работать. Я работаю в комиссии, я всех на перечет знаю такие семьи. Или пьют, или не хотят работать. В основном те, кто не хотят работать. Родители пьют, дети занимаются сами собой»
(женщина, 42 г., зав. сельской библиотекой)

«Который пьет, вот он и бедный. Им ничего и не надо, им только вот засмолить — и все. В деревне бедных не должно быть. Все равно, выжить в деревне можно. Держи коровку — хотя бы одну, поросеночка держи»
(женщина, 63 г., на пенсии, работала продавцом)

2. «Бедные — это ленивые». Отсутствие достижительных установок повышает шансы оказаться в ситуации материальной недостаточности, особенно в сочетании с занятостью в сельском хозяйстве с низким уровнем оплаты труда. При этом риск оказаться проблемными в материальном плане у рядовых работников сельскохозяйственных предприятий больше, чем у руководителей разного уровня. Особый случай представляет «ленивое пьянство».

«Кто работать совсем не хочет, тот и бедный! Кто маленько шевелится — тот еще не бедный, хоть не на грани бедности»

(женщина, 59 л., на пенсии, работала дояркой)

«Бедный, я считаю, только из-за себя, ленивые, не хотят ничего сами. Они бы все готовое, кто бы им сделал, тогда б пожевали. Есть еще за счет горла своего — попили, погуляли»

(женщина, 51 г., на пенсии, работала дояркой)

3. «Бедные — это многодетные». Многодетные семьи часто попадают в ситуацию материальной недостаточности, так как велика нагрузка иждивенцев на работающих членов семьи, размер детских пособий не компенсирует расходов, при наличии маленького ребенка жена вынужденно не работает. Многодетность может сочетаться с безалаберностью и непутевостью матери, так что становится непонятно, где — причина, а где — следствие. Особенно тяжелой становится ситуация в пьющих многодетных семьях.

«Трое детей, он скотником работает, жена нарожала их, а сама, как коза, скачет везде, работать — путем не работает. Да ей и работать-то, в принципе, от детей куда? Все равно, она их бросает и в школу бежит, там работала она посудомойкой. Еще ведь надо маленько распорядиться какой копейкой, а то она профукает сквозь пальцы куда-то, ни детям, ни в дом, ничего»

(женщина, 66 л., на пенсии)

«М*** — и муж, и жена. Они пьют. У них многодетная семья. И очень часто мы к ним ездили с комиссией, потому что дети неухожены. И потом когда дети выросли, то сами стали заботиться о скоте, об огороде, потому что у мамы часто запои, и у папы тоже. Мама еще хуже папы. Они не хотят работать, запиваются. Детские деньги пропивают — их же четверо, ей же платили»

(женщина, 41 г., работает в школе)

4. «Бедные — это переселенцы». В последние годы село «пережило» несколько волн мигрантов, главным образом, из Новосибирской области, Алтайского края и Казахстана. Г руппа мигрантов неоднородна, в более благоприятном положении находятся те переселенцы, которые возвратились в родное село (здесь родился один из членов семьи) или переехали поближе к родственникам. В любом случае переезд требовал транспортных расходов, затрат на обустройство на новом месте, при этом не всегда удавалось продать дома и квартиры (особенно в Казах-

стане), приходилось оставлять имущество (с собой брали самое необходимое).

«Семья переселенцев Т***, они как-то не получили гражданство и не могут теперь на работу устроиться. Они, не сказала, чтобы и пьют особенно, но они живут кое-как, потому что в такую ситуацию попали»

(женщина, 47 л., работник ДК)

«Ну, все равно, на одном месте делаешь — уж делаешь, зарабатываешь, а мы — с места на место. На тот же переезд, сколько денег надо? Ужас. За ту же машину, мы в 2001-м переезжали, КАМАЗ пять тысяч стоил, чтобы только перевезти»

(женщина, 42 г., многодетная мать, работает телятницей в СПК, муж — местный житель — перевез семью 5 лет назад с Алтая)

«Когда в Казахстане жили, у нас был и конь, и корова — все было у нас. И дом был — даже не один дом, а три дома было у нас. А никто их не берет в деревне, никто не хочет жить там. Все почти за дешевку отдали, а эти деньги тут обесценились. Контейнер с вещами из Казахстана сюда вести не выгодно. Немножко кое-что с собой взяли. Взяли в [легковую] машину и везли тысячу километров»

(семья переселенцев из Казахстана, приехали 2 года назад, муж и жена — пенсионеры)

Неукорененность как самодостаточный фактор материальной нужды редко присутствовал в сознании опрошенных, чаще сочетался с другими неблагоприятными параметрами (лень, пьянство, проблемы с психикой).

«У нас есть семья Г***. Они пасут скот. Трудно сказать, откуда они появились, у них пять детей. Они первый раз к нам приехали, может, семь лет тому назад, приехали с маленькими детьми и с пустыми руками. Все как-то старались помочь, потом поняли, что им это не особо и надо. Они тут пожили, пожили, куда-то уехали. В общем, они уже два или три раза уезжали, приезжали. Ну, непутевые, наверно, я не могу понять, в чем причина. Они не пьющие»

(женщина, 47 л., работник ДК)

«Бедные семьи здесь из-за чего?! В основном, потому что лень, пьянство это. Даже приезжие из Казахстана. Ладно, там плохо было, тяжело было жить. Приехали — работайте, работу здесь предоставляют. А они даже скота не держат»

(женщина, 48 л., на пенсии по инвалидности)

5. «Бедные — это нетрудоспособные» (пенсионеры, инвалиды). Отсутствие физических возможностей приводит к материальным проблемам только в сочетании с другими неблагоприятными обстоятельствами. Некоторые респонденты считают инвалидов и пенсионеров «относительно богатыми» селянами, аргументируя это наличием ежемесячного стабильного денежного дохода (вполне нормального по сельским

меркам). Кроме того, у пожилых людей более скромные потребности и есть накопленное имущество (ресурсы). В ситуацию материальной недостаточности попадают чаще инвалиды и пенсионеры, «пропивающие пенсии», а также не получающие по разным причинам поддержки от детей или других родственников.

«Пенсионеры у нас живут богато. Пускай они плачутся: “Ой, какие мы несчастные, бедные”. БОГАТЫЕ *[делает акцент на слове]* пенсионеры!»

(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

«Пенсия, я думаю, их спасет. Да, им и не так много надо уже. А если еще хозяйством заниматься. »

(женщина, 41 г., работает в школе, жена фермера)

«Вот сосед рядом живет, он инвалид. Там вообще невозможно. Мы с бабой Шурой что ему дадим, то он и поест. Но он же пенсию получает большую, но эту пенсию он пропивает сразу»

(женщина, 55 л., бригадир животноводства СПК «Сибирский»)

«[Бедные] — это в основном кто? Если, допустим, живут один или двое, оба пенсионеры, им помочь некому, хозяйство же держать они не могут»

(мужчина, 55 л., на пенсии, бывший военный)

В сознании респондентов проявилось классическое разделение типичных условий попадания в категорию бедных на две группы: «внутренние» («зависят от самого человека») и «внешние» («стечение обстоятельств»). Реальные состояния бедности являются «причудливым» сочетанием и тех, и других. Первая группа факторов преобладает в высказываниях опрошенных, среди них поистине универсальной причиной выступает пьянство, которое можно рассматривать как определенный образ или стиль жизни с однозначно негативной окраской. Несмотря на многообразие ситуаций из группы «внутренних» условий, вину за состояние бедности несет сам человек.

«Они живут так, потому что они так хотят. Они просто в нужде живут. Вот сейчас заходила ко мне М*** — муж у нее утонул недавно. Она по-черному квасит, пьет ежедневно. Она получает пенсию, но пенсия, конечно, у нее маленькая. Они могли хотя бы себе овощи продать, что-то еще такое, но они ленятся. Либо пьют. Вот она болезнь: лень да алкоголь».

(мужчина, 47 л., не очень успешный фермер, в прошлом журналист районной газеты)

Группа «внешних» условий упоминалась респондентами реже. В отличие от внутренних причин, они могут быть не связаны с негативными практиками, вследствие этого состояние бедности воспринимается как несправедливое. Людям трудно выйти из сложившихся ситуаций без помощи извне, поэтому для этой категории важны разные формы социальной поддержки.

«Есть инвалид, первая группа, он вообще не ходит, и она *[жена]* за ним ухаживает, и ребенок. Ну, стараются они. Ну, что там? Одна пенсия, больше никакого ни подсобного они не могут держать хозяйства, ничего. Понятно, что бедно живут. молодая семья»

(женщина, 53 г., работник фельдшерско-акушерского пункта)

Описанные факторы оказывают значимое влияние не по отдельности, а в сочетании, образуя типичные условия попадания в состояние бедности. Вероятно, это явление многомерное: чем больше «наслаивается» неблагоприятных факторов, тем вероятнее оказаться бедным.

Специфика образа сельской бедности особенно ярко проявляется при сравнении «картинок» противоположных полюсов экономической иерархии. Образ «условно богатых», зажиточных, состоятельных людей (по мнению селян, более адекватное название этой группы — «обеспеченные») приобрел вполне реальные очертания в сознании респондентов.

1. «Обеспеченные — это фермеры». Не менее половины опрошенных к числу «относительно богатых» селян отнесли фермеров, что не противоречит данным о среднедушевых семейных доходах.

«Я смотрю, фермерА — они в достатке живут. Я хоть не сказала — побогаче. Я посмотрю — они бьются, колотятся, потому что и запчасти надо купить, и солярка эта, и посевная, и уборка, сейчас протравливание. В общем, у них не сказал бы, что богато, но, все равно, они живут обеспеченней»

(женщина, 51 г., на пенсии по инвалидности, работала дояркой)

Респонденты неоднократно уточняли, что не все фермеры относятся к высокодоходной группе. Речь идет, прежде всего, о членах СПК «Колос» — объединении шести фермерских хозяйств, которые занимаются полеводством (выращивают пшеницу) «с умом», по-хозяйски и с предпринимательской жилкой.

«Вот они, группа их — 6 человек — фермерствуют, они хорошо живут. У них общая земля, общая техника, все, они вместе работают, как минисовхоз небольшой»

(женщина, 66 л., на пенсии)

Представление жителей села об относительном богатстве фермеров не разделяют члены СПК «Колос», не считая себя самыми состоятельными (среди опрошенных были представители трех из шести фермерских семей).

«Состоятельные здесь те, кто торговлей занимаются. Я смотрел передачу, где выступал фермер и говорил, что такого, как торговлей, он никогда не наживет. Мы не бедные люди, конечно, если сравнивать с другими. Все в сравнении. Вот у нас торгаши нормально живут»

(мужчина, 45 л., фермер, руководитель СПК «Колос»)

2. «Обеспеченные — это частные предприниматели». По числу упоминаний они идут вслед за успешными фермерами. В этой группе безусловным лидером является владелец магазина «Успех», реже респонденты указывали на обладателей собственных КамАЗов, оказывающих транспортные услуги населению.

«Не сказал бы, что такие зажиточные К***, магазин у кого. Хорошо развернулся этот человек, он вообще с нуля начал все: сначала таксовал, потом начал магазин строить»

(молодой человек, 19 л., студент, проходил практику в родном селе)

«Есть предприниматели, которые занимаются извозом. Что они делают? Услуги транспортные, у них личные КамАЗы, и они возят грузы. В какой-то момент, естественно, они зарабатывают очень быстро деньги»

(мужчина, 47 л., фермер)

3. «Обеспеченные — это "трудяги"». Третья по числу упоминаний группа относительно богатых представляет собой собирательный образ людей, которые сочетают в себе достижительные установки («стремятся пробиться, ищут соответствующую работу»), много работают («трудятся с утра до ночи»), содержат большое подсобное хозяйство, ориентированное на продажу («работают круглосуточно на своем подворье без отдыха»), не пропивают заработанное.

«Семьи, конечно, есть у нас зажиточные, состоятельные. Но я считаю, что это все за счет своего же труда. Трудятся с утра до ночи: на работе и в огороде, в ограде, в доме. А если сидеть на лавочке весь вечер, то, конечно, ничего нигде не прибавится»

(женщина, 44 г., учитель)

«Много-много состоятельных у нас. За счет хозяйства. У кого есть паи в совхозе, они на пай получают очень много зерна, сена дают. Ну, кто не лодырь, не боится работы»

(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

«Две коровы у нас, поросят держим пять штук, ведь старшая дочь студентка, сами понимаете. Вот я каждую субботу, несмотря ни на что, уже более десяти лет езжу на рынок, молочную продукцию вожу. Вот этим и живем»

(женщина, 42 г., зав. сельской библиотекой)

4. «Обеспеченные — это начальство». Последняя по числу упоминаний группа относительно богатых — это руководители высшего звена СПК «Сибирский» (нынешние и бывшие, продолжающие проживать в селе). Фактически в сознании респондентов получил отражение один из стратифицирующих факторов, проявляющийся на уровне общества в целом. Место в иерархии управления обусловливает доступ к распределению ресурсов, что дает шансы для получения относительно высоких доходов. Возможности «конвертируются» в материальный

достаток различными способами — законными и незаконными («пользуются доступом к технике, кормам, в том числе воруют»), моральными и аморальными (обман рядовых работников).

«Кто-то пользовался своей властью, чтобы стать богатым»
(женщина, 41 г., бывшая учительница, сейчас не работает, держит хозяйство)

«Обеспеченные? Ну, я думаю, что это только начальство у нас»
(женщина, 43 г., опекун внука-инвалида, работала дояркой в СПК)

«Я считаю, СПК — это как одна семья. Но почему-то один чашку ставит, один хлебает с этой чашки мясо, второму — там так, по порядку. Нам уже остается баланда. Вот у нас в месяц, по-моему, два миллиона, что ли [доход *СПК]* за молоко. Но мы почему-то не чувствуем этих денег, понимаете. Как будто, кто- то их несет, несет туда, в ту сторону»

(мужчина, 47 л., работает скотником в СПК)

Образ обеспеченных селян как представителей верхнего полюса неоднороден и включает следующие категории, расположенные в порядке убывания значимости (по числу упоминаний): фермеры, частные предприниматели, «трудяги» и руководители сельскохозяйственных предприятий. Несмотря на гетерогенность группы условно богатых, большинство ее представителей объединяет общий фактор обеспеченности — отношения собственности.

В позициях фермеров и частных предпринимателей он проявляется особенно ярко (собственность легитимизирована и «материализована» — в земельных паях, зданиях и оборудовании магазина, транспортных средствах и т. п.). Скорее всего, на верхнем полюсе отношения собственности не выступают определяющим фактором материального достатка только для «трудяг» (строго говоря, к ним относятся успешные фермеры и частные предприниматели).

Фермеры фактически самостоятельно контролируют все типы ресурсов, используемых в процессе производства [Райт, 2000]: физический капитал (в их собственности находятся средства производства: земля и техника), денежный капитал (они принимают решение о распределении полученной прибыли, в том числе направляя инвестиции в расширение сельскохозяйственного производства) и труд (в трудовой деятельности участвуют как сами фермеры, так и наемные работники, привлекаемые во время посевной и уборки урожая).

«Фермеры почему богатые — они землю в свое время взяли удачно, технику, кредит государство давало, сейчас просто работают. В совхозе платят мало, потому что считается: земля-то не твоя, а просто ты — как наемный работник. А они сами работают, что сделали — то и себе, получается, оставляют»

(молодой человек, 19 л., студент, сын фермера)

«У нас фермеры, вроде, живут нормально. Ведь у них своя земля, свой хлеб. Если урожай хороший — доход хороший»

(женщина, 55 л., бригадир животноводства СПК «Сибирский»)

«ФермерА, они сообща накосят, да уберут это вместе. Они для себя работают, ни на кого-то»

(женщина, 51 г., заведующая детским садом)

Руководители СПК «Сибирский» формально являются такими же совладельцами собственности — земли, техники, сооружений и т. п., как и рядовые работники сельскохозяйственного предприятия (все владельцы паев получают доход, как правило, в натуральной форме). Однако высшие позиции в структуре управления конвертируются в более высокий достаток, благодаря доступу к распределению ресурсов. Например, рядовые работники — владельцы паев — фактически не допущены к принятию решений о распределении полученной прибыли (т. е. не контролируют денежный капитал). Это порождает массу слухов о воровстве руководителей СПК, так как визуально они живут гораздо лучше остальных жителей села (дом, отличающийся от остальных по архитектуре и планировке, богатая обстановка и т. п.).

«А как сделать контроль? Вот он приезжает, говорит: “Молоко вторым сортом”. А откуда мы знаем, вторым он сдал его или высшим. Он-то его сдает высшим там, а нам-то бумагу везет, сует — вторым. [А у нас] с молока зарплата»

(мужчина, 47 л., работает скотником в СПК)

«Богатый человек — это Ю**, потому что он директор [СПК]. Единственный человек. Есть все возможности наворовать. Он может, по-вашему, купить квартиру за полтора миллиона двести тысяч?»

(молодой человек, 27 л., работник ДК)

Для представителей группы «трудяг», не являющихся фермерами и частными предпринимателями, путь к сияющей вершине «обеспеченности» один: готовность к «сверхэксплуатации» самого себя в совокупности со «здоровым» образом жизни (по крайней мере, без пьянства).

«Вот совхозники. Если хорошо работать, то премии выплачиваются разные, как ты поработаешь. Вот Б*** живут. Он работает на бензовозе, а когда уборка или посевная — он пересаживается на комбайн, то есть зарабатывает. Он тогда будет работать не десять часов, а может работать больше, и 14 часов. Он с утра может съездить бензовоз налить и привезти его, а потом сесть на комбайн и отработать смену. И за это он, естественно, получает. Тот, кто пьет, он теряет все эти коэффициенты трудового участия, разные премии. Есть у них такие поощрения, и они их теряют, и тогда ничего не получают. Б*** работают в совхозе, они получают паи, они держат свиней помногу, ездят с молочкой в город каждые выходные. И продают там на хорошие деньги. Ну, работай!»

(женщина, 41 г., работает в школе, жена фермера)

По результатам исследования, в сознании жителей села «образы-картинки» противоположных полюсов экономической иерархии не накладываются друг на друга, не совпадают и описания типичных условий формирования полюсных групп. Например, оказавшиеся в обеспеченной

группе фермеры ни разу не оценены опрошенными как бедные, а у «ленивых пьяниц» и пропивающих детские пособия матерей как типичных представителей нижнего полюса экономической иерархии не оказалось шансов попасть в группу состоятельных.

Наиболее значимый фактор «обеспеченности» в данном кейсе носит экономический характер и латентно связан с отношениями собственности, которые конвертируются в относительно высокий доход. Наиболее обеспеченные люди описываются респондентами, скорее, в контексте их позиций в социальной структуре локальной общины (фермер, частный предприниматель, руководитель), а не их образа и стиля жизни (таковым является только собирательный образ «трудяг»). При описании противоположного полюса сознание опрошенных неожиданно переключается на многомерное оценивание составляющих образа жизни, которые сочетаются в разных комбинациях (пьющие, ленивые, многодетные и т. п.). Указания на позицию в социальной структуре при конструировании образа бедных встречаются реже (нетрудоспособные — пенсионеры, инвалиды, т. е. фактически не работающие; переселенцы). «Переключение» внимания опрошенных с одного критерия на другой происходило на фоне последовательно идущих друг за другом вопросов о состоятельных и бедных, тем самым логика разговора вряд ли способствовала проявлению крутых виражей сознания.

Вероятность попадания в группу бедных зависит от дохода лишь частично — это необходимое, но не достаточное условие. При конструировании образа доминировали представления о «многослойности» бедности, необходимости сочетания нескольких неблагоприятных обстоятельств. Среди них по числу упоминаний лидирует образ «бедные — это пьющие», в котором специфический образ жизни усиливает другие неблагоприятные факторы (низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, многодетность, нетрудоспособность, лень). Бедные — это не столько люди с низким доходом, сколько с определенным стилем и образом жизни.

На основе анализа данного кейса можно предположить, что сельская глубинка оказалась включенной в общие процессы социальных трансформаций с ориентацией на развитие рыночных отношений. Процессы социального расслоения в локальной общине — это рассматриваемые «в миниатюре» изменения социальной структуры общества в целом, в которых все более значимыми становятся отношения собственности как стратифицирующий фактор в экономическом сегменте социального пространства.

Доски почета и антипочета как полюса иерархии уважения: бедность – не порок?

Большинство российских исследователей считают, что по мере трансформации общества в рыночное возрастает роль дохода как факто-

ра, определяющего положение индивида в социальном пространстве. М. Вебер [1992] утверждал, что периоды экономических преобразований выдвигают на первый план такие стратифицирующие признаки, как богатство и доход. Однако на примере американской общины У. Л. Уорнер показал, что возможно несовпадение местных стратифицирующих факторов и факторов, действующих в масштабе всего общества. Это обусловлено наличием постоянного и непосредственного контакта жителей друг с другом и возникающими отсюда специфическими критериями социальной оценки [Герцог, 1992].

Эмпирический объект исследования позволял воспользоваться идеей У. Л. Уорнера, согласно которой *уважение* выступает значимым критерием дифференциации людей в локальности (вслед за К. Дэвисом [1992] мы разводим понятия уважения и престижа). Небольшая община как система взаимодействия, обозримая целиком для любого из ее жителей, образует в этом смысле социальную единицу, в которой наиболее существенным основанием для оценивания становится конкретное поведение [Герцог, 1992].

По результатам российских исследований, в сознании сельских жителей присутствует представление об уважении как неэкономическом основании для дифференциации селян. Изучая представления сельского населения о критериях структуризации сельского социума, З. И. Калугина продемонстрировала, что одним из важных оснований для оценивания выступают социальные качества людей. «Для сельских жителей при характеристике человека большее значение имеет не кто он, а какой он» [Калугина, 2000. С. 117]. Результаты исследования С. Ярошенко показывают, что «неожиданно высоким среди состоятельной сельской молодежи оказался рейтинг уважения окружающих в качестве признака успеха» [Ярошенко, 2006. С. 193—194].

Для выявления полюсов иерархии уважения и факторов, их формирующих, респондентам задавались следующие вопросы: «Если бы Вы сегодня формировали Доску почета жителей села, на которой можно разместить пять фотографий, чьи бы это были фотографии и почему?» и «А кто те пять человек, которых Вы бы ни при каких обстоятельствах не разместили на Доске почета, а наоборот, сформировали бы из них Доску антипочета и почему?». При возникновении у опрошенных затруднений им рекомендовалось не называть фамилии, а описывать образы и их характеристики.

Практически все респонденты смогли «сформировать» Доски почета и антипочета, при этом в ситуации общения с незнакомым человеком (интервьюером) оказалось легче похвалить каких-то людей, чем поругать других. Отказы чаще были связаны с необходимостью описания «неуважаемых» людей: «нет таких в селе», «плохо знаю людей» (переселенцы), «сложно сказать», «есть такие, но не буду говорить», «это не мне судить». Несмотря на некоторые трудности, полученные развернутые ответы свидетельствуют об отражении в сознании респондентов

реальной дифференциации односельчан по данному неэкономическому критерию.

Предложенное людям задание — сформировать Доску почета — не было связано с «извлечением из сознания» готовых «картинок-образов» из мира повседневности. Об этом свидетельствует мозаичность обобщенного образа «уважаемых», судя по множеству имен и фамилий. Заметно, что в условиях неограниченной свободы выбора респонденты сознательного сужали пространство поиска достойных кандидатур, сводя его к ближайшему социальному окружению (родственники, соседи, коллеги по работе и т. п.). Например, социальные работники называли своих подопечных, руководители и специалисты СПК «Сибирский» — рядовых работников, учителя — своих коллег или родителей учеников, работники Дома культуры — активных посетителей кружков, переселенцы — людей, оказавших им поддержку после переезда (часто соседей и родственников) и т.п. Полученные результаты не являются неожиданными: известно, что в российских селах люди в поисках опоры уходят в минисреду (родственную или ближайшую соседскую) из-за неопределенности и непрозрачности более широкого внешнего окружения [Нефедова, 2003].

За мозаичностью «картинки-образа» уважаемых селян, если абстрагироваться от конкретных фамилий и обобщить характеристики людей, просматривается вполне определенный «пьедестал почета». Верхнюю ступень заслуженно заняли рядовые труженики, проработавшие всю жизнь в сельском хозяйстве (доярки, механизаторы, скотники и т. п.). Размещение этих людей на Доске почета обусловлено, главным образом, позитивной оценкой выполняемых ими обязанностей профессиональных позиций. Их отношение к работе (добросовестность, порядочность, трудолюбие, надежность) заслуживает не только уважения, но и «памятника при жизни».

«Есть люди, которые работают, всю жизнь в хозяйстве проработали, но они работали хорошо. Есть такие люди, которые на втором плане любят быть. У них же у многих одна запись в трудовой книжке: принят и уволен»

(женщина, 45 л., работает в конторе СПК)

«Вы понимаете, человек прожил и проработал честно всю свою жизнь здесь, в селе нашем. У него, по-моему, даже есть орден какой-то за труд. Но он не заработал себе даже машины! Он честно проработал. И люди, которые прожили честно всю свою жизнь. Просто работали, растили детей, т. е. жили так, как положено по деревенскому укладу»

(женщина, 47 л., работает в ДК)

«В первую очередь, я бы сюда поместил тех, кто пожил, все силы отдал совхозу. Ведь работали-то ни за что, фактически»

(мужчина, 45 л., фермер)

Не менее уважаемыми селянами являются некоторые фермеры. Надо сказать, что такое отношение к людям, которые вышли из совхоза (ныне СПК «Сибирский») и самостоятельно ведут хозяйство, сложилось не сразу. Настороженное отношение в 90-е гг. прошлого столетия, иногда граничащее с завистью к их достижениям, постепенно изменилось благодаря добросовестному труду фермеров, их готовности помочь односельчанам словом, делом и деньгами в разных жизненных ситуациях, активному участию в общественной жизни села (в том числе выполняя функции депутатов), воспитанию хороших детей.

«Раньше как-то сеяли такую вражду между фермерами и колхозниками, и както жители уже сами, что вот у них деньги, а мы — такие бедные и несчастные. А потом, наоборот, повернулись к ним лицом, потому что люди все очень серьезные, степенные, которые хотят, чтобы в деревне был порядок. Они являются еще депутатами нашего сельского Совета. И, конечно, когда в селе что-то происходит, на сессии все это решается, решающее слово — это их. Любой вопрос, который обсуждается на сессии, все остальные просто прислушиваются»

(женщина, 44 г., учитель)

«Мало того, что он фермер, он был главным инженером совхоза перед тем, как уйти в фермерство. Он человек неравнодушный. Любые похороны — у родственников и просто у знакомых, соседей — он всегда организатор. Он все поможет: и привезет, и машину организует. Вообще, он человек безотказный, всегда всем поможет»

(женщина, 41 г., работник школы)

«Они потому что работящие и, в то же время, умные, и доброжелательные, и честные — не воры. Своим трудом это все идет, правда ведь? А я люблю трудолюбивых людей. Такие люди у нас авторитетом [пользуются], какие честно живут, и которые трудятся»

(женщина, 63 г., на пенсии)

Заслуживают уважение, по мнению респондентов, некоторые руководители, много сделавшие или делающие для развития села. Среди них наиболее часто упоминаемой фигурой является нынешний глава муниципального образования, заслуги которого нельзя не заметить вследствие их визуализации (новые лавочки и фонари в центре села, благоустроенные улицы и т. п.). В сознании опрошенных высокий престиж положения руководителей с соответствующим объемом прав и полномочий автоматически не обусловливает уважение со стороны односельчан, в основе которого — оценка выполнения социальных ролей (требований или обязанностей данного положения). Глава муниципального образования оказался на Доске почета благодаря позитивной оценке совокупности выполняемых им функций — ответственного и добросовестного руководителя, жителя поселения, семьянина (отец троих хорошо воспитанных детей).

«У нас никогда при старом-то главе администрации так за селом не следили. Сейчас нанимают десятиклассников, служба занятости им платит какие-то деньги, и они ходят по деревне с косами и крапиву выкашивают хотя бы в Центре. Получше стало. Вот парк перед конторой — раньше там клумбочка стояла — сейчас хоть какие-то цветочки посадили. А когда мы приехали, восемь лет жили, и никто там ни цветочка не посадил. Взялись за чистоту, короче»

(женщина, 41 г., работает в школе)

«У него даже дети воспитанные такие, всегда здороваются со всеми. Я не знаю их семью, конечно, но со стороны мне кажется — идеальная семья. Он старается улучшить нашу деревню, даже и фонари поставил, и лавочки возле клуба сделал, вообще все старается делать. Он общительный, разговорчивый, все время с улыбкой, даже на сцену выйдет — всех заряжает, мне кажется»

(женщина, 28 л., не работает)

Другой нынешний руководитель — директор СПК «Сибирский» — не пользуется уважением односельчан. Это обстоятельство еще раз подчеркивает относительную независимость престижа как оценки социальной позиции и уважения как оценки выполнения обязанностей, положения. Престиж позиции руководителя высок, но уважением пользуется только тот, кто добросовестно трудится на своем посту. В числе уважаемых людей респонденты называли некоторых бывших директоров совхоза и председателей сельского совета.

«Я думаю, бывшего директора совхоза В*** — ведь столько лет он тут отработал. Это его же стараниями село живет. В других совхозах директора все раскупили, продали, спустили все, а он все сохранил. У нас единственный еще нормальный совхоз остался»

(женщина, 48 л., на пенсии по инвалидности)

«М*** — она была раньше председателем сельского совета. Всегда старалась помочь и нам всегда помогала. Еще у нас был председатель сельского совета Г***. Мы по семьям неблагополучным ходили, и он именно болел душой, старался всем помочь»

(женщина, 53 г., работник ФАП)

Особое место на Доске почета занимают жители, которые выполняют важные для села функции, связанные с поддержанием традиций и воспитанием молодого поколения, — учителя и сотрудники школы, работники Дома культуры. По результатам наблюдений исследовательской группы, эта категория людей делает практически невозможное, поддерживая «огонь» в основных очагах культуры на селе (фактически бесплатно). Они делают доступным высшее образование для молодых жителей (выпускники местной школы поступают на бюджетные места в новосибирские вузы), организуют досуг людей на высоком профессиональном уровне, поддерживают существующие и формируют новые традиции, воспроизводящие данную локальность как живой социальный организм.

«Первым делом, я бы учительницу поставила К*** — она действительно педагог от Бога. Мама педагог, она педагог, стихи пишет. Она действительно ответственный человек, она никогда не повысит голос на ребенка, всегда все объяснит ребенку»

(женщина, 42 г., не работает, многодетная мать)

«Руководитель клуба — благодаря ее заслугам бывают хорошие концерты. Она там прямо живет. Давно уже клуб возглавляет. Концерт организовать или что-то еще — приходится ей делать, или кого-то уговорить, пригласить, а они не хотят, и нужно уговаривать и уговаривать»

(мужчина, 47 л., фермер)

«У нас есть преподаватель М*** — у нее клуб "Вдохновение", работает с детьми. И в "Задоринке" работает с пожилыми. Она и с пожилыми, и с маленькими. Настолько талантливый учитель. Вот с нее идет культура и нравственная любовь к своему селу, к Родине»

(женщина, 41 г., социальный работник)

Перечень «фигур» на Доске почета оказался бы неполным без упоминания собирательного образа «соседей». Эти люди (чаще ими оказывались женщины пенсионного возраста) заслуживают уважение за участие в жизни отдельных членов локальной общины. У каждого жителя сложился свой уникальный круг соседей по улице, однако качества этих людей являются универсальными: отзывчивость, доброта, готовность прийти в любой момент на помощь, общительность, открытость. Для жителей села взаимная поддержка друг друга хоть и считается традиционной, но по-прежнему высоко ценится и вызывает одобрение (уважение).

«Соседку мою. Когда бы ни обратились к ней, она всегда предложит помощь свою. И посоветует что-то, если не знаю»

(женщина, 35 л., работает в соседнем селе лепщицей пельменей)

«Она такая женщина общительная, активная, и по возрасту они как-то с мамой подруги были, рядом жили. Даже если что-то так коснется, то к ней обратишься — она почему-то никогда не откажет»

(женщина, 43 г., не работает, опекун внука-инвалида)

«Бабушка А*** — она и сейчас, по сегодняшний день, нам помогает, чем может. Нас сюда ж не прописывали, потому что общежитие в аварийном состоянии. Она дала нам прописку, и мы получили паспорта российские. Теперь мы уже граждане России. А то мы, вообще, были никто. За это очень я ей благодарна»

(женщина, 40 л., не работает, переселенцы из Казахстана)

Особое внимание привлекает факт размещения респондентами на Доске почета членов своей семьи: перечисляя достойных людей, они нередко называли родителей, бабушек, детей, мужей и других родственников.

«Только бы свою маму, что она нас пятерых вырастила одна. И как уж она там, на 60 рублей зарплаты, нас ростила, и 50 рублей пенсия. Только в совхозе работала: и дояркой, и разнорабочей, и всяко разно. Всегда считаю, что она достойна»

(женщина, 51 г., пенсионерка, бывшая доярка)

Обобщая высказывания респондентов о факторах уважения, можно выделить пересекающиеся основания для оценивания жителей села. Люди, сознательно или бессознательно, проводят «мониторинг» поведения односельчан с точки зрения идеала, установленного в данной локальности («деревенского уклада жизни»). Основное внимание фокусируется на выполнении людьми обязанностей разных социальных позиций, значимых для функционирования данного сообщества. Оцениваемые социальные роли не равнозначны, их можно расположить в порядке убывания значимости.

1. *Роли жителя локальной общины,* проявляющиеся в отношении к селу и людям. Позитивные практики как следование эталонам поведения, сохраняющим данную локальность, вызывают одобрение и заслуживают уважение:

а) готовность прийти на помощь, отзывчивость, общительность, открытость, доброта к окружающим;

б) активное участие в общественной жизни, деятельность «для людей»;

в) оказание помощи в материальной форме, спонсирование сельских праздников, создание новых рабочих мест (такая активность осуществляется, прежде всего, фермерами и частными предпринимателями);

г) деятельность по развитию и благоустройству села — обеспечение достойного внешнего вида (вокруг своих усадеб, на территориях общего пользования) как практики жителей и выборных в рамках местного самоуправления лиц, наделенных соответствующими полномочиями и ресурсами;

д) воспитание молодого поколения, организация досуга и поддержание традиций в локальной общине (роль жителя частично пересекается с профессиональными ролями работников сферы образования и культуры).

2. *Профессиональные роли,* проявляющиеся в отношении к работе. Позитивными практиками считаются:

а) добросовестное, честное исполнение своих обязанностей;

б) надежность и порядочность в рабочих отношениях;

в) реализация достижительных установок, трудолюбие.

3. *Семейные роли* как выполнение обязанностей членов семьи (мужа, жены, отца, матери). В описании позитивных практик проявляются гендерные различия, формируя разные основания для оценивания поведения мужчин и женщин:

а) для женщин — поддержание порядка в доме и усадьбе;

б) для мужчин — обеспечение семьи в материальном плане;

в) и для мужчин, и для женщин — отношение к собственным детям (воспитание, забота, развитие способностей и т. п.).

Таким образом, сформировавшийся в сознании полюс уважаемых людей отражает ориентации большинства респондентов на ближайшее социальное окружение. В этой минисреде были найдены добросовестно работающие в сельском хозяйстве односельчане, всегда готовые прийти на помощь и оказать поддержку соседи, воспитывающие молодежь талантливые педагоги. Некоторые составляющие обобщенного образа все-таки выходят за пределы ближайшего круга (фермеры и руководители СПК) благодаря своей публичной деятельности, результаты которой можно визуализировать (элементы благоустройства села, идеальная чистота усадьбы, спонсирование сельских праздников и т. п.).

При определении противоположного полюса иерархии уважения — Доски антипочета — опрошенные столкнулись с большими трудностями. Нельзя отрицать влияния на ответы респондентов (отказы, заминки и т. п.) самой ситуации опроса: незнакомые люди — интервьюеры предлагали публично поругать односельчан, присвоить им метку «неуважаемых» людей. Это могло оказаться сложной задачей именно в локальности, где все знают (лично или через своих знакомых) практически всех.

Доска антипочета — категория такого же уровня абстракции, как Доска почета. Многие респонденты помнят или знают по рассказам такую форму морального поощрения из недавнего прошлого как стенды с фотографиями уважаемых людей. Моральное порицание или неодобрение также принимают конкретные формы: в селе существует административная комиссия, которая «проводит работу» с неблагополучными семьями. Члены исследовательской группы оказались свидетелями ее деятельности, а также неоднократно слышали отзывы о работе комиссии как ее членов, так и подопечных.

Существующая в сознании респондентов группа неуважаемых людей может быть образно расположена на ступенях «пьедестала антипочета». На нижнем полюсе иерархии оказался обобщающий образ «паразитов села», демонстрирующих совокупность негативных практик (тунеядство, лень, пьянство, наркомания). Особенно негативно оценивается людьми асоциальное поведение женщин и молодежи. Для «паразитов села» отклонения от эталонных и нормативных образцов, как правило, связаны с выполнением не одной, а множества социальных ролей. Среди них респонденты особо подчеркивают функции жителя локального сообщества (негативный образ жизни, не соответствующий деревенскому укладу) и работника (несмотря на трудоспособный возраст, нигде не работают и не стремятся).

«Это не люди, это паразиты, которые: “Все дайте, но мы ничего взамен не дадим”. Даже элементарно для себя, уж не на работе, ладно»

(женщина, 45 л., работает в конторе СПК)

«Таких людей не люблю, которые ничего не делают, все пропивают»
(мужчина, 47 л., фермер)

«Мне не нравятся грязнули, которые не хотят дома ничего убирать. К дому подойти страшно. В ограде, дом — ну лень побелить, лень покрасить. А хорошие путевые, вроде, не алкаши. Ну, не люблю ленивых людей, ну не люблю»
(женщина, 63 г., пенсионерка)

«Да, эта семья, их тоже на доску антипочета. Там заборы порушены. И крыша! Через крышу снег падает прямо на постель. Это видеть надо, как они живут. И вот в прошлом году он [муж] то ли купил, то ли заработал где-то, и лес ему этот дали, чтобы залатать крышу. К концу лета он этот лес продал, пропил. И так зимовал опять с этой крышей. Окна затянуты целлофаном, и через этот целлофан уже ничего не видно. Возле дома нет бани. Г де они моются, я вообще не знаю»
(женщина, 41 г., работает в школе)

Примыкает к «лидеру» по числу упоминаний обобщающий образ матерей, не выполняющих своих функций, связанных с воспитанием детей. Отклонения от нормативного поведения женщины в роли матери визуализируются и воплощаются во внешнем виде детей (неопрятность, грязная одежда), их асоциальном поведении со сверстниками и взрослыми (плохо адаптируются в детских коллективах). Негативно оценивается их образ жизни, проявляющийся в частой смене партнеров-мужчин (иногда окружающие не могут понять, от кого рождаются дети), пьянстве (пропивают детские пособия) и т. п. Неудивительно, что этот образ часто упоминают учителя местной школы и медицинский работник, которые по роду своей деятельности «пожинают плоды» такого негативного поведения.

«На Доску антипочета я бы вывесила тех людей, которые относятся, в об- щем-то, безобразно к своим детям. Дети отобраны или в стадии отбирания, они ими вообще не занимаются, занимаются только собой: пьянство, проституция и так далее. Мне кажется, что вот это — страшнее всего»
(женщина, 44 г., учитель)

«Я бы разместила таких, которые у меня сейчас мамаши с детьми: как они относятся к ним и как они воспитывают детей»
(женщина, 53 г., работник ФАП)

«Море таких, особенно женщин. Безответственных, которые детей бросают, могут закрыть ребенка на сутки и уйти, и ребенок будет голодный орать под дверью, кричать и плакать. В комнату зайти нельзя, там такой бардак, там вонь. Все это превратилось в навоз, натуральный. Ну, какая это мать?! Скорей бы ребенка забрали, должны вот забрать»
(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

Замыкает тройку представителей Доски антипочета образ людей, которых не уважают за человеческие качества. Безусловно, уникаль-

ность личного опыта общения каждого респондента с такими селянами накладывает отпечаток на состав этой группы, делая ее многоликой. Несмотря на многообразие упоминаемых фамилий людей, их объединяют такие негативные качества, как жадность, завистливость, грубость, нетактичность, склонность к воровству и обману и т. п. Скорее всего, этот образ формируется на основе негативных практик как отклонения от эталонов поведения человека в роли жителя локального сообщества.

«Я думаю, что самое такое, к чему я нетерпим, — это воровство. Люди, которые несут, тащат, даже пусть они берут у общества, они считают, что это еще так мягко, чем у кого-то утащить. Это в первую очередь»

(мужчина, 47 л., фермер)

«Жадность, завистливость. Кто-то там у кого-то маленько получит, тебя так прямо *(заклюют)*. Я с таким столкнулась»

(женщина, 53 г., не работает, ухаживает за сыном-инвалидом)

«Просто такой человек она, сама даже про себя говорит: “Я спать не буду, если я человеку не сделала гадость”. Если она гадость не сделает — не может спать спокойно, нормальный человек?!»

(женщина, 37 л., доярка)

Особое место в сознании респондентов отводится руководителям и оценке выполнения ими своих обязанностей. По мнению опрошенных, высокая позиция в локальной иерархии управления обязывает демонстрировать если не эталонное, то не сильно отклоняющееся от норм поведение. В локальном сообществе к руководителям приковано пристальное внимание односельчан, и незримое «око» общественного мнения отслеживает их поведение, «возводя в квадрат» любые отклонения от норм.

«Я отрицательно отношусь к руководителю нашего СПК. У него нет никакого желания абсолютно что-то делать для людей. И ему абсолютно все равно, что происходит в селе, что происходит вокруг него, — ему вообще все равно. Руководитель, которому наплевать, — это все-таки отрицательный персонаж. Он — человек, который не держит свое слово. И самая его отрицательная черта, я считаю, что ему наплевать на своих даже рабочих, например, на похороны денег может не дать»

(женщина, 47 л., работник ДК)

В сознании жителей села были обнаружены вполне сформировавшиеся «картинки-образы» уважаемых и неуважаемых людей. В размышлениях респондентов по поводу различий односельчан по разным основаниям присутствует такой критерий различения людей как эмоционально окрашенная оценка исполнения многообразных социальных ролей с точки зрения идеала, установленного в данной локальности. Наиболее значимыми признаны роли жителя данного поселения, профессиональные и семейные роли. Знак этого оценивания — позитивный или негативный — обусловливает позицию исполнителя роли на Доске

почета или антипочета соответственно. Например, по оценке поведения руководителей с точки зрения исполнения их высоких должностных обязанностей одни люди получают признание, одобрение (позитивный знак), другие — порицание, неодобрение (негативный знак).

Полученные результаты не опровергают идей У. Л. Уорнера, считавшего, что социальная оценка человека (другими) ориентирована на определенные типичные для данной локальности способы поведения (оцениваемого). Это означает, что существует общий, всеми членам сообщества более или менее известный и ими более или менее строго соблюдаемый эталон поведения [Герцог, 1992]. Так, для руководителей следование этому эталону предполагает ответственное и добросовестное выполнение своих функций, а именно: использование высокого положения не только для обеспечения благополучия своей семьи, но и для улучшения жизни всех жителей села; неравнодушное «человечное» отношение к просьбам селян; поиск способов решения проблем, значимых как для отдельных категорий (помощь пожилым людям в заготовке топлива на зиму), так и для всех жителей села (улучшение водоснабжения и отопления домов) и т. п. Аналогичные рассуждения легко «извлекаются из сознания» респондентов в отношении других социальных ролей и эталонов поведения.

Несоответствие принятым нормам может привести не только к «неодобрению» поведения, но и, в крайних случаях, к «возмущению», «негативным» реакциям окружающих. Как отмечал Т. Парсонс, последние могут не только отказаться сотрудничать с индивидом, но и активно воспрепятствовать достижению им его целей, в том числе проявлять ненависть, подрывать его репутацию и т. п. [Парсонс, 1992]. Во время полевого этапа исследования исследовательская группа наблюдала несколько таких «пьес», разыгранных по одному сценарию, например, в отношении одной неблагополучной семьи из категории неуважаемых.

«Ж*** я тоже сюда отнесла [на Доску антипочета], у которой трое детей, которыми она вообще не занимается. Молодые женщины, у них еще, в общем-то, вся жизнь впереди, и тоже пьянство, проституция, дети все непонятно от кого»

(женщина, 44 г., учитель, трое детей)

Асоциальное поведение этой семьи стало предметом пристального внимания административной комиссии.

«Когда мы подошли к неказистому дому, там был хозяин — молодой блондинистый мужчина слегка “под шафэ”. О*** [представитель сельсовета] сделала ему выговор, что он не поехал, как договаривались, кодироваться. Пока мы шли к следующему дому, социальные работники рассказали, что в начале недели А*** напился и начал “гонять” жену, а три девчонки, их дочери, прибежали среди ночи к бабушке. Последняя и сообщила в администрацию о дебоше зятя. Его повоспитывали и взяли слово, что он закодируется»

(из наблюдений члена исследовательской группы Т***)

Восприятие событий со стороны «неуважаемых» людей вполне понятно — воспитательные мероприятия порядком им надоели.

«Лишь бы никто не лез, не трогал бы. Жили бы спокойно и жили. От сельсовета приезжают. Часто! [с *нажимом]* Зачем бы они нас предупреждали? Им же надо поймать, чем мы тут занимаемся, что мы тут делаем. Его *[мужа]* таскают на административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних. Надо не пить, не гулять надо, кодироваться, детьми он не занимается. Пьет — значит, он не занимается»

(женщина, 37 л., многодетная мать, работает дояркой)

Надо отметить, что среди жителей села есть не только «осуждающие», но и «сочувствующие» пьющим люди: объясняя пьянство ситуацией безысходности, они считают, что односельчане не смогут выйти самостоятельно из этого порочного круга.

«Есть категория, которые опустились уже ниже. Но опустились почему? Допустим, что-то в жизни случилось, да? И он начал пить. Не было вовремя поддержки этой, не было. Его не поддержали в это время, наоборот, унижали, унижали, унижали, вот он стал алкашом. Он уже, наверно, привык к этому образу жизни»

(женщина, 41 г., не работает)

По результатам исследования, за «картинками-образами» уважаемых и неуважаемых селян просматривается иерархия, складывающаяся на основе эмоционально окрашенной оценки поведения людей как исполнителей значимых в данной локальности ролей. При этом наблюдается некоторая парадоксальность «совокупного» сознания: если при конструировании Доски почета респонденты ориентируются на ближайшее социальное окружение, то противоположный полюс формируется не только в рамках минисреды, но и за ее пределами. В последнем случае сознание более смело выходит в более непредсказуемый и неопределенный внешний контекст, ориентируясь на стереотипные образы негативных практик. Тунеядство, пьянство, наркомания, проституция — это образ жизни, который вполне однозначно оценивается как негативный не только в данной локальности, но и в социальной системе в целом. Эталоны поведения в этом случае закрепляются с помощью моральных норм и законного порядка. В рассуждениях респондентов относительно претендентов на Доску антипочета эти внешние ориентиры проявляются достаточно четко.

«Она к своим детям равнодушна. Есть они, нет их — она собралась, отправилась к подружкам, к друзьям, а ребятишки голодные сидят. Ну, как так? Она ушла на полдня, приходит, начинается: “Мы есть хотим” — “Отстаньте, вы мне уже надоели”. Ну, это разве семья? Вроде у родителей и без родителей»

(женщина, 51 г., на пенсии, свекровь многодетной матери)

«Я вот что буду рожать? Мне хоть двести, хоть триста тысяч! Я же знаю, что его до конца моих дней содержать надо, дать образование. Вот у нас Ч*** — гардеробщица в школе. Ей двадцать лет, у нее три ребенка. Она первого ребенка просто родила, а второго, чтобы купить музыкальный центр, а третьего, чтобы купить мягкую мебель. И сейчас эти дети сами себя ходят, воспитывают»

(женщина, 41 г., работает в школе)

«Есть такие у нас молодые мамы, которые рожают, и детей забирают, которые не следят за ними. Они не только на почве алкоголизма, гулять им надо больше, они дома не находятся. Недавно я услышала, что забрали ребенка — гуляла, где попало, а ребенок закрытый, в общежитии она жила, закрытый и стучит в двери: “Кушать хочу, мама”. Целыми сутками сидел закрытый дома. “Только не говорите маме”. Боялся».

(женщина, 28 л., не работает, жена инвалида)

Для проверки предположения об отражении статусной кристаллизации в «картинках-образах» полюсных групп было проведено их сравнение (во-первых, уважаемых и обеспеченных; во-вторых, неуважаемых и бедных), а также сопоставление формирующих полюса факторов.

Логика проведения интервью предполагала обращение к теме бедных и богатых в селе через определенный промежуток времени после обсуждения фигур на Досках почета и антипочета. Даже если последовательность других вопросов менялась, эти темы не следовали одна за другой в процессе разговора. Тем самым было снижено влияние логики интервью на возможное совпадение образов на уровне индивидуального сознания.

По результатам исследования, в отношении верхних полюсных групп — уважаемых и обеспеченных — не произошло существенного наложения «картинок-образов». Слабая степень кристаллизации верхних позиций во многом обусловлена особенностью высокодоходной группы в данной локальности. Строго говоря, обеспеченные в селе не являются богатыми по российским меркам. Это не высокие, а в лучшем случае, серединные статусы (с точки зрения экономической стратификации общества в целом), которые могут быть слабо согласованы с полюсами других иерархий.

В отношении нижних полюсных групп — неуважаемых и бедных — наблюдается большее совпадение «картинок-образов». Это проявляется как на уровне «совокупного» сознания опрошенных, так и индивидуального сознания респондентов. Основной характеристикой обобщенного образа бедных оказалась не позиция в экономической иерархии (бедные — это люди с низкими доходами), а их образ жизни (бедные — это пьющие, ленивые и т. п.). В процессе конструирования нижнего полюса экономической иерархии, в отличие от противоположного (обеспеченные), сознание респондентов «неожиданно переключилось» на неэкономические характеристики. В описаниях бедных через их образ жизни присутствуют негативно окрашенные оценочные сужде-

ния. Такая особенность формирования нижнего полюса экономической иерархии сама по себе предопределяла возможность его совпадения с Доской антипочета.

Следует отметить, что неуважение окружающих не обусловлено низким доходом: такой экономический статус у многих селян, при этом можно жить скромно по материальным меркам, но достойно по человеческим. Неуважение связано с негативно окрашенной оценкой поведения людей, оказавшихся в ситуации множественности неблагоприятных условий (низкий доход, пьянство, лень, многодетность и т. п.).

Совпадение бедных и неуважаемых наблюдалось и на уровне индивидуального сознания, несмотря на то, что эти вопросы обсуждались в разных фрагментах интервью. Больше половины респондентов одних и тех же людей разместили на Доске антипочета и назвали бедными. Нежелание называть конкретные фамилии компенсировалось подробным описанием случаев из жизни, в которых преобладали негативно окрашенные оценочные суждения.

«[про Доску антипочета] П*** — как-то подбираются ведь люди: и муж, и жена. Сам лодырь из лодырей, да еще закладывает если, и подбирает такую, вот и пошла пьянка. Опустятся люди, молодые, красивые, посмотришь, вот это пьянка сгубила.

[про *бедных]* Кто не держит скота и кто гуляет — вот этот и бедный. П*** — у нее муж был плотник, она молодая была. Пока они жили — дома был порядочек, потом разошлась, то с одним, то с другим загуляет. И день, и два, и по неделе могут гулять»

(женщина, 63 г., на пенсии)

«[про *Доску антипочета*] Вот сейчас мы мучаемся с женщиной — уже пенсионный у нее возраст. А***, она пьет, в общем, паразит нашего села. И с ней все мучаемся, а она только пьет и никаких ни уговоров, ни переговоров — ничего не понимает.

[про *бедных]* Вот эта А***, которые пьют. Там крах»

(женщина, 53 г., работник ФАП)

Таким образом, несмотря на относительную независимость критериев дифференциации людей по материальному достатку и уважению, «картинки-образы» бедных и неуважаемых накладываются друг на друга. В образах нижних полюсных групп немало пересечений по фамилиям и характеристикам людей. Кроме того, сознание респондентов не всегда четко различает стратифицирующие в двух иерархиях факторы (причины бедности и размещения на Доске антипочета). Аморальное, асоциальное в данной локальности поведение — это общее основание, которое объединило «картинки-образы» бедных и неуважаемых.

В сознании жителей сельская бедность отражается как «многомерное» явление, связанное не столько с материальной недостаточностью,

сколько с определенными принципами потребления, выраженными в образе жизни. Местные стратифицирующие факторы, формирующие иерархию уважения, накладываются на экономические факторы, действующие в масштабе общества в целом. Это приводит к пересечению образов нижних полюсов с формированием замкнутого круга: бедные ^ неуважаемые ^ бедные. Вследствие этого именно в образах нижних слоев наблюдается сплав экономической и социальной ситуаций как один из аспектов статусной кристаллизации. Результаты исследования еще раз подчеркивают ограниченность трактовки бедных только как низкодоходной группы, поэтому «нацеленность исключительно на снижение бедности в плане доходов не может стать единственным содержанием политики, направленной против нищеты» [Сен, 2004. С. 112].

ГЛАВА 30 Сколько пьет Россия: объем, динамика, дифференциация и социальные аспекты потребления алкоголя

Потребление алкоголя, будучи средством удовлетворения определенных человеческих потребностей, представляет собой неотъемлемый элемент образа жизни, культуры и быта большей части населения во многих странах мира и в массовом сознании воспринимается как социально приемлемое явление. Потребление алкоголя выполняет положительные психологические функции (доставляет удовольствие, дает возможность поднять настроение, расслабиться, отвлечься, снять напряжение). Не менее важны социальные функции алкоголя [Saunders, 1998]. Практически в любом обществе прием алкоголя — это социальное действие, осуществляемое человеком совместно с ровесниками, членами семьи, друзьями, членами какого-либо коллектива или команды и выполняющее функции социализации (общения, коммуникации, формирования социальных сетей, проявления социального доверия, гостеприимства, доброжелательности), а также непременный атрибут празднования самых важных и торжественных событий в жизни людей.

В то же время неумеренное потребление алкоголя вызывает многочисленные негативные социальные и медицинские последствия, приводит к физической и нравственной деградации человека. Медико-демографические исследования показывают, что значительная часть проблем здоровья связана с употреблением алкоголя. Злоупотребление алкоголем, по данным Всемирной организации здравоохранения, является третьей по частоте (после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний) причиной смертности в современном мире. Алкоголики и не-

умеренно пьющие люди живут в среднем на 15—20 лет меньше, чем люди умеренно пьющие и непьющие, и только 25 % алкоголиков преодолевают 50-летний рубеж [Вуколова, Латов, 2001].

С потреблением алкоголя связаны рождение умственно неполноценного потомства, риск заболеваний циррозом печени, некоторыми видами рака, артериальной гипертензией, сердечно-сосудистыми заболеваниями, психическими расстройствами, формирование широкого круга соматических заболеваний. Потребление алкоголя увеличивает риск нанесения вреда и здоровью других людей (травмы, насилия, убийства), возникновения семейных, трудовых и социальных проблем. В европейских странах от 40 до 60 % всех умышленно и неумышленно причиненных травм являются последствиями потребления алкоголя. В общей сложности 9 % общего количества заболеваний в европейских странах связаны с алкоголем. По подсчетам специалистов, общая цена ущерба от употребления алкоголя насчитывает от 1 до 3 % валового внутреннего продукта этих стран [Rehn et al., 2001].

В Российской Федерации наблюдается весьма неблагополучная ситуация: уровень смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя (травм, ран, отравлений), один из самых высоких среди европейских стран. С алкоголем в стране связаны 72 % убийств, 42 самоубийств, 53 смертей от других внешних причин; 68 смертей от цирроза печени, 60 от панкреатитов, 23 от сердечно-сосудистых заболеваний и 25 % прочих смертей. На протяжении 1990—2001 гг. в стране ежегодно в связи с алкоголем досрочно умирали от 400 до 700 тыс. человек [Немцов, 2003].

Исследования потребления алкоголя с этой точки зрения являются необходимой основой для разработки и реализации превентивных мер по защите и охране здоровья населения. На результаты таких исследований должна опираться социально-экономическая политика государства по совершенствованию и принятию решений, касающихся регулирования производства, продажи и потребления алкоголя. Существование во многих странах социального заказа проявляется, судя по публикациям, в финансировании государством широкого круга исследований по потреблению алкоголя. Несмотря на очевидную остроту проблемы потребления алкоголя в России, государство не спешит стать заметным спонсором исследований по этой тематике: ситуация в основном изучается в рамках международных сравнительных проектов или отдельными исследователями на локальных объектах. При этом в стране отсутствует служба контроля уровня потребления алкоголя — главного показателя алкогольных проблем в стране.

Проблемы измерения потребления алкоголя

Цель, задачи и методология исследования. *Цель* данного исследования состояла в том, чтобы дать оценку объема, динамики и дифференциации потребления алкоголя в современной России (1996—2004 гг.).

Результаты этого исследования, на наш взгляд, могут внести вклад в уточнение и углубление представлений о потреблении алкоголя населением современной России, о масштабах проблем в обществе, связанных с потреблением алкоголя и, тем самым, привлечь к ним внимание тех, кто принимает решения в области социально-экономической политики.

В работе рассматриваются следующие характеристики потребления алкоголя: объем индивидуального потребления алкоголя на душу населения и на одного потребителя; структура потребителей и потребляемого алкоголя по типам алкогольных напитков; дифференциация объема индивидуального потребления алкоголя населением; уровень избыточного потребления алкоголя; структурный (социально-экономический и социально-демографический) срез неумеренного потребления алкоголя; детерминанты относительно высокого уровня потребления алкоголя.

Проведенное исследование является попыткой решить широкий круг задач на материалах общенационального обследования — Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), репрезентирующего население Российской Федерации в целом. Помимо этого в работе используются статистические данные, результаты других обследований и экспертные оценки.

В базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения — два вида файлов данных с информацией о потреблении алкоголя. Файлы данных о домохозяйствах содержат сведения о количестве некоторых видов алкогольных напитков — водки, вина и пива (в литрах), купленных за неделю, предшествующую опросу, и о сумме денег, израсходованных домохозяйством на эти покупки. Файлы данных о взрослых членах домохозяйства включают информацию о том, потреблял ли респондент алкоголь в течение месяца перед проведением обследования; как часто он потреблял алкоголь; какие алкогольные напитки он потреблял за последнюю неделю (в их числе пиво и брага, сухое вино и шампанское, крепленое вино, самогон, водка и другие алкогольные напитки) и какой была обычная разовая доза потребления каждого из этих напитков (в граммах). Исследование будет опираться как на данные о взрослых членах семьи, так и на данные о домохозяйствах.

Особенностью мировой практики вычисления показателей душевого потребления алкоголя является то, что они рассчитываются для населения в возрасте 15 лет и старше. Это связано с тем, что использование в расчетах численности всего населения приводит к заниженным оценкам уровня потребления алкоголя в странах с высокой долей детей до 15 лет [International Guide., 2000]. Поэтому взрослым населением в массивах данных РМЭЗ будут считаться лица 15 лет и старше.

Выполняемая работа представляет собой поэтапное решение следующих исследовательских задач.

Первая задача — измерение индивидуального уровня потребления алкогольных напитков. Сведения о потреблении алкоголя взрослыми

членами домохозяйства представляют собой распределения данных о количестве и частоте потребления отдельных видов спиртных напитков на совокупности шкал, адаптированных к используемой в международной практике процедуре QF-измерения (quantity-frequency measure). В соответствии с этой процедурой расчет среднего объема потребления того или иного алкогольного напитка производится приведением частот потребления этого напитка к фиксированному временному интервалу и вычислением «дозы» его потребления за данный промежуток времени по следующей формуле:

$$PDOSE_t = (SDOSE_t \blacksquare Fr_t)/P_j,$$

где $PDOSE_t$ — доза (количество потребленного алкогольного напитка) для заданного периода времени (день, неделя, месяц, год); *SDOSEt* — разовая доза потребленного алкогольного напитка; FR_t — частота потребления алкогольного напитка в заданный период времени (день, неделя, месяц, год); *Pj* — число дней, недель, месяцев в заданном периоде времени.

Количество чистого алкоголя (этанола), содержащегося в каждом из алкогольных напитков, вычисляется путем умножения количества алкогольного напитка, потребленного за определенный период времени, на величину концентрации в нем этанола, т. е. абсолютного алкоголя (по массе и объему):

$$PETAN, = PDOSE_t \blacksquare W_t,$$

где *PETANt* — количество этанола, содержащегося в алкогольном напитке, потребленном в заданный период времени; $PDOSE_t$ — количество алкогольного напитка, потребленного в заданный период времени; W_t — весовой коэффициент содержания этанола в данном алкогольном напитке.

Для определения общего количества чистого алкоголя *(TPETAN),* содержащегося во всех потребленных алкогольных напитках за определенный период времени, суммируются дозы этанола, содержащиеся в каждом из алкогольных напитков:

$$TPETAN = "LPETANt,$$

где *TPETAN* — общее количество чистого алкоголя, потребленного респондентом в заданный период времени.

Вторая задача — измерение уровня риска для здоровья при потреблении алкоголя. Уровни риска потребления алкоголя являются результатом согласования оценок международных экспертов о количестве потребляемого алкоголя, вызывающем последствия различной тяжести для здоровья, в частности сокращение продолжительности жизни от сердечно-сосудистых заболеваний. Число лиц, потребляющих избыточное количество чистого алкоголя, т. е. лиц с фактором риска в потреблении алкоголя, в данном исследовании будет определяться на основе рекомендаций Всемирной организации здравоохранения.

Третья задача — выявление социально-экономических детерминант попадания в группу с избыточным уровнем потребления алкоголя. Предполагается использовать логистический анализ вероятности попадания респондентов в группу с высоким уровнем риска потребления алкоголя в зависимости от их социально-экономических характеристик и вида обычно потребляемых алкогольных напитков. Применительно к нашей задаче в качестве факторов наступления наблюдаемого события (попадание в группу с избыточным уровнем потребления алкоголя) будут рассматриваться социально-экономические переменные — пол, возраст, уровень образования, брачный статус, экономическая активность и занятость и др.

Проблемы взвешивания и корректировки исходных данных.

Практически все проводимые традиционными способами выборочные социально-экономические обследования, касающиеся потребления алкоголя, получают оценки, составляющие в среднем лишь 40—60 % официально регистрируемого объема розничных продаж (табл. 30.1). Поэтому проблема поиска путей корректировки данных о потреблении алкоголя с целью повышения их достоверности остается по-прежнему актуальной при анализе результатов массовых обследований. Как правило, основные усилия исследователи направляют на расчеты взвешивающих коэффициентов для группы не ответивших на вопросы о потреблении алкоголя. Для взвешивания используются постстратификационные веса для таких переменных как пол, возраст, регион и др., или веса, полученные с помощью моделей распределения населения по полу, возрасту и региону; применяются также весовые коэффициенты из статистических моделей, предсказывающих вероятные ответы на данную тему. Такие способы взвешивания, судя по опубликованным данным, приводят к росту показателей потребления, однако различия между взвешенными и не взвешенными данными оказываются статистически не значимыми

Данные об уровне потребления отдельных видов алкоголя, % к официальной статистике продаж в некоторых европейских странах в 1998/1999

Таблица 30.1

Страна	Пиво	Вино	Водка	Всего
Финляндия	**57**	**40**	**43**	**54**
Швеция	**74**	**43**	**38**	**57**
Германия	**25**	**23**	**54**	**31**
Великобритания	**94**	**88**	**88**	**96**
Франция	**68**	**30**	**23**	**36**
Италия	**71**	**58**	**57**	**58**

Источник: **Leifman H., Ostergerg E., Ramstedt M. Alcohol in Post-War Europe: a Discussion of Indicators on Consumption and Alcohol Related Harm. European Comparative Alcohol Study (ECAS). Final Report. Stockholm, 2002. P. 30.**

[Makela, 2003]. Это наводит на мысль о том, что наблюдаемые значительные расхождения между вербальным и реальным уровнями потребления алкоголя связаны не столько с погрешностями формирования выборочной совокупности (хотя в определенной мере и это имеет место), сколько с устойчивыми личностными характеристиками респондентов.

Вопросы о потреблении алкоголя в массовых опросах относятся к «сенситивным», затрагивающим эмоционально-нравственную сторону жизни опрашиваемых, что в немалой степени влияет на достоверность получаемой информации. Так, в обследовании, проведенном кафедрой социологии одного из российских вузов65, было установлено, что участники опроса считают тему потребления алкоголя крайне деликатной для того, чтобы можно было свободно обсуждать ее с интервьюером (57,3 % всех ответов) [Мягков, 2002]. Поскольку, как показывают специальные исследования, имеется прямая связь между остротой восприятия темы и уровнем искренности ответов респондентов, то есть все основания считать, что при проведении опросов по «сенситивной» проблематике вероятность появления «ошибок сообщения», связанных с необеспеченной анонимностью, может быть достаточно высокой.

Достоверность данных, в том числе и о потреблении алкоголя, на наш взгляд, во многом связана с определенными психологическими чертами личности, в частности, со способностью сопротивляться реальному или воображаемому давлению социальной среды, ближайшего окружения, в том числе и в ситуации проведения опроса. Податливость «давлению» группы в ситуации расхождения между своими представлениями и представлениями группы, заставляющая человека давать ответы, совпадающие с мнением ближайшего окружения или большинства, называют конформностью. При обсуждении в ходе опроса проблем алкоголя чувство неловкости, смущения, желание уйти от ответа может возникнуть у опрашиваемых из-за боязни уронить свой авторитет, утратить уважение, быть осмеянным или осужденным за свои отличия от остальных. В этой ситуации они будут скрывать правду, считая, что это спасет их от унижения, и стремиться отвечать так, чтобы окружающие не подумали о них плохо, согласовывая свой ответ с вероятным ответом людей, чье мнение или поведение в данной области считается «правильным», авторитетным. Некоторые респонденты, имеющие серьезные проблемы с алкоголем, не захотят афишировать эту сторону своей жизни, поскольку избегают постановки на диспансерный учет и вытекающих отсюда определенных ограничений в правах (на вождение автомобиля, на ношение оружия, на занятие определенными видами деятельности).

---

65 Исследование проведено в феврале 2001 г. кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета под руководством А. Ю. Мягкова среди взрослого населения г. Иваново и Ивановской области. Выборка — квотнослучайная, *N* = 701. Метод опроса - индивидуальное очное анкетирование.

Иначе говоря, зависимость человека от социального окружения вынуждает его искать подлинного или мнимого согласия с этим окружением, подстраивать свое поведение и оценки под чужие или непривычные эталоны. Это свойство личности необходимо учитывать для минимизации неслучайных ошибок при измерении потребления алкоголя. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы выявить среди опрошенных группу не конформных респондентов, т. е. с наиболее достоверными показателями потребления алкоголя, по которым можно было бы получить представление о реальном положении дел в этой области по совокупности в целом.

Исходной посылкой исследования при решении данной проблемы является предположение, что совокупность опрошенного населения можно разделить на относительно «не конформных» и «конформных». Индикатором принадлежности к не конформной (или «эталонной» в этом отношении группе) может служить, на наш взгляд, исчерпывающая полнота, согласованность и непротиворечивость информации, сообщенной индивидом. Под нею понимается наличие ответов на все вопросы, касающиеся потребления алкоголя, но в первую очередь, ответы о расходах на алкоголь (виды и количество купленных спиртных напитков и величина израсходованных на эти покупки денежных средств). Особая значимость данных о расходах связана с тем, что в мировой практике они считаются наиболее достоверной частью результатов обследований доходов, расходов и потребления домашних хозяйств.

Надо сказать, что удельный вес домохозяйств, которые указали недельные расходы на алкоголь и виды приобретенного алкоголя, в базе данных РМЭЗ в 1996—2004 гг. составлял от 25 до 30 %. Примерно такой же (27—32 %) была и численность взрослых членов домохозяйств из эталонной группы, ответивших на вопросы о расходах на алкоголь, частоте потребления и видах потребляемого алкоголя. Это заметно ниже показателей маркетинговых исследований, согласно которым 43—46 % российских женщин и мужчин минимум раз в неделю покупали алкоголь.

Основная гипотеза, вытекающая из факта принадлежности к эталонной или не эталонной группе и касающаяся потребления алкоголя, состоит в том, что склонности скрывать факты социально не одобряемого поведения (не эталонная, конформная группа) будут сопутствовать заниженные показатели потребления алкоголя. И наоборот, независимости (неконформности) оценок и поведения представителей эталонной группы должны соответствовать наиболее высокие и достоверные показатели потребления алкоголя. Это предположение находит подтверждение в различиях доли потреблявших алкоголь среди не конформных и конформных респондентов. Так, если среди первых их доля составляла в 1996—2004 гг. от 70,9 до 77,4 %, то среди вторых — от 41,4 до 45,6 %. Доля потребляющих алкоголь в эталонной группе РМЭЗ близка к значению, показываемому другими представительными независимыми источниками информации. Так, согласно данным обследования, проведен-

ного в 1996 г. коллективом британских исследователей [Bobak et al., 1999] на базе общероссийской выборки Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), в России не употребляют алкоголь вообще 9 % мужчин и 35 % женщин, т. е. в среднем 23,7 % населения. Иначе говоря, по данным этого обследования, в 1996 г. в РФ к числу потребляющих спиртные напитки относилось 76,3 % жителей. Примерно такой же считают их долю и другие источники [Rehn et al., 2001].

Разница между не конформными и конформными респондентами очевидна не только в численности потребителей алкоголя в их составе, но и в частоте потребления и в количестве потребляемого алкоголя различных видов. Примечательно, что дифференциация в количестве потребляемого алкоголя между респондентами из эталонной и не эталонной групп наблюдается в любой из социально-демографических групп. Она существует между людьми одного и того же возраста, уровня образования, экономического благосостояния, служебного положения, профессиональной группы и даже в рамках одной и той же группы по состоянию здоровья. Иначе говоря, различия между респондентами по принадлежности к эталонной и не эталонной группе действительно связаны с устойчивыми личностными социально-психологическими чертами, а не со статусными характеристиками.

При объяснении причин, разделяющих совокупность потребителей алкоголя на тех, кто не уклонился от ответов на все поставленные вопросы, и на тех, кто ответил на них лишь частично или вообще уклонился от ответов, нельзя также сбрасывать со счетов влияние такого фактора, как присутствие во время опроса других членов семьи. Наличие личных проблем, связанных с алкоголем, вероятность порицания или наказания за его потребление со стороны других членов семьи, расходование денег на покупку алкоголя, не санкционированное другими членами семьи, могут быть причинами сознательного искажения информации. В связи с этим анонимность проведения опроса является важным фактором получения достоверных ответов о потреблении алкоголя, а ее наличие или отсутствие при проведении опроса может рассматриваться в качестве другого критерия выделения в совокупности опрошенных групп с более и менее достоверными данными о потреблении алкоголя. Переменная, характеризующая соблюдение или несоблюдение анонимности при проведении опроса, имеется в блоке служебной информации файлов данных домохозяйств. Она выделяет в совокупности опрошенных две группы: 1) отвечавших на вопросы интервью в присутствии других членов домохозяйства; 2) отвечавших на вопросы интервью в отсутствие других членов домохозяйства. По этому критерию взрослые члены семьи распределились примерно поровну — 49 % отвечали в присутствии других членов домохозяйства и 51 % в их отсутствие. Распределение данных о покупке различных видов алкогольных напитков в группах респондентов, опрошенных не анонимно, т. е. в присутствии других

членов домохозяйства, и опрошенных анонимно, т. е. в отсутствие других членов домохозяйства, показало существование зависимости между количеством купленного алкоголя, о котором сообщили респонденты, и ситуацией опроса.

Нельзя не отметить, что такие свойства респондентов как конформность — не конформность и особенности ситуации опроса (анонимность — отсутствие анонимности) определяют осознанные искажения сведений о потреблении алкоголя. В то же время существуют не умышленные искажения, связанные с погрешностями памяти респондентов. Они также вносят коррективы в показатели потребления алкоголя, но возможности базы данных РМЭЗ в этом отношении весьма ограниченны: в ней содержатся лишь самооценки памяти респондентов за 1998, **2000** гг. К тому же трудно сказать, в какой мере эти самооценки объективны.

Поэтому основой для вычисления поправочных коэффициентов для доли потребителей и количества потребляемого алкоголя послужили различия между группами, выделяемыми одновременно по двум критериям: 1) принадлежности к эталонной либо не эталонной группе, связанной с глубинными, устойчивыми во времени социально-психологическими характеристиками респондентов; 2) соблюдения или не соблюдения анонимности во время проведения опроса, отражающего возможность проявления ситуационного давления на респондентов. При этом мы исходили из того, что наиболее достоверные и надежные показатели имеет группа анонимно опрошенных респондентов из эталонной группы. И именно эта группа наиболее адекватно репрезентирует выборочную совокупность по показателям потребления алкоголя. Для того чтобы адекватно репрезентировать выборочную совокупность, показатели потребления алкоголя остальных трех групп (1 — эталонная группа, респондентов, опрошенных не анонимно; 2 — не эталонная группа респондентов, опрошенных анонимно и 3 — не эталонная группа респондентов, опрошенных не анонимно) должны быть доведены до уровня группы респондентов из эталонной группы, опрошенных анонимно. Этот подход и использовался при определении величины поправочных коэффициентов.

Специальный поправочный коэффициент был введен для корректировки соотношения количества потребляемой водки и самогона для группы потребляющих самогон. Соотношение абсолютного алкоголя, получаемого за счет потребления водки и самогона, в России остается на протяжении многих десятилетий довольно стабильным. Так, в 1927 г. оно было равно 1 : 4,1, а во второй половине 1990-х гг., как это было установлено для сельской местности Г. Заиграевым [2002], составляло 1 : 4,8. Высока вероятность того, что примерно такое же соотношение существует и в городской местности, поскольку, по данным РМЭЗ, на 60—70 % потребители самогона в городах — это бывшие сельские жители. Величина специального весового коэффициента доводит соотно-

шение между водкой и самогоном в группе потребителей самогона до 1 : 4,8.

В какой мере повлияло на конечные результаты измерения объема потребления алкоголя взвешивание исходных показателей, рассматривается в следующем разделе.

Сколько пьет Россия: уровень, структура, динамика и социально-экономические аспекты потребления

Эмпирическая проверка результатов использования корректирующих коэффициентов. Показатели уровня и динамики потребления алкоголя на душу населения на протяжении десятилетия (1994— 2004 гг.) демонстрируют, во-первых, снижение уровня потребления алкоголя в период 1994—1998 гг., отражающее постепенное затухание эффекта антиалкогольной кампании конца 1980-х гг. Во-вторых, они свидетельствуют о стремительном росте потребления алкоголя в момент финансово-экономического кризиса и последующее за ним пятилетие и спад в потреблении алкоголя, начавшийся в период стабилизации экономики и наметившегося роста уровня жизни населения. Очевидны и существенные различия в количественных оценках потребления алкоголя, полученных на основе исходных и скорректированных данных.

Точкой отсчета при оценке результатов корректирования исходных данных могут служить показатели количества литров чистого алкоголя, приходящегося на душу населения в год, регулярно рассчитываемые Госкомстатом РФ. Но при этом необходимо иметь в виду, что достоверность и надежность официальных статистических данных о количестве литров чистого алкоголя, приходящегося на душу населения в год, относительна. Она зависит от полноты учета информации, необходимой для расчета этого количества. Слабым местом официальной статистики в этом отношении является незаконное производство и незаконный оборот алкоголя. В 1999 г., по оценке тогдашнего председателя совета министров РФ С. Степашина, при всех усилиях борьбы с этим видом экономических преступлений доля нелегального оборота спиртного составляла не менее 35 % [Степашин, 2005]. Кроме того, в расчетах душевого потребления алкоголя Госкомстатом РФ учитывается общая численность населения, включая детей до 15 лет, что занижает фактический уровень потребления. Тем не менее, имеет смысл начать со сравнения оценок душевого потребления алкоголя, полученных с помощью РМЭЗ, с показателями, публикуемыми в официальной статистике.

В табл. 30.2 приведены сравнительные результаты расчетов объема потребления алкогольных напитков.

Результаты расчетов показывают, что душевые показатели потребления, полученные на исходных (не взвешенных) данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, оказались даже более низкими по сравнению с уровнем душевого потребле-

Таблица 30.2

Объем потребления алкогольных напитков за год, литров чистого алкоголя на душу населения

Источник данных	1996	1998	2000	2002	2004
РМЭЗ, исходные данные	**4,9**	**4,1**	**5,5**	**5,9**	**4,6**
РМЭЗ, взвешивание по двум критериям	**11,0**	**9,9**	**15,2**	**15,4**	**11,0**
Госкомстат РФ, на душу населения (включая детей)	**7,3**	**7,6**	**8,1**	**8,7**	
Госкомстат РФ, на душу взрослого населения (пересчитано нами)		**9,1**	**9,6**	**10,4**	

Примечание. Полужирным выделены наши расчеты.

Источник: **Россия и страны мира. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 42, 64.**

ния, официально регистрируемого Госкомстатом РФ (от 54 до 81 % от этого уровня), т. е. они также не дают достоверной картины объема индивидуального потребления алкоголя населением России.

Расчеты, выполненные на взвешенных данных, дают более высокую оценку уровня потребления чистого алкоголя населением РФ (в среднем примерно на 62 % выше официальных душевых показателей Госкомстата РФ). Полученный при взвешивании уровень потребления чистого алкоголя близок к оценкам, полученным на других данных и другими способами. Так, согласно расчетам А. В. Немцова [2003], в 1999 г. уровень потребления алкоголя в России достиг 14,5 л на человека. По результатам обследований Г. Г. Заиграева [2002], среди населения России душевое потребление в 2001 г. составило 13—14 л абсолютного алкоголя. Аналогичные оценки дают специалисты Министерства здравоохранения и социального развития по состоянию на 2000 г. — около 15 л чистого алкоголя на душу населения. В бюллетене Экспертно-консультативного совета при председателе Счетной палаты Российской Федерации (2002, № 2(7)) специалисты Минздрава России назвали цифру 14 л чистого алкоголя на душу населения. Эти оценки разделяют и представители частных компаний по производству алкоголя. Таким образом, расчеты на взвешенных данных РМЭЗ дают уровень оценок потребляемого чистого алкоголя, сопоставимый с достоверными результатами других обследований и оценками экспертов. Следовательно, использованную методику взвешивания исходных данных можно рассматривать как приемлемый способ повышения точности данных РМЭЗ об уровне индивидуального потребления алкоголя. Это дает основание проводить дальнейший анализ объема, структуры, динамики и дифференциации показателей потребления алкоголя на скорректированных, взвешенных данных.

Объем и структура потребления алкоголя на душу населения в 1996—2004 гг. Как показывают приведенные в табл. 30.2 скорректированные данные РМЭЗ о потреблении алкоголя в расчете на душу населения, ситуацию в России нельзя назвать благополучной, поскольку страна преодолела считающуюся относительно безопасной душевую

норму потребления 8 л чистого алкоголя в год. В то же время, согласно данным о потреблении алкоголя в 50 странах мира [Evolution, 2000], Россия не входила в число стран — безусловных лидеров, с уровнем потребления чистого алкоголя на душу населения от 10 до 13 л в год и более, к числу которых относились Люксембург, Ирландия, Португалия, Франция, Германия, Чехия, Румыния, Испания, Венгрия. Однако Россия вплотную примыкала к группе лидеров, т. е. занимала 10-е место среди 50 стран, если исходить из оценки уровня душевого потребления чистого алкоголя, полученной в данном обследовании (9,9 л), и находилась на 14-м месте, с учетом экспертных оценок и официальных данных Госкомста РФ (7,9 л). Как и в большинстве стран мира, по которым отслеживается динамика показателей потребления алкоголя с 1961 г., в России наблюдался рост его потребления.

Во второй половине 1990-х гг. динамика количества алкоголя, потребляемого населением России, выглядела следующим образом (табл. 30.3).

Помимо отмеченного выше затухания к концу 1990-х гг. эффекта, вызванного мерами по запрету и ограничениям в потреблении алкоголя последних лет существования СССР, можно видеть, что в динамике изменения уровня потребления алкоголя просматривается своего рода взрывной характер увеличения потребления алкоголя, вызванный тяжелыми условиями жизни в период системного финансово-экономического кризиса 1998 г. ив последующие за кризисом годы. В 2000— 2002 гг. объем потребления алкоголя на душу населения не только «наверстал» сокращение, наблюдавшееся в предыдущие годы, но и существенно превзошел уровень 1994 г. В 2002 г. средний российский житель 15 лет и старше выпивал алкогольных напитков за год на 22 л больше, чем в 1994 г., а чистого алкоголя — больше на 4,2 л. Годовая норма потребления алкоголя в 2000—2002 гг. на душу населения превысила 15 л чистого алкоголя.

Вместе с тем нельзя не отметить, что вслед за стабилизацией положения во многих отраслях народного хозяйства, наметившимся экономическим ростом, повышением уровня жизни населения произошло

Таблица 30.3

Объем и динамика потребления алкоголя населением 15 лет и старше, всего на душу населения: 1) литров напитков и 2) литров чистого алкоголя в год

Показатель	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
На душу населения В том числе:	43,9	11,0	40,6	9,9	59,5	15,2	67,9	15,4	50,0	11,0
на одного мужчину	86,6	22,4	77,0	19,2	116,6	30,6	129,0	30,6	93,6	21,3
на одну женщину	11,4	2,4	12,9	2,8	17,3	3,8	23,2	4,3	18,0	3,4

существенное сокращение потребления алкоголя. За короткий промежуток времени (2002—2004 гг.) потребление чистого алкоголя уменьшилось на 28,6 %.

Российский потребитель алкоголя в 1996—2004 гг. Показатели потребления алкоголя на душу населения, которыми оперирует статистика, будучи важными обобщающими показателями, дают, вместе с тем, лишь одномерную картину реальности в системе «население и алкоголь». Статистические данные, даже будучи вполне достоверными и надежными, не в состоянии дать ответ на вопрос о том, какова доля пьющих и доля тех, кто вообще не потребляет алкоголь. Из статистики нельзя узнать, сколько среди пьющих потребляют алкоголь на грани или за гранью риска для здоровья, и сколько умеренных и мало пьющих потребителей; какие социально-экономические и территориальные группы можно назвать проблемными в этом отношении. Тренды данных о продажах алкоголя не в состоянии отличить изменения, вызванные сокращением или ростом числа потребителей, от изменений, связанных с уменьшением или увеличением количества потребляемого алкоголя. С этой точки зрения только анализ совокупности потребителей может дать более богатую, многообразную и дифференцированную, а потому и более адекватную, картину положения дел в стране в сфере потребления алкоголя.

Согласно нашим расчетам, доля потребителей алкогольных напитков в РФ среди населения 15 лет и старше на протяжении 1996—2004 гг. оставалась в целом довольно стабильной — в пределах 75—78 %. При этом среди мужчин потребляли алкоголь 82—88 %, а среди женщин — 63—71 %. По доле лиц, вообще не потребляющих спиртные напитки, Россия находилась в группе европейских государств с наиболее благоприятными показателями (табл. 30.4).

Аналогичный уровень распространенности потребления алкоголя среди лиц в возрасте 25—64 лет наблюдался при изучении поведенческих факторов риска сердечно-сосудистых и других неинфекционных заболеваний в городах Москва, Архангельск и Мурманск в 2000—2001 гг. В частности, среди москвичей употребляют спиртные напитки 86 % мужчин и 79 % женщин [Попович и др., 2001].

Другим важным индикатором потребления алкоголя является регулярность (частота), характеризующая, насколько тесно повседневная жизнь отдельных групп населения связана с алкоголем (табл. 30.5).

На основе этих данных можно выделить три типа потребителей, в жизни которых алкоголь занимает разное место. Это, во-первых, первые три группы, объединяющие 15—20 % всех потребителей, у которых, судя по частоте потребления, алкоголь является частью их повседневной жизни. В зависимости от количества и крепости потребляемых спиртных напитков они могут относиться к числу злоупотребляющих алкоголем или уже зависимых от него. Второй тип составляют умеренные потребители алкоголя из пятой и шестой групп, насчитывающие

Таблица 30.4

Доля непьющего населения в 1996—1998 гг. по данным обследований в некоторых европейских государствах, %

Страна	Всего	Мужчины	Женщины
Великобритания	5,5	4,0	7,0
Латвия	6,5	7,0	6,0
Эстония	9,3	3,8	14,8
Германия	9,6	9,6	14,9
Финляндия	10,5	7,0	14,0
Ирландия	12,5	9,0	16,0
Нидерланды	15,5	9,0	22,0
Швеция	19,0	13,0	25,0
Польша	19,0	11,6	25,7
Россия	22,0	-	-
Италия	22,7	14,6	30,2
Португалия	32,8	16,8	48,8
Испания	37,0	23,0	51,0

Источник: Rehn N., Room R., Edwards G. Alcohol in European region — consumption, harm and Policies. Report. World Health Organization. Regional Office for Europe. 2001. 118 p.

немногим более половины всех потребителей. При относительно низкой регулярности приема алкоголя (от 1 до 4 раз в месяц) умеренные потребители в целом контролируют и количество потребляемого алкоголя. Остальные 25—30 % потребителей принимают алкоголь лишь эпизодически, от случая к случаю, по поводу каких-либо особых событий, отдавая дань существующим в обществе традициям.

Примечательно, что и по частоте (регулярности) потребления алкоголя Россия не отличается в худшую сторону от других стран. Самая высокая частота потребления алкоголя среди европейских стран характерна для Италии, где 42 % мужчин и 26 % женщин потребляют алко-

Таблица 30.5

Распределение потребителей по частоте потребления алкоголя за 30 дней, предшествующих проведению обследования, %

Частота потребления	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Каждый день	1,8	1,4	2,7	3,2	2,3
4—6 раз в неделю	2,6	1,9	3,0	3,5	3,1
2—3 раза в неделю	12,2	8,9	12,0	14,6	14,1
Один раз в неделю	20,3	18,1	19,1	22,5	21,1
2—3 раза в течение последних 30 дней	32,4	36,2	33,8	31,6	34,2
Один раз в течение последних 30 дней	29,6	32,7	28,8	24,0	24,6
Другие ответы	1,1	0,8	0,6	0,6	0,6

голь ежедневно. Достаточно высока регулярность потребления алкоголя и во Франции, где ежедневно употребляют алкоголь 21 % мужчин и 9 % женщин [Hemstrom et al., 2002].

Среднее количество раз приема алкоголя за 2000 г. в России, по нашим расчетам, равнялось 57, в том числе среди мужчин 76 раз и среди женщин 35 раз. Практически такой же была, в частности, частота приема алкоголя в 2000 г. в Финляндии: 57 раз за год в среднем по совокупности, 76 раз среди мужчин, 40 раз среди женщин [Makela, 2003]. Регулярность приемов алкоголя в России увеличивалась. Если в 1996 г. средний российский потребитель принимал алкоголь 53 раза в году (или примерно 1 раз в неделю), то в 2002 г. число таких дней увеличилось до 64. Чаще стали пить и мужчины (87 раз в 2002 г. вместо 71 раза в 1996 г.), и женщины (40 раз в 2002 г. вместо 32 раз в 1996 г.). Но к 2004 г. среднее число приемов алкоголя в году сократилось до 59 раз (81 у мужчин и 39 у женщин).

Однако, видимо, лишь немногие страны (Франция, Ирландия, Португалия) могли соперничать с Россией по количеству спиртного, выпиваемого одним потребителем (табл. 30.6).

Примечательно, что в Финляндии, где потребители принимают алкоголь такое же количество раз в году, как и в России, в 2000 г. среднестатистический финский потребитель выпил 27 л спиртных напитков (в том числе 48,4 л мужчины и 6,5 л женщины) [Makela, 2003]. Среднестатистический российский потребитель выпил в 2000 г. более 80 л спиртных напитков (в том числе почти 127 л мужчины и 29 л женщины). Иначе говоря, при одинаковой частоте потребления российский потребитель потреблял в три раза большее количество спиртных напитков, чем финский.

Возможно, эти различия в разовых количествах потребляемого алкоголя связаны с особенностями национальных традиций — отмечать памятные даты и события многочасовыми застольями с обилием спиртного, многообразием угощений, во время которых потребляется высокая разовая доза алкоголя. Однако в большей степени это определяется час-

Таблица 30.6

Объем и динамика потребления алкоголя, всего на одного потребляющего в год: 1) литров напитков и 2) литров чистого алкоголя

Показатель	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
В среднем на одного потребителя	59,3	14,9	53,1	13,0	80,9	20,7	91,1	20,7	69,4	15,3
На одного потребляющего мужчину	92,1	23,8	80,0	20,0	126,9	33,4	141,6	33,6	114,2	26,0
На одну потребляющую женщину	19,3	4,0	20,9	4,6	29,0	6,3	37,2	7,0	27,9	5,3

тотой и дозами приема алкоголя той части населения, чей образ жизни тесно переплетен с алкоголем, не отделим от привычного и систематического его потребления, поддерживаемого стереотипами определенных субкультур, ближайшим окружением дома и на работе. Именно за счет уровня потребления алкоголя в этих средах складывается средняя довольно высокая разовая доза потребления алкоголя, сопоставимая по величине с относительно безопасной нормой потребления алкоголя для нескольких дней. В 1996 г. эта разовая доза составляла, по данным РМЭЗ, 125 г чистого алкоголя, в 2002 г. — 122 г, в 2004 г. — 101 г. Примерно такие же результаты получены в обследовании, проведенном в 1990-е гг. Государственным научно-исследовательским центром профилактической медицины на основе репрезентативной национальной выборки. В пересчете на чистый этанол обычное (разовое) его потребление мужчинами составляло в среднем около 150 г, женщинами — около 25 г. Разовые дозы, которые потребляли российские мужчины и женщины в середине 1990-х гг., были выше рекомендуемых безопасных ежедневных доз в 5 и 2 раза соответственно [Оганов и др., 2001].

За 1994—2002 гг. российский потребитель сделал большой рывок в увеличении количества потребляемых спиртных напитков. В 2002 г. средний российский потребитель алкогольных напитков выпивал за год на 29 л больше, чем в 1994 г., а чистого алкоголя — больше на 5,5 л. Годовая норма потребления алкоголя в 2000—2002 гг. одним потребляющим спиртные напитки достигла чрезвычайно высокой планки — более 20 л чистого алкоголя, что эквивалентно 102 бутылкам водки по 0,5 л. Это означает, что средний российский потребитель алкогольных напитков выпивал в 2000—2002 гг. по бутылке водки объемом 0,5 л каждые 3—4 дня. Еще более впечатляют объемы потребления спиртных напитков пьющими мужчинами — 166 бутылок водки в год, т. е. по бутылке водки каждые 2 дня. И хотя в тенденции интенсивного роста потребления алкоголя в 2004 г. обозначился перелом, количество чистого алкоголя, выпиваемого одним потребителем, остается по-прежнему очень высоким.

Структура потребителей спиртных напитков в 1994—2004 гг. претерпела заметные изменения как позитивного, так и негативного характера (табл. 30.7).

С одной стороны, с 1996 по 2004 г. в 1,5 раза упала доля потребителей водки, но одновременно удвоилась доля потребителей самогона. Удельный вес потребителей относительно легкого алкоголя — пива — увеличился почти в 2 раза, но одновременно сократилась доля потребителей сухого вина и шампанского.

Эти тенденции просматриваются во всех возрастных группах. В молодежной среде (среди потребителей в возрасте 15—30 лет) они были особенно заметны. За 1996—2004 гг. доля потребителей пива среди молодежи выросла с 39 до 70 %, а в остальных возрастных группах — с 22 до 39 %. Удельный вес потребляющих водку в молодежной среде упал

Таблица 30.7

Доля потребляющих различные спиртные напитки в общей численности потребителей алкоголя, %

Алкогольные напитки	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Пиво и брага	25,8	33,9	44,1	49,3	46,9
Сухие вина	30,1	21,9	18,6	22,2	25,2
Крепленые вина	11,5	11,3	12,6	13,1	13,4
Самогон	6,7	14,5	19,7	18,0	12,9
Водка и другие крепкие напитки	72,5	68,4	60,6	58,6	47,2
Другое	3,7	3,7	4,6	6,9	6,6

с 64 до 37 %, а среди остальных возрастных групп — с 77 до 59 %. В отличие от людей среднего и старшего возраста, среди молодежи доля потребителей пива с 2000 г. опережает долю потребителей водки. Особенность структуры потребителей алкоголя в средних (31—45 лет) и старших возрастных (46 лет и старше) группах состоит в том, что среди лиц среднего возраста следующей по численности после водки является группа потребителей пива, а среди старших возрастов — потребителей самогона.

В «Концепции государственной алкогольной политики в РФ», проект которой был разработан Рабочей группой Государственного Совета РФ в 2003 г. [Концепция..., 2003], особое внимание было обращено на необходимость изменения структуры потребления алкоголя в России. Концепция ставит задачу перехода с северного стиля потребления (75 % потребляемого алкоголя — крепкие спиртные напитки, 25 % — слабоалкогольные напитки) на южный стиль (слабоалкогольные напитки — 75 %, крепкие напитки — 25 %). Оценивая результаты изменений в объемах и структуре потребления алкоголя, можно сказать, что определенные сдвиги наблюдаются, по крайней мере, в одном из направлений: наметившемся переходе с потребления водки на потребление пива. В молодежной среде, например, среди потребителей пива удельный вес потребляющих одновременно и водку уменьшился с 76 % в 1994 г. до 26 % в 2004 г. Но в остальных возрастных группах доля потребителей водки среди потребляющих пиво снизилась лишь с 81 до 76 %. Поэтому в объеме чистого алкоголя, приходящегося в среднем на одного потребителя, крепкие спиртные напитки сохраняют по-прежнему наиболее высокий удельный вес.

Особо обращает на себя внимание рост потребления чистого алкоголя за счет самогона в 2000—2002 гг. Это связано как с интенсивным ростом доли потребляющих самогон, о котором говорилось выше, так и с увеличением объемов его потребления в группе любителей самогона (табл. 30.8).

Существенный рост объемов потребления самогона вызван, помимо причин материально-экономического характера, тем, что алкогольная

Таблица 30.8

Объем потребления различных спиртных напитков, литров напитков в год на одного потребляющего данный алкогольный напиток

Алкогольные напитки	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Пиво и брага	**79,2**	**63,0**	**69,4**	**80,2**	**67,2**
Сухие вина	**16,1**	**12,3**	**14,7**	**21,9**	**14,6**
Крепленые вина	**25,1**	**13,3**	**22,4**	**33,3**	**25,8**
Самогон	**107,9**	**69,7**	**132,4**	**128,5**	**104,4**
Водка и другие крепкие напитки	**31,3**	**24,2**	**28,4**	**29,1**	**28,5**
Другое	**30,7**	**24,1**	**32,1**	**29,9**	**28,6**

государственная политика 1990-х гг. оказалась не в состоянии защитить здоровье населения. Массовое нелегальное производство спиртного и широкое распространение на алкогольном рынке страны фальсифицированной, «паленой» водки вызвало многократное увеличение смертельных отравлений от алкоголя. Стремясь обеспечить безопасность своей жизни собственными силами, население перешло к изготовлению спиртных напитков в домашних условиях.

Группа потребителей самогона представляет собой «ударную силу» российского пьянства, поскольку в этой среде ежедневно или через день потреблялось в 2000—2002 гг. количество чистого алкоголя, равное примерно 0,5 л водки. Особенно выделялись чрезвычайно высокими дозами потребления этого суррогата крепкого алкоголя лица в наиболее активном периоде трудоспособного возраста: 31—45 лет.

Систематическое потребление самогона в столь больших объемах и в больших единовременных дозах находится фактически на грани физиологических возможностей человека. Вследствие этого самогон и его потребление являются одной из наиболее серьезных причин потерь рабочего времени, недоброкачественного труда, производственных и бытовых травм, заболеваний и преждевременных смертей. Интенсивный рост удельного веса потребителей самогона и чрезвычайно большое количество потребляемого самогона говорят также и о неэффективности усилий государства в борьбе с незаконной продажей алкогольных напитков домашнего производства.

Высокий уровень потребления алкоголя наблюдается среди пьющего населения повсеместно. Однако объем потребления спиртных напитков коррелирует с уровнем урбанизации поселений (табл. 30.9).

Неумеренное потребление алкоголя характерно в наибольшей степени для российской провинции и для российского села. При этом различия в потреблении чистого алкоголя жителями российской глубинки и российского села, с одной стороны, и жителями урбанизированных областных центров, с другой, стали в 2000-е гг. более явными. Эти различия являются одним из индикаторов социального неблагополучия российской провинции и российского села, низкого качества жизни населе-

Таблица 30.9

Потреблено литров чистого алкоголя на одного потребителя в зависимости от места проживания

Место проживания	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Областной центр	13,4	11,7	16,3	16,3	13,4
Город областного подчинения	14,4	13,0	19,6	20,6	14,0
Поселок городского типа	20,9	12,9	20,3	21,6	16,3
Село	18,8	15,2	29,1	28,8	20,0

ния этих поселений — материального благосостояния, занятости и условий труда, охраны здоровья, возможности повышения образования и удовлетворения культурных потребностей, физической и имущественной безопасности.

«Обобщенный» портрет российского потребителя спиртных напитков был бы не полным и не точным без представления о других срезах дифференциации уровня потребления алкоголя. В 1996—2004 гг. на долю мужчин приходилось 82—88 %, а на долю женщин — 12—18 % объема потребленного чистого алкоголя. Распределение потребителей по 20%-м группам в зависимости от количества чистого алкоголя, потребленного за год, показывает, что в 1996—2004 гг. от 77 до 83 % объема потребленного алкоголя выпивала высшая квинтильная группа, а на остальные 80 % потребителей приходилось, таким образом, 17—23 % объема потребленного чистого алкоголя. Различия между средними показателями потребления чистого алкоголя в 20%-х группах с максимальным (пятая 20%-я группа) и минимальным (первая 20%-я группа) уровнями потребления достигают 127 раз и более.

Высокий уровень дифференциации в потреблении алкоголя во многом «реабилитирует» основную массу российских потребителей алкоголя и показывает, что не все русские — пьяницы. В то же время видно, что, по меньшей мере, для 20 % россиян, потребляющих спиртные напитки (пятая квинтильная группа), характерен чрезмерно высокий уровень потребления алкоголя. К тому же часть респондентов из четвертой квинтильной группы находится на пороге чрезмерного потребления алкоголя. Таким образом, масштабы злоупотребления алкоголем в России весьма велики.

Избыточное потребление алкоголя. Какой объем потребляемого алкоголя следует считать чрезмерным, избыточным? Для какой части населения характерно чрезмерное, избыточное потребление алкоголя? Критерии избыточности в потреблении алкоголя сформировала медицинская наука. Исследователи многих стран путем сравнения количества выпиваемых алкогольных напитков и показателей здоровья народа определили зоны относительно безопасного и так называемого рискованного употребления алкоголя. Границы относительно безвредного потребления алкоголя рассчитываются в граммах чистого алкоголя, вы-

питого за день. Пороговые значения относительно безопасного уровня потребления алкоголя в разных странах отличаются, поскольку в них поразному определяется используемая для этих расчетов исходная мера — стандартная порция алкоголя.

В этой ситуации при определении избыточности потребления алкоголя целесообразно руководствоваться рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), подготовленными специально для анализа данных научных исследований и в целях сравнения этих данных в разных странах. Количественные критерии, предложенные ВОЗ, позволяют не только определять долю людей с избыточным уровнем потребления алкоголя, но и выделять среди них группы с различным уровнем риска для здоровья [International Guide ., 2000].

Расчеты на основе этих критериев и их пороговых значений позволили получить следующую картину дифференциации российского населения по степени риска в потреблении алкоголя (табл. 30.10). В 1996—2004 гг. подавляющее большинство пьющего населения (от 75 до 82 %) потребляли алкоголь, не переходя границы низкого — безопасного уровня потребления алкоголя. В среднем на каждого потребителя из этой группы приходилось от 3,9 до 4,3 л чистого алкоголя в год. Однако впечатление если не относительного благополучия, то ситуации, не внушающей крайней тревоги, исчезает, если обратить внимание, во-первых, на долю респондентов, потребляющих алкоголь в количестве, превышающем черту безопасного потребления. Этот показатель (его значения представлены в итоговой строке табл. 30.10) можно назвать индексом алкоголизации населения. Масштабы алкоголизации высоки. В 2004 г. более 20 % потребляющего алкоголь населения 15 лет и стар-

Таблица 30.10

Распределение потребителей алкоголя по группам с различной степенью риска, %

Группа потребителей алкоголя по степени риска	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
1. Низкая степень: от 1 до 40 г в день для мужчин, от 1 до 20 г в день для женщин	80,8	82,1	77,4	74,5	78,9
2. Средняя степень: от 41 до 60 г в день для мужчин, от 21 до 40 г в день для женщин	6,8	6,5	7,8	8,1	7,3
3. Высокая степень: от 61 до 100 г в день для мужчин, от 41 до 60 г в день для женщин	5,1	5,0	5,4	5,1	5,2
4. Очень высокая степень: от 101 г и выше в день для мужчин, от 61 г и выше в день для женщин	7,3	6,4	9,5	11,3	8,6
Избыточный уровень потребления (2 + 3 + 4)	19,2	17,9	22,6	25,5	21,1

ше находилась в зоне среднего, высокого и очень высокого риска в потреблении алкоголя. Средний уровень риска, по оценкам медицинских работников, характерен для людей без признаков алкоголизма, но потребляющих алкоголь несколько раз в неделю в средних и больших количествах. У них наблюдается начинающаяся тяга к алкоголю как незаменимому средству решения большинства жизненных проблем и постоянному атрибуту образа жизни. На этой стадии находились 6—8 % потребляющих алкоголь россиян. При высоком уровне риска в потреблении алкоголя велика вероятность появления признаков алкоголизма в виде утраты контроля над количеством употребляемого алкоголя, потери чувствительности к алкоголю. Это характерно примерно для 5 % потребителей алкоголя. При очень высоком уровне риска появляются более выраженные признаки развившегося алкоголизма. Ими обладали 7—11 % мужчин и женщин, потребляющих алкоголь.

Очевидны и негативные тенденции изменения структуры — сокращение группы умеренных потребителей алкоголя и рост удельного веса лиц со средней, высокой и очень высокой степенью риска в употреблении алкоголя.

Довольно высокий удельный вес потребителей, не выходящих за черту безопасности в потреблении алкоголя, складывается за счет существенной дифференциации в степени риска потребления алкоголя между мужчинами и женщинами (табл. 30.11).

Однако разница в удельном весе избыточно потребляющих алкоголь мужчин и женщин сокращается. Если в 1996 г. она составляла 3,2 раза, то в 2004 г. снизилась до 2,6 раза, т. е. доля сильно пьющих женщин (очень высокий уровень риска потребления алкоголя) росла быстрее, чем доля сильно пьющих мужчин. В 2002—2004 гг. около трети российских пьющих мужчин потребляли алкоголь в избыточных количествах, причем для половины из них (15—16 % взрослого мужского населения), судя по количеству алкоголя, принятого в среднем за год, были характерны признаки повседневного пьянства.

Таблица 30.11

Распределение мужчин и женщин, потребляющих алкоголь, по группам риска, %

Степень риска потребления алкоголя	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1. Низкая	72,4	91,3	74,6	90,9	67,6	88,4	63,5	86,2	67,6	89,3
2. Средняя	8,1	5,2	8,0	4,8	9,0	6,4	9,6	6,5	8,7	6,0
3. Высокая	8,2	1,2	7,7	1,8	8,6	1,8	9,2	2,8	9,1	1,7
4. Очень высокая	11,3	2,3	9,7	2,5	14,8	3,4	17,7	4,5	14,6	3,1
Избыточная (2 + 3 + 4)	27,6	8,7	25,4	9,1	32,4	11,6	36,5	13,8	32,4	10,7

Рост удельного веса избыточно потребляющих алкоголь наблюдался во всех типах поселений. Но особенно «преуспели» в этом отношении поселки городского типа и сельские поселения, где доля избыточно потребляющих алкоголь достигла к 2002 г. 30 % численности пьющего населения и несколько снизилась (на 3—7 п. п.) к 2004 г.

Неумеренность в потреблении алкоголя наблюдается среди любителей всех видов напитков, включая сухое вино и шампанское. Но лидерами неумеренного пития являются потребители самогона, более половины которых перешагнули безопасную черту потребления алкоголя.

Судя по результатам многочисленных исследований в европейских и других странах мира, избыточное потребление алкоголя не является характерным лишь для российских потребителей. В США каждый тринадцатый взрослый американец — алкоголик. Еще несколько миллионов американцев употребляют спиртное регулярно и в столь больших количествах, что находятся на пороге алкоголизма [От водки., 2007], т. е. масштабы неумеренного потребления алкоголя практически не отличаются от российских. Треть чехов и значительная часть чешек употребляют алкоголь в количестве, которое опасно для здоровья, — 40 г в день алкоголя у мужчин и 20 г у женщин [http://www.radio.cz/ru/statja/58209]. В 2000 г. в Великобритании избыточное потребление алкоголя было характерно для 40 % мужчин и 22 % женщин; в Швеции — для 33 % мужчин и 18 % женщин; в Финляндии — для 29 % мужчин и 17 % женщин [Hemstrom et al., 2002]. Нельзя сказать, что распространенность избыточного потребления алкоголя среди российских мужчин и мужчин в рассматриваемых странах отличалась радикально, но различия, тем не менее, наблюдались и были не в пользу российских мужчин. Однако распространенность избыточного потребления алкоголя среди российских женщин была в несколько раз ниже, чем среди женщин других стран.

Причины избыточного потребления алкоголя многоплановы. К числу факторов, повышающих шансы попадания в группы рискованного уровня потребления алкоголя, относятся неблагоприятные социальные условия: нищета, бездомность, безработица, жизнь в условиях хронического социального стресса, социально-экономическая нестабильность.

Результаты данного исследования подтверждают, в частности, что объем потребления алкоголя корреспондирует с положением потребителей на шкале экономической стратификации. Распределение показателей годового потребления алкоголя в 2002 гг. в зависимости от ответа на вопрос «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей — богатые. На какой ступени находитесь сегодня Вы лично?» показывает, что самые большие объемы потребления алкоголя характерны для населения с низким материально-экономическим статусом. Не менее существенное различие в показателях потребления алкоголя наблюдается между респондентами с различной степенью удовлетворенности жизнью в целом.

Так, если полностью удовлетворенные жизнью потребляли в 2002 г. 15,3 л чистого алкоголя, то совсем неудовлетворенные — 35,6 л.

Не менее значимой считается роль семейных факторов, таких как психическое здоровье, криминальные наклонности и вредные привычки членов семьи, скандалы, разводы, расстройство общения, отсутствие порядка и контроля, ответственности за семью, особенно если фоном этого являются низкий уровень образования и отсутствие ориентации на обучение, хронические ментальные заболевания или инвалидность. Согласно данным РМЭЗ, самая высокая доля лиц с избыточным потреблением алкоголя наблюдается среди респондентов с пониженным уровнем ответственности за себя и за семью, в частности, среди тех, которых совершенно не беспокоит, смогут ли они обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев.

Измерение влияния факторов избыточного потребления алкоголя. Используемая информационная база дает возможность проследить, в какой мере избыточный уровень потребления алкоголя связан с различными социально-экономическими факторами. Структурный анализ избыточного потребления алкоголя в социальных группах, выделенных по основным характеристикам потребителей (возраст, образование, занятость, профессиональная группа, место проживания и некоторым другим), позволил выявить повышенную концентрацию лиц с избыточным потреблением алкоголя и определить группы, принадлежность к которым связана с наибольшим риском попадания в число злоупотребляющих алкоголем. Неумеренность в потреблении алкоголя, как показывают полученные данные, имеет место во всех социальных средах, но уровень распространенности этого явления в этих средах не одинаков. Безусловное лидерство принадлежит мужчинам. Высокий уровень распространенности избыточно потребляющих алкоголь в других группах (профессионально-должностных, отраслевых) в значительной мере обязан повышенной концентрации мужчин в их составе. К таким социальным группам относятся квалифицированные рабочие-ремесленники и промышленные рабочие, разнорабочие; руководители (директора, управляющие, начальники отделов предприятий и организаций).

Что касается изменения распространенности рискованного потребления алкоголя, то его устойчивый рост до 2002 г. наблюдался у женщин; у экономически неактивного населения трудоспособного возраста, у пенсионеров и самозанятых; у бедных (населения со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума); у сельских жителей; в многодетных семьях; у разнорабочих. Иными словами, пить стали чаще и больше в социальных средах, в наибольшей степени испытавших социальные травмы переходного периода. Потребление алкоголя (наряду с депрессиями, страхом, низкой самооценкой, суицидными мыслями, самодеструктивным поведением) — это во многом последствие перенесенных социально-экономических травм и способ убежать от болезненных ощущений и мыслей.

Оценивая роль социальных факторов с точки зрения их влияния на шансы попадания в группу избыточно потребляющих алкоголь, необходимо отметить роль уровня образования. Как показали полученные данные, между избыточностью в потреблении алкоголя и уровнем образования существует устойчивая обратная связь: чем выше уровень образования, тем меньше вклад в избыточное потребление алкоголя. Конечно, даже самый высокий уровень образования не является гарантией от злоупотребления алкоголем. Но как бы то ни было, высокий уровень образования — это индикатор накопленного культурного капитала: повышенной способности человека воспринимать и перерабатывать информацию, интересно и полезно использовать свой досуг, разумно и критически относиться к излишествам любого рода, грамотно и бережно подходить к сохранению и поддержанию своего здоровья.

Для оценки величины влияния различных социальных факторов на вероятность попадания в группу избыточно потребляющих алкоголь был использован логистический регрессионный анализ.

Логистическая регрессионная модель бинарного типа позволяет оценить вероятность наступления события на основе вычисления шансов, т. е. отношения вероятности того, что событие наступит, к вероятности того, что событие не наступит. Факторами наступления или «не наступления» интересующего события выступают независимые переменные66.

В данном случае оценивалась вероятность оказаться выше черты относительно безопасного потребления алкоголя в зависимости от принадлежности к социальным группам, являющимся в той или иной степени факторами риска избыточного потребления алкоголя: 1) возраст респондента от 31 до 45 лет; 2) отсутствие законченного общего среднего образования; 3) отсутствие работы; 4) принадлежность к какой-либо из групп работников физического труда; 5) бедность (среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума). Из списка независимых переменных исключена переменная «пол», поскольку она мажорирует фактически все остальные независимые переменные, т. е. ее использование в модели не позволяет получить корректную оценку влияния других переменных. Логистические регрессионные модели были построены также для оценки вероятности оказаться выше черты безопасного потребления алкоголя в зависимости от вида потребляемого алкогольного напитка.

В табл. 30.12 представлены значения регрессионных коэффициентов *B* и в скобках их факторов — exp(B). Когда значение коэффициента *B* имеет положительный знак, величина exp(*B*) показывает, во сколько

66 В общем виде логистическая регрессионная модель может быть записана следующим образом: *Prob(Poverty)* = 1/(1 + exp(-Z)), где *Z* есть линейная комбинация: $Z = B_0 + B_1X_1 + B_2X_2 + ... + B_kX_k$, в которой B_0 и B_k — это коэффициенты в уравнении, а X_k (k = 1, K) — независимая переменная.

Таблица 30.12

Оценки параметров моделей -B(exp(B)) — вероятности попадания в число избыточно потребляющих алкоголь респондентов из разных социально-экономических групп в 1994—2004 гг. (исходные данные)

Бинарная переменная	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Возраст от 31 до 45 лет	0,2288	0,2030	0,1347*	0,2263	0,4066
	(1,2571)	(1,2250)	(1,1442)	(1,2539)	(1,5017)
Без общего среднего образования	0,1782*	-0,0355*	0,2791	0,4095	0,5413
	(1,1951)	(0,9652)	(1,3219)	(1,5060)	(1,7183)
Безработные	0,6884	0,6877	0,7994	0,6566	1,0476
	(1,9905)	(1,9892)	(2,2241)	(1,9281)	(2,8509)
Квалифицированные рабочие-ремесленники	0,7940	0,7738	0,8809	0,7387	0,6166
	(2,2123)	(2,1680)	(2,4132)	(2,0932)	(1,8526)
Промышленные рабочие	0,6561	0,7081	0,7334	0,5435	0,8811
	(1,9273)	(2,0302)	(2,0821)	(1,7221)	(2,4135)
Разнорабочие	0,2272 *	0,5537	0,4830	0,4913	0,4766
	(1,0197)	(1,7396)	(1,6209)	(1,6345)	(1,6106)
Бедные (с душевыми доходами ниже величины прожиточного минимума)	0,2272*	0,2829	0,1742	0,3168	0,3445
	(1,2551)	(1,3270)	(1,1903)	(1,3728)	(1,4131)
Константа	-1,8390	-2,0104	-1,7297	-1,6904	-1,8256
Initial-2 Log Likelihood	3554,8	3421,4	3770,9	4366,6	4369,2677
Final-2 Log Likelihood	3554,8	3326,7	3661,5	4247,7	4148,311
Goodness of Fit	3602,2	3610,9	3535,8	3995,9	3930,136
Chi-Square Significance	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Примечание. Приведенные в таблице параметры статистически значимы при 0,05-м уровне значимости, кроме отмеченных звездочкой.

раз увеличивается шанс наступления оцениваемого события при изменении независимой переменной от 0 до 1 при неизменности других переменных. В тех случаях, когда значение коэффициента *B* имеет отрицательный знак, величина exp(S) показывает, во сколько раз уменьшается шанс наступления оцениваемого события при изменении независимой переменной от 0 до 1 при неизменности других переменных [Norusis, 1994].

Как показывают результаты логистического регрессионного анализа, указанный набор независимых переменных позволяет правильно предсказать вероятность такого «события» как попадание в группу избыточно потребляющих алкоголь в 76—82 %. Таким образом, используемый набор независимых переменных обладает хорошей прогностической способностью в отношении оценки шансов попадания в число избыточно потребляющих алкоголь. Практически все приведенные в табл. 30.12 значения коэффициента *B* положительны, т. е. независимые переменные в случае их изменения от 0 до 1 увеличивают шансы насту-

пления оцениваемого события (в нашем случае «принадлежности к злоупотребляющим алкоголем»). Наиболее высокая вероятность попадания в число избыточно потребляющих алкоголь наблюдается в группах работников физического труда, в первую очередь, у квалифицированных рабочих ручного труда. У представителей этой категории рабочих в 1994—2004 гг. она была в 2,1—2,4 раза выше по сравнению со всеми остальными профессиональными группами и группами работников по занятости. Более умеренное влияние оказывали на вероятность попадания в число злоупотребляющих алкоголем другие независимые переменные — бедность, отсутствие общего среднего образования, возрастной статус. Однако роль этих факторов со временем становилась более значимой.

Достаточно информативной является логистическая регрессионная модель бинарного типа, где в качестве независимых переменных выступают отдельные виды алкогольных напитков. Оценки параметров такой модели подтвердили, что самое сильное влияние на попадание в число неумеренно потребляющих алкоголь оказывают, во-первых, самогон, во-вторых, водка. При этом прогностическая сила самогона существенно выше, чем водки. Менее всего вероятность попадания в число злоупотребляющих алкоголем связана с потреблением сухого вина и шампанского. Таким образом, технологическая легкость и дешевизна производства самогона в домашних условиях, отсутствие каких-либо ограничений в его доступности для использования самим производителем и членами его семьи, наличие постоянного спроса на дешевый и более безопасный спиртной напиток среди других предлагаемых в торговле делают самогон очень ходовым товаром. И одновременно превращают его в один из действенных механизмов расширения и углубления алкоголизации населения.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть следующее. Уровень потребления алкоголя является одним из важнейших индикаторов физического и психического здоровья не только отдельных индивидов, но и общества в целом. Поэтому проблема потребления алкоголя выходит за чисто медицинские рамки. Она является социальной проблемой и составляет самостоятельное направление государственной социальной политики. С этой точки зрения наличие надежных и достоверных данных о распространенности, объемах, динамике, структуре и дифференциации потребления алкоголя является необходимой основой для осуществления обоснованной и грамотной алкогольной политики государства во благо населению и обществу. Для этого необходимо как совершенствование государственной статистики, так и регулярное проведение массовых социологических и специальных эпидемиологических обследований по проблемам потребления алкоголя.

По доле лиц, вообще не потреблявших в рассматриваемый период спиртные напитки, Россия относилась к группе европейских государств с наиболее благоприятными показателями. Однако по уровню потребления чистого алкоголя на душу населения Россия в конце 1990-х гг. вплотную примыкала к числу 10 стран-лидеров среди 50 стран мира, по которым ведется регулярный учет статистики потребления алкоголя. Наиболее характерными особенностями потребления алкоголя в России во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. были: большое количество потребляемого алкоголя на душу населения и на одного потребителя; интенсивный рост объемов потребления в период 1998—2002 гг. и снижение этого показателя в период 2002—2004 гг.; умеренная, но растущая частота (регулярность) потребления алкоголя; высокие разовые дозы потребления; доминирующая ориентация потребителей алкоголя на крепкие спиртные напитки; заметные изменения структуры потребителей алкоголя как позитивного, так и негативного характера; высокий уровень дифференциации потребителей по объему потребления алкоголя; высокий удельный вес потребителей с избыточным уровнем потребления алкоголя.

Алкогольную политику современной России в отношении защиты финансовых интересов государства, борьбы с криминалом в сфере производства и оборота алкоголя и охраны здоровья населения нельзя считать ни сбалансированной, ни эффективной. Питательной средой незаконного производства и оборота алкоголя являлся не облагаемый налогами технический спирт. По самым скромным подсчетам, только 15 % технического спирта шло на технические цели, а остальные 85 % россияне выпивали [Булдаков, 2005]. Возможность делать большие деньги на производстве и обороте алкоголя сформировало мощное лобби алкобаронов, оказывающее давление на законодательную и исполнительную власть и используемое либо для игнорирования существующих законов, либо для препятствования принятию более строгих и эффективных мер контроля над производством и продажей алкоголя. В этой связи не кажется удивительным тот факт, что Государственная дума лишь на 15-й раз в конце 2005 г. приняла проект нового закона о государственном регулировании оборота спирта, предполагающий, в том числе, и запрет на добавки к спирту, выводящие его из-под налогообложения. Однако волна массовых отравлений спиртосодержащими жидкостями со смертельным исходом в 2007 г. показала, что проблема до сих пор не снята с повестки дня.

Сокращение уровня потребления алкоголя является одной из настоятельных задач алкогольной политики. Однако вряд ли существуют какие-либо специальные меры, которые могли бы играть роль приемлемой и конкурентоспособной альтернативы сокращению потребности в алкоголе. Снижение уровня потребления алкоголя невозможно без изменения условий жизни людей, повышения их культуры и нравственности. Только существенное улучшение условий жизни населения, дос-

тупность получения образования, возможность профессионального роста, хорошо оплачиваемая работа могут дать человеку возможность занять достойное место в обществе, позволят уважать самого себя и не нуждаться в алкоголе как «лекарстве» от жизненных неудач. Это предохранит определенные группы населения от глубокой неудовлетворенности своей жизнью, депрессии, скуки и т. д., т. е. создаст предпосылки для того, чтобы если не отказываться от алкоголя совсем, то, по крайней мере, быть умеренными и ответственными его потребителями.

Вместе с тем, вокруг проблемы неумеренного потребления алкоголя не должно быть атмосферы попустительства, вседозволенности, равно как и равнодушия и безразличия, как то имеет место в настоящее время. Для этого надо не просто настойчиво проводить политику ограничения рекламы алкоголя и доступности спиртных напитков по времени и месту продажи. Необходимы определенные превентивные меры — широкая просветительская деятельность в средствах массовой информации относительно губительных последствий неумеренного потребления алкоголя. Такая деятельность в настоящее время практически не проводится средствами массовой информации ни на федеральном уровне, ни на уровне регионов.

ГЛАВА 31 Негативное потребление учащихся: риски и барьеры в обществе двойных стандартов

В соответствии с концепцией развития человеческого потенциала, взятой за основу социальной политики ООН, важным является не только жизнь и здоровье отдельного человека, но и то, насколько здоровым является общество в целом, социальная среда. Сравнительное исследование на основе лонгитюдных данных показало, что в период с 1960-х гг. негативное воздействие уровня социально-экономического неравенства в наиболее развитых странах наносило больший вред здоровью населения, чем особенности национальных систем охраны здоровья [Castilla, 2004]. Поскольку «больное общество программирует патологию и на уровне индивидуального поведения» [Журавлева, 2000. С. 44], в наиболее развитых странах предпринимаются меры для оздоровления этой среды, тщательно выстраивается система защиты подростков от курения и алкоголя. В России потребление психоактивных веществ (включая и наркотики) стало настолько широко распространенным и доступным, что представляет реальную угрозу для подростков, составляющих потенциал развития общества. Обострились проблемы девиантного поведения, детской беспризорности и безнадзорности [Байков, Каширина,

2003]. На рубеже столетий (1999—2003 гг.) учтенная распространенность наркологических расстройств в России выросла на 5 % и в 2003 г. составила 2430 больных на 100 тыс. населения. Число больных с выявленным впервые в жизни диагнозом увеличилось на 7,9 %, составив 327 человек на 100 тыс. населения. В этот же период особенно быстро росло число зарегистрированных больных с синдромом зависимости от наркотиков (на 56 %) и с алкогольным психозом (на 60 %) [Распространенность..., 2004].

Свой вклад в распространение негативного потребления делает глобализация, она усиливает факторы риска, увеличивает вероятность возникновения неуправляемых ситуаций в связи с организованной в мировых масштабах как легальной, так и теневой торговлей табаком и алкоголем. К тому же реклама делает их потребление привлекательным для подростков. Несмотря на активное противодействие, в условиях глобализации стремительно распространяется наркомания, интегрируясь в систему общества и экономику, в частности, через незаконную торговлю наркотиками, ставшую значительным сектором мировой торговли. «Не только феномен наркотиков приобретает глобальный характер, глобализация в свою очередь во все возрастающей степени оказывается зависимой от наркотиков и разнообразных связанных с ними видов деятельности» [Ланьель, 1999. С. 128]. В этих условиях важно найти механизмы защиты подрастающего поколения от наркозависимости (от табакокурения, алкоголя, наркотиков).

Задачи данной главы: с одной стороны, показать двойственность отношения общества к проблеме роста потребления психоактивных веществ, с другой, определить, опираясь на представления старшеклассников и родителей, факторы, способствующие и препятствующие негативному потреблению молодежи в обществе с двойными стандартами.

В качестве информационной базы использовались как данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, 2004 г., выборочная совокупность составила около 10 тыс. человек), так и данные социологических опросов подростков Новосибирской области (2002 г., 4,6 тыс. чел.) и их родителей (2004 г., 1,6 тыс. чел.).

Данные по Новосибирской области были получены в рамках исследовательского проекта «Социальные и личностные аспекты негативного потребления среди молодежи: факторы риска и защиты»[67]. Он был направлен на всестороннюю оценку масштабов и степени включенности в употребление наркотиков и других психоактивных веществ подростков и студенчества Новосибирской области; а также на изучение социальных и

67 Научный руководитель проекта — д-р социол. наук I Л. Г. Борисова I (НГПУ), директор проекта — канд. социол. наук И. И. Харченко (ИЭОПП СО РАН). Другие участники исследовательского коллектива: канд. экон. наук Г. П. Гвоздева (ИЭОПП СО РАН), д-р социол. наук Г. С. Солодова (ИФПР СО РАН), д-р психол. наук. Е. Р. Слободская и д-р биол. наук Г. Г. Князев (ГУ НИИ физиологии СО РАМН).

психологических факторов как способствующих, так и препятствующих распространению этих явлений в молодежной среде [Князев и др., 2003; Гвоздева и др., 2004; Knyazev et al., 2004].

Двойственность отношения общества к наркотизации

Под наркотизацией понимается, с одной стороны, процесс постепенного включения людей в потребление сначала слабых, а затем более сильно действующих психоактивных веществ, включая потребление табака, алкоголя и наркотиков. С другой стороны, расширяющиеся масштабы и распространенность потребления этих веществ населением, в том числе и за счет более раннего приобщения молодежи и детей. Крайне неблагоприятной тенденцией является быстрый рост в России числа детей и подростков, подвергшихся алкогольным психозам и зависимости от наркотиков. Так, за период с 1999 по 2003 г. число детей и подростков с зарегистрированным диагнозом алкогольный психоз увеличилось в 2,5 раза, в 2003 г. зарегистрирован 141 случай среди детей 14—17 лет [Распространенность., 2004]. Наркотизация расширилась и территориально: если в 1999 г. среди 79 регионов РФ в 11 были высокие показатели алкогольных психозов и в восьми — распространенности наркомании, то в 2003 г. — 36 и 16 соответственно. Наиболее распространена наркомания в восточной части страны: кроме Самарской области — это Томская, Кемеровская, Тюменская, Иркутская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Приморский край [Там же].

Для России наркотизация особенно опасна по ряду причин. Во-первых, предшествующие исторические события подготовили для нее почву, поскольку после потрясений Второй мировой войны курение и выпивки еще глубже укоренились в повседневной жизни атеистически воспитанных россиян. В этих условиях наркоманию сдерживали в основном жесткие меры государственного и социального контроля. После выхода страны из изоляции усилилась опасность, что будет сделан шаг от слабых (табак, алкоголь) к более сильным наркотическим веществам. Во-вторых, трансформационные процессы и экономические реформы сопровождались ухудшением состояния здоровья населения, сокращением средней ожидаемой продолжительности жизни. (В то время как в развитых и в большинстве развивающихся стран наблюдались позитивные изменения.) В сочетании с ростом потребления наркотиков это подрывает демографический потенциал воспроизводства населения. В-третьих, общество не смогло выработать ценности, адекватно отвечающие целям развития. В частности, оно не говорит решительно: «Нет наркотизации во всех ее проявлениях». А первые шаги по ограничению рекламы алкоголя были встречены сопротивлением оппозиционно настроенных производителей и средств массовой информации. Восприятие наркотизации и осознание ее последствий людьми противоречиво.

Двойственность отношения выражается, с одной стороны, в признании большинством людей негативных последствий употребления психоактивных веществ для физического и нравственного здоровья человека и общества, а, с другой, в сохранении высокого уровня терпимости общества по отношению к практикам употребления табачных изделий и алкоголя не только взрослыми, но даже детьми.

Действительно, общество очень обеспокоено проблемой молодежной наркомании, особенно те, чьи дети еще в процессе социализации. По данным опроса родителей школьников старших классов (Новосибирская область, 2004 г.), подавляющее большинство из них (91 %) считают, что наркомания очень опасна, угрожает обществу, семье, человеку. Только 6 % не разделяют мнение о высокой опасности, обращая внимание на то, что наряду с проблемой молодежной наркомании существуют и более опасные явления (терроризм и др.), 2 % — не имеют определенного мнения, не интересуются этой проблемой и 1 % — считают, что наркомания касается небольшой группы молодежи. Родители обеспокоены тем, что не каждый ребенок сможет противостоять наркоторговцу или сверстнику, распространяющему наркотики. При ответе на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что Ваш ребенок никогда не поддастся соблазну попробовать наркотики?» неуверенными оказались 9 % родителей, не совсем уверенными — 34, абсолютно уверенными — 57 %. Озабоченность вызывает и недостаточно адекватное представление молодежи о вреде наркотиков. На это обращает внимание более половины родителей (57 %).

Вместе с тем широкая распространенность негативного потребления во всех поколениях и слоях общества (табл. 31.1, 31.2) свидетельствует о непризнании декларируемых норм в индивидуальных практиках. И этому непризнанию вреда способствуют пример ближайшего окружения молодых людей и реклама в средствах массовой информации.

Городские и сельские жители приобщены к курению примерно в равной степени (по данным РМЭЗ, в 2004 г. курили в среднем 33 и 30 %

Таблица 31.1

Распространенность курения среди россиян в зависимости от пола и возраста, РМЭЗ, 2004 г., %

Возрастная группа	Доля курящих, %			Число ответивших, чел.
	мужчины	женщины	в среднем	
16—24	53	20	35	1270
25—34	67	27	46	1221
35—44	73	22	46	1244
45—59	64	13	34	1871
60 лет и старше	39	2	14	1864
В среднем	57	14	32	7752

Таблица 31.2

Распространенность потребления взрослыми россиянами табачных изделий и алкогольных напитков в зависимости от сферы занятости, РМЭЗ, 2004 г., %

Сфера занятости	Курящие		Среди некурящих те, кто курил ранее		Употребляли алкоголь в течение последних 30 дней	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Студенты и учащиеся	28	8	16	12	30	30
Инвалиды	56	13	51	12	41	30
Пенсионеры	43	3	57	1	50	24
Находящиеся в отпусках по уходу за детьми	—	14	—	27	—	48
Занятые в домашнем хозяйстве	Н. д.	25	Н. д.	11	Н. д.	42
Неработающие	74	29	29	16	60	43
Работающие	65	19	41	11	68	55
В среднем	57	14	38	8	58	41

соответственно). Однако горожане все же имеют больший опыт курения с учетом прошлого: среди них из 100 некурящих 18 ранее курили, в то время как среди селян — 13 человек. Существенно меньше курят женщины, пенсионеры и учащаяся молодежь, больше других курят неработающие (см. табл. 31.2). Однако особую настороженность вызывает тот факт, что среди женщин каждая четвертая (27 %) имеет опыт курения до рождения детей. Это не только подрывает их здоровье, но и вредно сказывается на потомстве, а также повышает риск повторного приобщения к курению. Также велика роль матери в формировании отношения ребенка к курению.

Многие взрослые не препятствуют включению детей в практики негативного потребления, более того, сами подают им пример. Участники всероссийского опроса ответили, что в основном начали курить до

Таблица 31.3

Распределение россиян по возрасту, в котором они начали курить, РМЭЗ, 2004, %

Возраст, в котором начали курить, лет	Курили в период опроса		Курили раньше, но бросили	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
0—15	38	21	41	24
16—24	54	60	49	57
25—59	5	17	4	13
60 и старше	3	2	6	6

25 лет (более 85 % курильщиков), т. е. в школьные и студенческие годы (табл. 31.3). Для детей естественно копировать поведение родителей.

Распространенность курения и употребления алкоголя среди учащихся несовершеннолетнего возраста

Социологическая трактовка негативного потребления включает курение, употребление алкоголя и наркотиков, т. е. психоактивных веществ. Пристрастие к любому из видов психоактивных веществ входит как частная болезнь в общую широкую проблему наркомании. Специалисты-наркологи подчеркивают, что механизм получения удовольствий от табакокурения, потребления алкоголя и наркотиков един [Никольская, 2003]. Специалисты-социологи обращают внимание в первую очередь на социальные аспекты негативного потребления, так как оно невозможно вне рынка, поставляющего или навязывающего соответствующую продукцию, вне социальной среды, в принципе допускающей ее потребление, а для молодежи невозможно и вне микрогруппы, обучающей такому поведению. «Наркотики, алкоголь, курение воспринимаются подростками как атрибуты взрослой жизни, но в то же время и как бегство от реальности, желание расслабиться, уход в мир грез и иллюзий, удовлетворение любопытства» [Лисовский, 2000. С. 232].

Полученные в нашем исследовании материалы показали, что современное молодое поколение, — причем не самая проблемная его часть, а учащаяся и студенческая молодежь, — буквально заражено такими вредными привычками, как курение и употребление алкоголя. Дадим характеристику учащихся несовершеннолетнего возраста, опираясь на их ответы о своей включенности в негативные виды потребления. Курящих, так же как и собирающихся бросить курить, относительно больше в группе юношей, чем девушек (рис. 31.1).

Больше распространено курение среди проживающих в городской местности, а также среди учащихся профессиональных училищ и вечерних школ. Пробовавших курить и уже бросивших в 2 раза меньше, чем курящих (табл. 31.4). Таким образом, курить или хотя бы пробовать умудряются не менее половины девушек и две трети юношей. Число реальных курильщиков среди юношей достигает половины. Из них доля курящих регулярно, т. е. тех, кого можно смело отнести к разряду заядлых курильщиков (курят несколько раз в день), составила 67 %. Остальные 33 % курят реже — от одного—двух раз в год до одного раза в день, что в принципе может рассматриваться как начальная стадия к выходу на уровень регулярного курения.

Самая «благополучная» картина с курением наблюдается в общеобразовательных школах, где курит каждый третий юноша и каждая пятая девушка. В данном случае слово «благополучная» мы имеем право употреблять только в сравнении с еще худшей ситуацией в вечерних школах, ПУ, ССУЗах. Особенно удручающе выглядит ситуация в вечер-

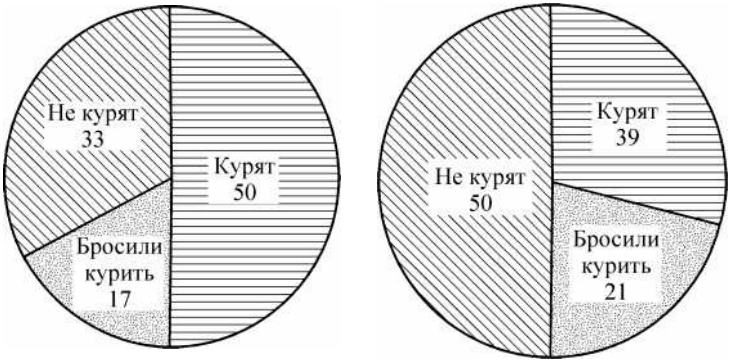

Рис. 31.1. **Вовлеченность юношей и девушек несовершеннолетнего возраста в курение, 2002 г., % к ответившим.**

Источник: **Здесь и далее в главе использованы данные обследований в Новосибирской области.**

них школах и профессиональных училищах, где среди юношей просто трудно встретить некурящих, а среди девушек не курят лишь менее половины (рис. 31.2).

Одной из причин, формирующих у подростка позитивную установку на курение, является наличие в его окружении курящих родственников. На вопрос о курении родственников 58 % учащихся ответили, что в их семье курит отец, 10 — мать, 18 % — другие члены семьи, и только 28 % ответили, что в семье никто не курит. Таким образом, условно

Таблица 31.4

Распределение ответов подростков на вопрос «Ты куришь?», 2002 г., % к ответившим

Респонденты	Курят	Уже бросили	Не курят	Число ответивших, чел.
В зависимости от типа поселения				
Новосибирск	**42,6**	**19,3**	**38,1**	**1345**
Другие города	**42,3**	**19,9**	**37,9**	**1254**
Поселки	**41,8**	**16,3**	**41,9**	**849**
Села	**27,6**	**19,3**	**53,1**	**1094**
В зависимости от типа учебного заведения				
Обычные школы	**26,1**	**21,9**	**51,9**	**2684**
Г имназии	**25,8**	**21,2**	**53,0**	**151**
Вечерние школы	**66,7**	**14,1**	**19,3**	**306**
ПУ	**65,1**	**9,7**	**25,2**	**908**
ССУЗы	**45,6**	**21,3**	**33,1**	**493**
В среднем по массиву	**38,8**	**18,9**	**42,3**	**4445**

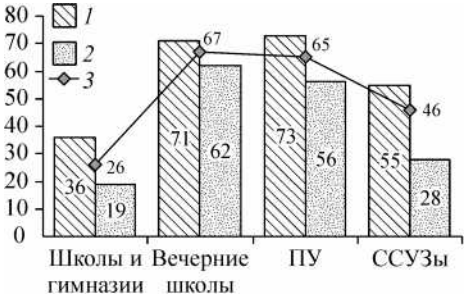

Рис. 31.2. **Доля курящих подростков в зависимости от типа учебного заведения, 2002 г., % к ответившим.**
1 — **юноши,** *2* — **девушки,** *3* — **оба пола.**

«защищены» от формирования установки на табакокурение лишь около четверти всех опрошенных учащихся.

Интересно отметить, что на вопрос о курении матери больше всего положительных ответов дали учащиеся профессиональных училищ и вечерних школ — 14 и 21 % соответственно. Учащиеся дневных школ и ССУЗов реже указывали на курение матери (соответственно 8 и 10 %). На вопрос о курении других членов семьи больше всего положительных ответов также отмечается среди учащихся ПУ и вечерних школ (25 и 28 % соответственно).

Различия между группами подростков по употреблению спиртных напитков менее значительные, чем по курению (табл. 31.5).

Употреблением спиртных напитков одинаково не гнушаются как юноши, так и девушки: в целом 43 % употребляют спиртное, плюс каж-

Таблица 31.5

Распределение ответов подростков на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?», 2002 г., % к ответившим

Респонденты	Употребляют	Уже бросили	Не употребляют	Число ответивших, чел.
В зависимости от пола				
Юноши	**44,1**	**27,2**	**28,7**	**2016**
Девушки	**42,3**	**22,4**	**35,3**	**2363**
В зависимости от типа поселения				
Новосибирск	**52,4**	**21,5**	**26,2**	**1333**
Другие города	**44,8**	**25,4**	**29,7**	**1226**
Поселки	**41,5**	**25,3**	**33,2**	**837**
Села	**30,5**	**26,5**	**43,0**	**1078**
В зависимости от типа учебного заведения				
Обычные школы	**36,2**	**25,1**	**38,7**	**2654**
Гимназии	**54,0**	**14,7**	**31,3**	**150**
Вечерние школы	**48,3**	**24,5**	**27,2**	**298**
ПУ	**54,2**	**24,1**	**21,6**	**892**
ССУЗы	**53,1**	**25,0**	**21,9**	**480**
В среднем по массиву	**43,1**	**24,6**	**32,2**	**4379**

дый четвертый пробовал раньше, но уже бросил. Таким образом, опыт употребления спиртных напитков имеет подавляющее большинство подростков.

Несколько менее подвержены этому пристрастию лишь учащиеся, проживающие в селах. В распределении по типам учебных заведений обращают на себя внимание гимназисты, которые наиболее вовлечены в потребление алкоголя. Выяснилось, что это, скорее всего, дань «культурнопитейной» традиции — употребление в основном вина и шампанского по случаю праздника. Г имназисты значительно меньше, чем в других группах опрошенных, употребляли водку и самогон, но, как и другие подростки, склонны к употреблению пива, которое пропагандируется в СМИ и рекламе как престижный «молодежный» напиток.

Но все же, если рассматривать старшеклассников как единую группу, в дневных общеобразовательных школах в употребление алкоголя втянута несколько меньшая доля учащихся, чем в других учебных заведениях среднего образования. Хотя, в отличие от курения, алкогольная ситуация в школах гораздо менее благополучная и в этом школьники ближе к сверстникам из вечерних школ, ПУ, ССУЗов. Среди учащихся разных учебных заведений употребляющих алкоголь девушек было практически не меньше, чем юношей (рис. 31.3).

Достаточно разнообразны типы спиртных напитков, с которыми уже успели «познакомиться» подростки. Имеют опыт употребления пива 86 % наших респондентов, водки — 49, вина — 69, самогона — 27, других напитков — 20 %. Отсюда следует, что в целом среди подростков лишь 14 % (а среди школьников лишь 17 %) никогда не употребляют пиво. Но если вспомнить, что на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?» 29 % юношей и 35 % девушек ответили отрицательно (см. табл. 31.5), то напрашивается вывод о непризнании пива алкогольным напитком частью молодежи. По всей видимости, около 20 % подростков пиво не считают алкоголем. Такие данные просто удручают.

Молодежь употребляет пиво не только повсеместно (дома и в общественных местах), но и весьма часто. Так, примерно половина подростков, включая школьников, употребляет пиво не реже, чем раз в месяц. Для несовершеннолетних такое периодическое (пусть не частое по взрослым меркам) приобщение к алкогольному напитку можно расценивать как систематическо

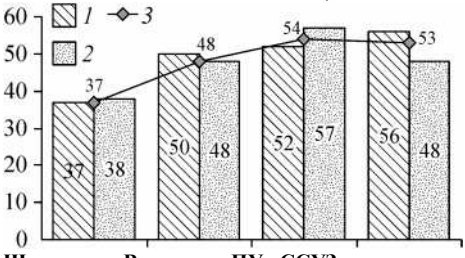

Рис. 31.3. **Доля подростков, употребляющих алкоголь, в зависимости от типа учебного заведения, 2002 г., % ответивших.**
1 **— юноши,** *2* **— девушки,** *3* **— оба пола.**

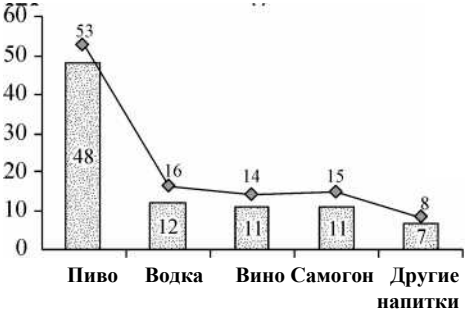

Рис. 31.4. **Распространенность регулярного употребления спиртных напитков среди учащихся, 2002 г., % ответивших.**
1 — школьники 9—11-х классов; *2* — все учащиеся.

частое, а значит, как постоянно действующий на здоровье негативный фактор (рис. 31.4).

Определенная часть подростков еще чаще одурманивает себя этим алкогольным напитком: в целом примерно каждый четвертый опрошенный пьет пиво один—три раза в неделю, а среди учащихся вечерних школ и ПУ таких заядлых любителей соответственно 39 и 35 %. Все-таки пиво — это алкогольный напиток, и такое массовое питейное пристрастие молодого поколения должно вызывать тревогу общественности.

Распространенность употребления наркотиков среди учащихся

В исследовании выявлено, что группа риска по наркопотреблению составляет 12 % среди выборочной совокупности учащихся несовершеннолетнего возраста (в том числе употребляющих — 3 %, пробовавших — 9 %). Среди юношей она составляет 18 %, среди девушек — 8 %. В группу «риска» были включены все, кто в разных вопросах анкеты признался, что он употребляет, пробовал либо желает попробовать наркотики, а также те, кто указал возраст первой пробы наркотиков или вписал название какого-либо «опробованного» им наркотического вещества.

По типам населенных пунктов группа «риска» представлена следующим образом, %: в Новосибирске — 14, в малых городах и поселках области — 15, в селах — 5. Пониженная доля группы «риска» выявлена в селах. Это может быть связано с тем, что в других поселениях у подростков больше доля ничем не занятого свободного времени, а рынок предложения наркотиков налажен.

Доля подростков, относящихся к группе «риска», постепенно увеличивается в каждой последующей возрастной группе. Так, среди 17-летних она в 2 раза выше, чем среди 14-летних (рис. 31.5). Тем самым расширение группы риска с возрастом продолжается и происходит высоким темпом, опасность дебюта остается.

Наиболее высокая доля группы «риска» среди учащихся вечерних школ и профессиональных училищ, ниже — в ССУЗах, и самая благоприятная ситуация — в дневных общеобразовательных школах (9—11-е классы) (рис. 31.6).

Полученные нами данные об употреблении психоактивных веществ подростками соответствуют результатам других исследований. В сравнительном исследовании, проведенном в 1995—1997 гг. [Журавлева, 2002], 34 % подростков в России и 28 % в Финляндии отметили, что никогда не курили (в нашем исследовании эта цифра составила 33 %). В нашей выборке 12 % подростков отметили, что они употребляли наркотики хотя бы один раз, в упоминаемом исследовании И. В. Журавлевой соответствующие цифры составили 12 % в России и 10 % в Финляндии. Употребление алкоголя в исследовании И. В. Журавлевой отрицали 32 % российских и 35 % финских подростков. В нашем исследовании на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?» 31 % респондентов ответили «Нет и не хочу», однако анализ ответов на другие вопросы, связанные с употреблением алкогольных напитков (включая пиво), показал, что лишь 10—15 % подростков действительно не употребляют алкоголь.

Процесс наркотизации наглядно отражают данные рис. 31.7. В раннем возрасте происходит приобщение к курению, затем, становясь чуть постарше, дети проходят «боевое крещение» алкоголем, а чуть позднее, уже приобретя опыт одурманивания своего организма сигаретами и алко-

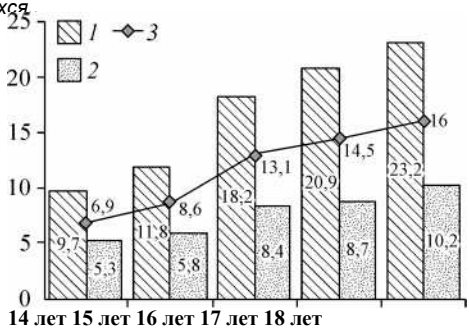

Рис. 31.5. **Доля группы «риска» среди учащихся-подростков разного возраста, 2002 г., % ответивших.**
1 — **юноши**, *2* — **девушки**, *3* — **оба пола.**

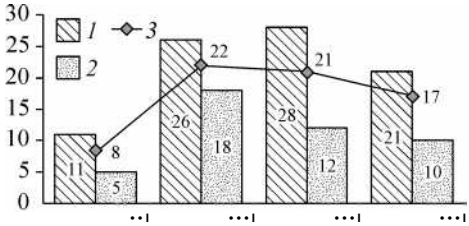

Рис. 31.6. **Доля группы «риска» среди учащихся разных типов учебных заведений, % ответивших.**
1 — **юноши**, *2* — **девушки**, *3* — **оба пола.**

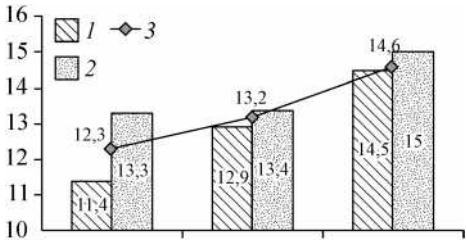

Рис. 31.7. **Средний возраст первой пробы психоактивных веществ учащимися несовершеннолетнего возраста, лет, 2002 г.**
1 — **юноши**, *2* — **девушки**, *3* — **оба пола.**

голем, каждый восьмой подросток продолжает втягиваться в негативное потребление еще дальше — получает первый «кайф» от наркотика.

Наиболее распространенной группой наркотических веществ, на употребление которых указало подавляющее большинство (90 %) представителей группы «риска», являются производные конопли, в четыре раза менее (20 %) распространены опиаты, еще реже встречались признания в употреблении других видов наркотиков. Причем с возрастом у пробующих наркотики расширяется их «спектр». Самые младшие начинают с производных конопли и ненаркотических веществ с одурманиваюшим эффектом, а более старшие переходят к нескольким наркотикам, в том числе опиатам.

Социальный портрет подростков из группы «риска»

Группа «риска» (употребляющие и пробующие наркотики) сосредоточивает в себе наиболее неблагоприятное сочетание потребления всех видов психоактивных веществ. Как по социальным, так и по психологическим характеристикам она статистически значимо отличается от контрольной группы (отвергающих для себя употребление наркотиков). Рассмотрим черты социального портрета молодого человека, зависимого от потребления психоактивных веществ, на фоне остальных подростков — группы «нормы».

В группе «риска» значительно больше, чем в контрольной группе, лиц, имеющих проблемы с учебой, проблемы в отношениях с родителями и учителями, допускающих и практикующих противоправные виды поведения, и в особенности больше тех, кто курит и употребляет спиртные напитки (рис. 31.8). Группа «риска» отличается сильной включенностью в компанию сверстников, причем отличительные особенности таких компаний — бесцельное времяпровождение, совместное распитие спиртных напитков, поиск «приключений, острых ощущений».

Группу «риска» отличает повышенный интерес к деньгам и «легким» способам их получения — как в сознании, так и в поведении (рис. 31.9). Жизненные принципы многих подростков из группы «риска» отличаются цинизмом, иждивенчеством и безразличием к окружающим. Характерное для группы «риска» стремление обладать большими деньгами (нередко, обладать любой ценой) проявляется в поступках, в отношениях с другими людьми, в системе ценностей. Например, жизненные цели, устремления, связанные с достижением особого статуса и с особым образом жизни, в группе «риска» встречаются относительно чаще, чем в группе отвергающих наркотики. Все это может создавать у окружающих проблемы при общении с такими людьми.

Подростки группы «риска» гораздо менее щепетильны в способах добывания денег, когда речь идет об откровенно не одобряемых общественными нормами или законом действиях. Причем гораздо более откровенно такая личностная позиция проявляется у юношей, нежели у

Рис. 31.8. Особенности поведения подростков из группы «риска» (*1*) в сопоставлении с группой «нормы» (*2*), 2002 г., % ответивших.

девушек. Часть представителей группы «риска» реализует эти «жесткие» жизненные принципы на деле. Например, на вопрос об источниках доходов наибольшая доля указавших, что они достают деньги «способами, о которых не хотелось бы говорить», выявилась среди юношей группы «риска» — 31 % (против 9 % юношей, отвергающих наркотики).

Рис. 31.9. Особенности взглядов, убеждений, отношений с окружающим подростков из группы «риска» (*1*) в сопоставлении с группой «нормы» (*2*), 2002 г., % ответивших.

Среди девушек по сравнению с юношами гораздо реже встречаются лица, практикующие неодобряемые способы добывания денег. Но особенности поведения подростков группы «риска» (по сравнению с их сверстниками, не употребляющими наркотики), связанные с проведением времени в компаниях, а также характеризующиеся конфликтностью в отношениях с взрослыми, практически в одинаковой мере присущи и девушкам и юношам.

Естественно, что наиболее значительные различия в поведении тех, кто употребляет или пробует наркотики, и отвергающих этот дурман касаются всего, что связано с наркотиками. Например, если среди учащихся группы «нормы» имели друзей и знакомых, употребляющих наркотики, 22 %, то среди их сверстников из группы «риска» такие знакомства были у 68 % (рис. 31.10). Аналогично, если среди первых доля указавших, что им никогда не предлагали наркотики, составляла 83 %, то среди вторых — только 22 %, а указавших, что им часто предлагают наркотики, соответственно 1 и 19 %.

Примечательно, что эти данные свидетельствуют не только о том, как сильно включены уже «оступившиеся» подростки в наркоотношения, но и о том, что каждый пятый их благополучный сверстник тоже по разным причинам соприкасается с этой опасной сферой. Если принять во внимание, что при этом каждый пятый благополучный подросток вполне терпимо относится к употреблению наркотиков его сверстниками, то можно считать эти 20—22 % социальной базой для расширения наркомании (при неблагоприятных обстоятельствах).

На вопрос «Как Вы считаете, почему некоторые подростки, молодые люди употребляют наркотики?» наиболее часто наши респонденты называли три причины — глупость, любопытство, безделье. С первого по третье место эти причины заняли и в ответах учащихся из группы «риска», т. е. тех, кто более компетентен в данном вопросе (рис. 31.11). Почти такая же иерархия и в ответах учащихся группы «нормы»: только на третье место вместо безделья они поставили желание забыть о личных проблемах.

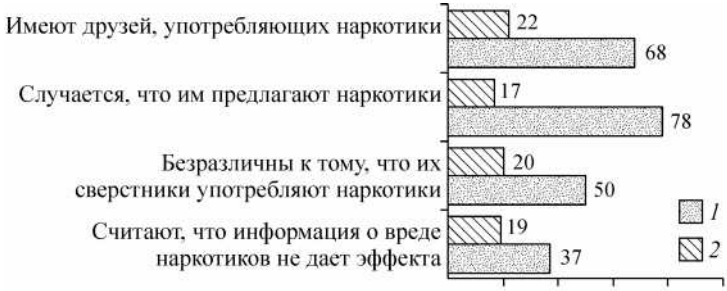

Рис. 30.10. **Мнения подростков группы «риска» *(1)* и группы «нормы» (2) о вреде наркотиков и «наркоотношениях», 2002 г., % ответивших.**

Рис. 30.11. **Мнение подростков «риска» (1) и группы «нормы» (2) о том, почему их сверстники употребляют наркотики, 2002 г., % ответивших.**

В то же время эмпирические данные показывают, что подростки группы «риска» отнюдь не являют собой группу, обделенную возможностями для нормальной социализации и развития. Многие из них посещают или посещали ранее кружки, студии, секции, курсы, имеют увлечения, собственные творческие работы. Большинство из них в той или иной мере участвует в общественной жизни школы, училища. Определенная, хотя и небольшая часть проявляет активность в трудовой сфере, участвует в деятельности молодежных организаций. Большинство имеет нормальные ценностные ориентации в отношении будущей работы, семьи, образования, жизненного обустройства.

Рассмотрим, какие у таких трудных подростков есть социально одобряемые ориентиры, устремления в жизни. Мы задали нашим респондентам вопрос «Каковы твои жизненные цели, устремления, на что направлены твои усилия?». Перечень вариантов ответов, предложенных в анкете, был очень обширен, но все же наиболее массовый выбор среди всех опрошенных пал на следующие: получить хорошее образование (68 %), иметь хороших и верных друзей (46), найти в будущем хорошую работу (45), создать семью (47), материально помогать родителям, родственникам (44), жить в гармонии с любимым человеком (40), стать хорошим специалистом (37), сделать карьеру (36), заработать большие деньги (31), всего добиться своим трудом (32), укреплять здоровье (25 %). В приведенной структуре ответов вырисовывается некий базовый набор ориентиров достойной жизни, как традиционно социально одобряемых, так и ставших одобряемыми в современных условиях.

Не совсем для нас очевидным результатом в отношении группы «риска» (по сравнению с остальными) было либо совпадение, либо превышение доли выбравших такие традиционные ценности как любовь, семья, работа, труд, помощь родственникам, профессиональное мастерство, здоровье. Различия в выборе современных ценностей характеризовали представителей группы «риска» как менее (по сравнению с группой «нормы») ориентированных на хорошее образование (56 против 68 % соответственно) и более ориентированных на зарабатывание больших денег (45 против 30 %), в том числе с помощью открытия своего дела (33 против 21 %), развлечения, приятный отдых (29 против 15 %), путешествия (27 против 23 %), острые ощущения (19 против 7 %). Тем не менее очевидно, что несмотря на особенности группы «риска», будущая жизнь этих подростков вполне может быть направлена в социально одобряемое русло, если внешние условия будут способствовать тому, чтобы эти подростки имели выбор конструктивных стратегий реализации своей жизни.

При обсуждении проблемы наркомании нередко можно слышать мнение о том, что главная причина — незанятость детей после школы, отсутствие кружков, секций. Не будем опровергать это мнение, конечно незанятость — это фактор риска, о чем говорят и сами подростки. Все же попытаемся посмотреть, так ли проста ситуация, можно ли уповать на кружки и секции как панацею от наркомании?

Вначале рассмотрим, насколько вообще подростки удовлетворены тем, как они проводят свое свободное время. Половина опрошенных (51 %) в основном довольна, недовольных крайне мало (3 %), зато значительной части (47 %) досуг зачастую не приносит удовлетворения («не всегда довольны», «бывает по-разному», «так себе, средне»). В группе «риска» удовлетворенность досугом лишь незначительно ниже, чем у их сверстников, не употребляющих наркотики, — в основном довольны соответственно 47 и 51 % и недовольных по 3 %. Что же мешает подросткам проводить свободное время так, как хотелось бы? В целом примерно каждый третий (30 %) ответил, что ему ничего не мешает, а в качестве мешающих обстоятельств наиболее часто ссылались на три — мало свободного времени (29 %), недостаток денег (28), некуда пойти для развлечений, отдыха (26 %). Остальные причины были гораздо менее актуальны — недостаточные условия для внешкольных занятий (секций, кружков) отметили всего 8 %, семейные обстоятельства — 9, отсутствие друзей, с которыми интересно отдыхать, общаться, — 7 %, другие причины указывали еще реже. Особенностью группы «риска» в оценке причин неполноценного проведения досуга было то, что им гораздо чаще, чем остальным, мешало отсутствие денег (44 % против 25 % в группе «нормы») и реже — отсутствие свободного времени (соответственно 21 и 30 %); доля тех, кому не мешали никакие обстоятельства, была примерно одинаковой (28 и 30 % соответственно).

Рассмотрим далее, насколько велики различия между проблемными подростками и их сверстниками, отвергающими наркотики, по участию во внешкольных досуговых занятиях. Данные опроса показали, что спортивные секции являются наиболее распространенными формами организованного досуга, особенно юношей. Логично предположить, что любые организованные занятия во внешкольное время дают хорошую альтернативу тем, кто не знает, чем заняться, и от скуки начинает искать новые ощущения, в частности в наркотиках. Но полученные данные показывают, что не все так очевидно. Хотя по участию в спортивных секциях юноши и девушки группы «риска» отставали от группы «нормы», но их прежний спортивный опыт был более богатый (табл. 31.6). Однако это не стало для проблемных подростков фактором защиты от наркотиков. Похожая ситуация и с другими кружками/курсами, например, компьютерными, автовождения, естественно-научными, иностранных языков, занятий музыкой, изобразительным, театральным искусством, танцами, фольклором. По участию в таких занятиях группа «риска» отставала от группы «нормы» в настоящем, но опережала в прошлом. При этом в целом участие подростков в этих формах уступало по распространенности занятиям в спортивных секциях.

Напрашивается вывод, что само по себе развитие внешкольных форм досуга и дополнительного образования в отрыве от других, в том числе специальных мер по профилактике наркомании, не способно дать должный эффект. С другой стороны, неудовлетворенные потребности

Таблица 31.6

Включенность подростков в занятия в спортивных секциях, в зависимости от отношения к наркотикам, %

Вид включенности в занятия	Группа «риска»	Группа «нормы»	Все опрошенные
Посещающие спортивные секции (на момент опроса)	**23**	**27**	**26**
В том числе			
юноши	**27**	**36**	**35**
девушки	**14**	**18**	**18**
Посещавшие спортивные секции раньше	**45**	**35**	**36**
В том числе			
юноши	**46**	**38**	**39**
девушки	**43**	**34**	**34**
Желающие посещать спортивные секции (из тех, кто не посещал)	**15**	**18**	**17**
В том числе			
юноши	**12**	**14**	**13**
девушки	**19**	**21**	**21**

подростков в развивающих формах досуга создают опасность, что эти потребности будут удовлетворяться не самым лучшим образом.

Поэтому в особенно пристальном внимании нуждается группа «риска», учет ее нереализованных потребностей. Массовый интерес представители этой группы, как юноши, так и девушки, проявили к курсам автовождения (желали обучаться соответственно 51 и 76 %). Достаточно высокой была потребность проблемных подростков в компьютерных курсах (39 % юношей и 54 % девушек группы «риска»), курсах дополнительных профессий (соответственно 29 и 45 %), подготовительных в вуз/ССУЗ (28 и 55 %), по изучению иностранных языков (23 и 32 % соответственно). Для определенной части проблемных подростков, особенно девушек, были желательны занятия в музыкальных студиях (18 % юношей и 28 % девушек группы «риска»).

К другим видам занятий, представляющим интерес для примерно каждого десятого проблемного юноши, относились технические кружки (14 %), факультативы по предметам (11), спортивные секции (12), театральные студии (8 %). Остальные виды занятий были им не столь интересны. Нереализованные потребности девушек группы «риска» (наряду с указанными выше) были связаны с занятиями искусством (музыкой — 28 %, театром — 21, танцами, пением, фольклором — 17, рисованием — 12 %), рукоделием, моделированием одежды (38 %) и спортом (19 %). Каждая десятая из этих девушек хотела бы посещать естественнонаучные кружки, факультативы по предметам, технические кружки.

Как видно, при соответствующих условиях и усилиях у взрослых есть возможность занять полезным делом подростков группы «риска», так как их познавательные интересы достаточно развиты. С другой стороны, отдельную задачу, по-видимому, представляет то, как удержать таких ребят в рамках организованных форм досуга, учитывая их непростые личностные особенности.

В связи с этим следует подробнее остановиться на такой особенности группы «риска», как их более активное участие практически во всех организованных формах досуга в прошлом и, напротив, менее активное — в настоящем и будущем (табл. 31.7).

Возможны, на наш взгляд, три причины такой ситуации:

1) пристрастие к наркотикам всех видов, включая табак и алкоголь, сочетающееся с вовлеченностью в проблемную компанию, снижает их потребность в организованных формах досуга;

2) конфликтность подростков группы «риска» в отношениях с взрослыми, проблемы с успеваемостью в школе создают в сфере внешкольного организованного досуга и образования дополнительную зону ответственности, где почти так же, как в школе, происходит оценивание их персональных успехов и достижений, требуется выполнение заданий преподавателя или тренера, с чем проблемные подростки, вероятно, так же часто не справляются, как и со школьными уроками, что снижает их интерес к данной сфере (возможно, что они чаще «бросают» кружки);

Таблица 31.7

Средние значения показателей участия во внешкольных учреждениях досуга и дополнительного образования, среднее количество кружков

Кружки	Группа «риска»			Группа «нормы»		
	Юноши	Девушки	Оба пола	Юноши	Девушки	Оба пола
В которых занимаются сейчас	0,7	0,5	0,6	0,9	0,7	0,8
В которых занимались раньше	1,3	2,1	1,6	1,1	1,6	1,4
В которых хотели бы заниматься	1,9	3,2	2,4	2,5	3,8	3,2

3) родители проблемных подростков, проявлявшие достаточный интерес к развитию своих детей в младшем и среднем школьном возрасте, по-видимому, рано устранились от участия и помощи в организации внешкольной жизни своих детей, отчасти из-за повышенной конфликтности в отношениях с детьми, из-за личностных особенностей детей, а также из-за слабой успеваемости в школе (по принципу — какие кружки, если в школе двойки?).

В эмпирических данных проведенного обследования мы находим подтверждения (как прямые, так и косвенные) тому, что все три причины имеют место и влияют на поведение подростков группы «риска». Выше уже говорилось о множестве особенностей сознания и поведения подростков этой группы. Обратим внимание, в частности, еще на одну особенность — это недейственность («нечувствительность») в отношении них наказаний в противоположность высокой действенности похвалы. Это позволяет рекомендовать в качестве фактора защиты от наркомании и других видов противоправного поведения привлечение проблемных подростков в такие кружки, клубы, организации, где акцент делается не на персональном успехе, а на результате усилий коллектива, группы.

Отношение родителей старшеклассников к проблеме употребления подростками психоактивных веществ

По данным опроса, проведенного в Новосибирской области, среди родителей старшеклассников только 60 % уверены, что их дети не курят, а родители более трети юношей полагают, что их дети уже имеют опыт табакокурения (рис. 31.12).

Остается широко распространенным и потребление алкоголя. Хотя только 42 % мужчин и 59 % женщин, по их словам, не употребляли алкогольные напитки в течение последнего месяца, часть из них все же пили пиво (соответственно 15 и 6 %, они не рассматривали его как на-

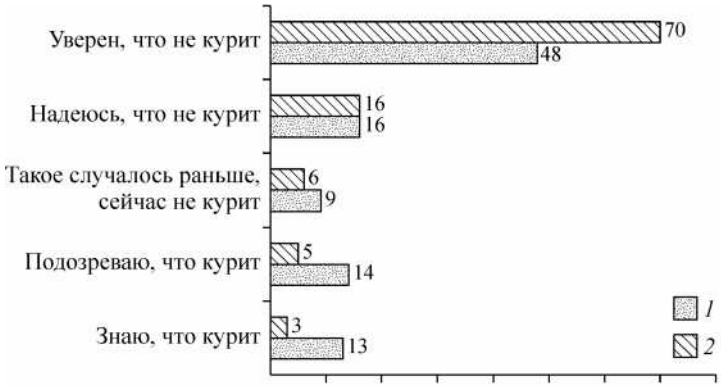

Рис. 31.12. **Мнения родителей старшеклассников о том, курят ли их дети (Новосибирская область, 2004 г., % к числу ответивших).**
1 — **юноши**, *2* — **девушки**.

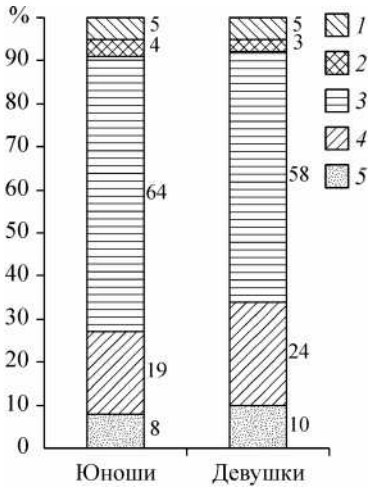

Рис. 31.13. **Мнения родителей о возрасте, с какого ребенок может употреблять легкие алкогольные напитки, включая пиво (Новосибирская область, 2004 г., % к числу ответивших).**
1 — **ни в каком возрасте не нужно;**
2 — **22—30 лет;** *3* — **18—21 год;** *4* — **16—17 лет;** *5* — **6—15 лет.**

питок, содержащий алкоголь). Между городскими и сельскими жителями существенны различия в доле регулярно пьющих: соответственно 53 и 39 % употребляли алкоголь. Кроме того, среди остальных, кто считал себя непьющими, пили пиво соответственно 10 и 8 %. Городские условия можно рассматривать как потенциально более опасные для распространения сильно действующих наркотиков, поскольку городские дети и подростки больше видят «взрослого пьянства».

Чрезвычайно терпимы родители по отношению к употреблению алкогольных напитков несовершеннолетними детьми: каждый третий (30 %) считает это приемлемым для детей до 18 лет, и только 5 % не хотят, чтобы их дети употребляли алкоголь в каком бы то ни было возрасте (рис. 31.13). Соответственно при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к культурному употреблению спиртного среди молодежи?» также почти треть родителей

Таблица 31.8

Причины курения и употребления алкоголя подростками по мнению старшеклассников и родителей, % к числу ответивших*

Причина	По мнению родителей, 2004 г.	По мнению старшеклассников, 2002 г.
Хотят казаться взрослыми	**65**	**56**
Непонимание вреда	*26*	*41*
Можно везде купить	**47**	**38**
Дурной пример взрослых	**40**	**36**
Безразличие родителей	**32**	**32**
Так принято в компаниях	**39**	**30**
Реклама	*49*	*29*
Курят и пьют всем назло	**8**	**16**
Кино, ТВ, книги, журналы	**25**	**13**
Можно взять у кого-нибудь дома	**7**	**8**
Безразличие учителей	**9**	**5**

*** Ранжировка сделана по ответам старшеклассников.**

относилась к этому терпимо (24 % — положительно и 4 % — безразлично, 72 % — отрицательно). Это наводит на мысль, что отрицательная оценка нередко дается только на словах, как дань официальному общественному мнению. Она является элементом двойного стандарта, который фиксируют дети: «Сами курят и пьют, а нам нельзя!».

Социальная обусловленность негативного потребления осознается и родителями, и старшеклассниками. Среди его причин более половины опрошенных называют «желание казаться взрослыми», две трети — «дурной пример взрослых» и «безразличие родителей» (табл. 31.8). В то же время такое осознание не ведет ни к каким конкретным действиям. Действительно, большинство родителей по существу не только ничего не делает, но и не думает, как приостановить процесс наркотизации. Это проявляется, например, в ответах на вопрос «Какие проблемы жизни Вашего ребенка Вас тревожат, волнуют больше всего?». Пристрастие ребенка к курению, алкоголю, возможность приобщения к потреблению наркотиков беспокоят лишь 4—7 % родителей девушек и 8—11 % родителей юношей. Видимо, в основном это те родители, которые уже столкнулись с негативными последствиями, связанными с делинквентным поведением подростков.

Двойственность отношения общества к наркотизации приводит к формированию не только барьеров на пути включения подростков в круги наркоманов, но и факторов, способствующих этому.

Барьеры на пути приобщения подростков к негативному потреблению, создаваемые социальным окружением

По данным опроса старшеклассников, проведенного в Новосибирской области в 2002 г., были выявлены факторы, снижающие риск их приобщения к наркотикам [Гвоздева и др., 2004]. Очерчен круг основных агентов ближайшего окружения, формирующих условия для снижения риска приобщения школьников к наркотикам. Во-первых, многие родители и педагоги стремятся к взаимопониманию и доверительному отношению с подростками. Во-вторых, они формируют высокую мотивацию к общественно-полезной деятельности, направленной на развитие ребенка. В-третьих, совместно с работниками культуры пытаются создать возможности для полезного проведения досуга. Наконец, в-четвертых, ближайшее окружение стремится вооружить подростка знанием о вредном воздействии наркотиков и привить критическое к ним отношение.

Показано, что основной предпосылкой, удерживающей подростков от потребления наркотиков, является высокий уровень критичности к наркоманам. Важно не только то, как социальное окружение и среда воздействует на подростка, но и то, как он сам воспринимает и оценивает свое окружение. Если родителям, педагогам, друзьям удается сформировать у подростков это критичное отношение к наркоманам, вероятность их попадания в группу отвергающих наркотики, а не в группу «риска» повышается в 3,9 раза. При высокой мотивации подростка к общественно-полезной деятельности вероятность положительного исхода повышается в 1,4 раза. Участвуя в спортивных секциях и кружках, укрепляя здоровье, обучаясь работе на компьютере, подросток оказывается более защищенным: увеличивается его шанс остаться в группе отвергающих наркотики.

Регрессионный анализ факторов, снижающих риск наркотизации старшеклассников. Для проверки и повышения обоснованности ранее полученных нами результатов на базе ответов родителей старшеклассников была построена регрессионная модель. Чтобы выявить наиболее существенные факторы, способные служить барьером и снижать вероятность попадания подростка в группу «риска», был проведен логистический регрессионный анализ. В группу «риска» были включены старшеклассники, которые, со слов родителей, уже подверглись наркотизации в одной из форм: а) курящие; б) выпивающие чаще, чем несколько раз в год; в) попробовавшие наркотики.

В качестве зависимой переменной взята дихотомическая переменная, отражающая принадлежность подростка к группе еще не подвергшихся наркотизации. Проверялась вероятность ($P\ \{y = 1\}$) попадания подростка в эту группу. В число независимых переменных были включены следующие (табл. 31.9):

Таблица 31.9

Параметры уравнения логистической регрессии *в модели барьеров* на пути наркотизации подростков: взгляд родителей

Независимая переменная	*B*	exp(B)	Sig.
Уверенность родителей в критичном отношении ребенка к наркопотреблению, x^1	0,5751	1,7774	0,0001
Ребенок живет в полной расширенной семье, x^2	0,1633	1,1774	0,2987
Оба родителя имеют высшее образование, x^3	0,0381	1,0388	0,8620
Высокая мотивация к общественно-полезному труду, x^4	0,5173	1,6775	0,0623
Доверительность отношений в семье, x^5	0,3114	1,3654	0,2587
Семья не наркотизирована, x^6	0,9777	2,6584	0,0019
Посещение спортивных секций, организаций, компьютерных курсов, *x*	-0,3327	0,7170	0,0300
Материально семья обеспечена, x^8	-0,0230	0,9773	0,8963
Константа (Constant)	0,2530		0,3979

Примечание. Здесь и далее *B* — коэффициент регрессии; exp(B) — экспонента коэффициента регрессии; Sig. — наблюдаемая значимость.

x^1 — *абсолютная уверенность родителей в критичном отношении* ребенка к наркопотреблению («никогда не поддастся соблазну попробовать наркотики»);

x^2 — *старшеклассник живет в полной расширенной семье.* Мы исходили из того, что проживание ребенка совместно с обоими родителями, при наличии братьев или сестер или иных родственников (бабушка, дедушка и др.), обеспечивает лучший социальный контроль и создает больше возможностей для общения в семье;

x^3 — *высшее образование у обоих родителей;*

x^4 — наличие у подростка *высокой мотивации к общественно-полезному труду.* Для школьников такую мотивацию отражают достижения в учебе, желание учиться и трудолюбие. Уровень мотивации признается высоким, если школьник хорошо или отлично учится и родитель считает его более трудолюбивым, более стремящимся к учебе, чем его сверстники;

x^5 — *доверительность отношений в семье.* Этот индикатор строился на основе согласия родителей хотя бы с одним из двух утверждений о семье: «В трудные времена мы можем надеяться на поддержку друг друга» и «Мы доверяем друг другу»;

x^6 — *семья не наркотизирована.* Поскольку пьянство в семьях является фактором риска приобщения подростков к наркотикам, мы предположили, что семья, в которой никто не курит и почти не употребляет спиртные напитки, способна выполнять защитные функции, удерживая ребенка от негативного потребления;

x^7 — *посещение подростком спортивных секций или компьютерных курсов и кружков,* а также участие в деятельности молодежных общественных организаций физкультурно-спортивной направленности;

x^8 — *семья материально обеспечена на среднем или высоком уровне.*

Мы стремились включить в модель независимые переменные, аналогичные тем, которые использовались ранее при анализе влияния социального окружения на наркопотребление на основе информации, полученной от школьников [Гвоздева и др., 2004]. Несколько расширили их круг, дополнив теми параметрами, которые характеризуют семью (тип семьи, x^2; уровень образования родителей, x^3; материальное положение семьи, x^8). Предполагалась возможность положительного влияния отмеченных факторов, но это подтвердилось лишь отчасти.

Построение регрессионной модели позволило определить независимые переменные, которые увеличивают вероятность того, что старшеклассники не подвергнутся наркотизации. Существенное влияние на уровне значимости 5 % оказывают такие факторы, как уверенность родителей в критичном отношении подростка к наркопотреблению (x^1) и ненаркотизированность семьи школьника (x^6). Вероятность оказаться среди отвергающих негативное потребление повышается в 1,8 раза под влиянием x^1 и в 2,6 раза под влиянием x^6 (см. табл. 31.9).

Наличие у подростка высокой мотивации к общественно-полезному труду (x^4), зафиксированное родителями, оказалось значимым на уровне 10 %, т. е. при расширении доверительного интервала. Напомним, что прогнозирование с помощью модели факторов защиты подростков от наркопотребления, основанное на ответах школьников, показало влияние высокой мотивации к труду на уровне значимости 5 % [Гвоздева и др., 2004]. Чтобы прояснить роль стремления к труду как фактора защиты, далее исследуем похожую переменную и в модели факторов риска. Мы проверим, окажется ли значимой обратная переменная — «отсутствие такой мотивации» (другими словами, «склонность к лени») — в модели факторов риска наркотизации подростков.

При дополнении модели еще одним признаком, *x — пол подростка — девушка,* он оказался значимым (табл. 31.10). Вероятность неподверженности для наркотизации девушек в 1,7 раза больше, чем для юношей, что отражает меньшую распространенность среди них негативного потребления. Поэтому рассмотренная модель была применена к данным с учетом гендерных особенностей. Переменная «уверенность родителей в критичном отношении подростка к наркопотреблению» оказалась значимой и для юношей, и для девушек (см. табл. 31.10). В этом случае вероятность того, что старшеклассник окажется среди отвергающих курение и алкоголь, повышается в 1,7—1,8 раза. Для юношей вероятность этого события повышается в 4 раза, если родители не курят и почти не употребляют спиртные напитки. Для девушек большее значение имеет тип семьи: если они живут в полной семье с братьями, сестрами или бабушкой (дедушкой), то вероятность не попасть в число наркотизированных повышается в 2 раза.

Тот факт, что высокая мотивация к труду не проявилась в качестве значимой переменной, а значимым оказалось проживание девушек

Таблица 31.10

Параметры уравнения логистической регрессии в *модели барьеров* на пути наркотизации юношей и девушек: взгляд родителей

в

Независимая переменная	Юноши			Девушки		
	B	exp(B)	Sig.	*B*	exp(B)	Sig.
Уверенность родителей в критичном отношении ребенка к наркопотреблению, x^1	0,5816	1,7889	0,0079	0,5450	1,7245	0,0181
Подросток живет в полной расширенной семье, x^2	-0,3484	0,7058	0,1287	0,6745	1,9630	0,0032
Оба родителя имеют высшее образование, x^3	0,2937	1,3414	0,3780	-0,1932	0,8243	0,5254
Высокая мотивация к общественной x^4	0,8179	2,2657	0,1188	0,2344	1,2641	0,4889
Доверительность отношений в семье, x^5	0,2372	1,2676	0,5860	0,4211	1,5236	0,2671
Семья не наркотизирована, x^6	1,3748	3,9541	0,0060	0,6002	1,8224	0,1453
Посещение спортивных секций, компьютерных курсов, x^7	0,1661	1,1807	0,4448	-0,6402	0,5272	0,0102
Материально семья обеспечена, x^8	0,1036	1,1091	0,6805	-0,2885	0,7494	0,2841
Константа (Constant)	-0,0421		0,9277	0,5111		0,2262

полной расширенной семье, объясняется взаимозависимостью этих переменных. В таких семьях доля подростков с высокой мотивацией к труду в 2 раза выше (14 %), чем в остальных (7 %). Однако надо заметить, что среди полных семей меньше полностью исключивших негативное потребление, поэтому переменная x^6 для девушек оказалась незначимой.

Если девушка посещает спортивную секцию или компьютерные курсы (кружок) либо участвует в деятельности молодежных общественных организаций физкультурно-спортивной направленности, то вероятность ее защищенности снижается в 1,9 раза. Мы склонны объяснить выявленную статистическую зависимость предположением, что занимаются спортом и интересуются компьютером девушки, в число личностных качеств которых входит инновативность, желание самой попробовать проявить себя в новых областях и обстоятельствах. Кроме того, эти девушки, возможно, больше общаются с юношами, оказываются в одних с ними компаниях, где курят или выпивают. Важно обратить внимание, что выявленный характер зависимости противоположен полученному на основе ответов старшеклассников. А значит, с одной стороны, требуется дальнейшее изучение, а с другой, стоит сделать вывод, что пока рано рассматривать увлеченность спортом и компьютером как альтернативу негативному потреблению.

Опасности наркотизации подростков, создаваемые социальным окружением

С использованием ответов старшеклассников показано, что по сравнению с контрольной группой в группе потребляющих (или желающих попробовать) наркотики больше лиц, имеющих проблемы с учебой, проблемы в отношениях с родителями и с учителями, больше тех, кто допускает противоправное поведение. Также в группе риска значимо больше юношей, чем девушек (соответственно 57 и 43 %).

Анализ ответов старшеклассников позволил выделить статистически значимые факторы, провоцирующие попадание подростка в группу риска:

доступность наркотиков;

наличие друзей, потребляющих наркотические вещества;

вызывающие тревогу способы и места проведения досуга подростками;

низкая степень критичности к наркопотреблению;

негативное потребление родителей.

Попадание в группу наркотизированных подростков зачастую сопровождается конфликтами с педагогами, следовательно, эти конфликты можно рассматривать как тревожный индикатор делинквентного поведения. Этот вывод также следует из построенной по ответам школьников модели негативного влияния ближайшего окружения, повышающего риск наркомании [Гвоздева и др., 2004]. Полученные результаты мы попытались проверить, используя ответы родителей старшеклассников.

Регрессионный анализ факторов, повышающих риск наркотизации подростков: мнения родителей старшеклассников. В логистической регрессионной модели в качестве зависимой выступала дихотомическая переменная, отражающая принадлежность подростка к группе тех, кто, по мнению родителей, курит, выпивает или употребляет наркотики. Оценивалась вероятность попадания подростка в группу «риска» — $P\{y = 1\}$. В качестве независимых переменных рассматривались следующие:

x^1 — *семья с ограниченным влиянием родителей,* т. е. неполная семья (нет одного или обоих родителей старшеклассника) либо оба родителя имеют образование в объеме средней школы или ниже;

x^2 — *подросток не желает трудиться.* Индикатор построен на основе ответов на два вопроса: либо родителей тревожит его нежелание трудиться, либо школьник учится в основном на «удовлетворительно» и «неудовлетворительно»;

x^3 — *друзья подвержены негативному потреблению,* т. е. среди друзей имеются либо курящие, либо регулярно выпивающие, либо пробовавшие наркотики;

x^4 — *родители позволяют подросткам потребление алкоголя,* т. е. разрешают выпивать, либо позитивно относятся к культурному употреблению спиртных напитков среди молодежи, либо считают, что легкие алкогольные напитки подростку можно выпивать в возрасте до 18 лет;

x^5 — *досуг* и *компания подростка вызывают тревогу,* если компанию школьников объединяет стремление к приключениям, острым ощущениям или уход из-под контроля взрослых, желание весело проводить время, а также если родители не знают, что объединяет ребят;

x^6 — *семья материально обеспечена на низком уровне.* К этой категории отнесены те, кто ответили, что денег хватает только на питание, одежду и обувь и в семье нет автомобиля. В выборке родителей доля таких семей составила 21 %;

x — поступали жалобы на поведение старшеклассника или информация о его проблемах. Здесь учитывались случаи, когда информация поступала не от членов семьи (от учителей, соседей, других родителей, психолога и др.);

x^8 — *злоупотребление алкоголем взрослых в семье;*

x^9 — *принадлежность к мужскому полу.*

Независимые переменные, увеличивающие вероятность попадания подростка в группу наркотизированных, приведены в табл. 31.11.

Как и в модели факторов защиты от наркотизации, в модели факторов риска статистически незначимым оказалось материальное положение: неблагополучными могут стать дети как из бедных, так и из обеспеченных семей. Неполная семья и отсутствие профессионального образования у родителей не повышает для подростков риск пристраститься к негативному потреблению.

Но если друзья подростка подвержены негативному потреблению, риск быть наркотизированным повышается в 6,4 раза. Если родители позволяют подросткам потребление алкоголя, — то в 3,5 раза. Тем самым был подтвержден вывод, основанный на ответах старшеклассников: если среди друзей подростка есть потребляющие наркотические вещества или ему уже предлагали попробовать наркотик, вероятность попасть в группу «риска» резко возрастает.

Подросток также подвергается дополнительному риску (возрастает в 1,8 раза), если его компания вызывает у родителей тревогу из-за сомнительности целей встреч детей. Эта зависимость подтверждает ранее полученный вывод о том, что вероятность наркотизации повышается, если подросток бесцельно проводит свободное время и посещает социально не одобряемые места проведения досуга.

Риск увеличивается и при негативном потреблении родителей. Причем опасность наркотизации возрастает именно для юношей. Вероятность того, что девушка окажется в группе риска, возрастает (в 2,8 раза), если ее поведение не одобряется окружающими, в частности, поступают жалобы от учителей, соседей или психолог информировал о ее проблемах (см. табл. 31.11).

Исследуя факторы защиты от наркотизации, мы отмечали, что одним из них является высокая мотивация к труду, чаще проявляющаяся у

девушек из полных семей. А отмеченное родителями нежелание трудиться, наоборот, — фактором риска для юношей. Поэтому мы считаем, что социальное окружение и, прежде всего, семья должны привить ребенку желание работать и учиться. Хотя это сделать не просто в современном российском обществе, где труд врачей, учителей, рабочих многих отраслей промышленности и сельского хозяйства оплачивается ниже разумного уровня. Подростки также видят, что в современном мире можно не особенно трудиться, а преступным путем нажить себе капитал. Поэтому гражданское общество и государство должны транслировать идеологию и создавать условия, поддерживающие высокие моральные и нравственные ориентиры для современной молодежи.

Таблица 31.11

Параметры уравнений логистической регрессии *в модели факторов риска* наркотизации подростка: взгляд родителей

Независимая переменная	Все школьники			Юноши			Девушки		
	B	exp(B)	Sig.	*B*	exp(B)	Sig.	*B*	exp(B)	Sig.
Семья с ограниченным влиянием родителей, x^1	0,289	1,335	0,120	0,147	1,158	0,585	0,379	1,461	0,149
Подросток не желает трудиться, x	0,339	1,404	0,076	0,534	1,706	0,032	0,014	1,014	0,965
Друзья курят, выпивают или пробовали наркотики, x^3	1,863	6,442	0,000	1,775	5,902	0,000	1,913	6,776	0,000
Родители позволяют подросткам курить [illegible] 4	1,241	3,458	0,000	1,115	3,049	0,000	1,550	4,714	0,000
Компания подростка вызывает тревогу, x^5	0,593	1,810	0,001	0,539	1,714	0,026	0,692	1,998	0,010
Материально семья обеспечена на низком уровне, x^6	-0,168	0,845	0,449	-0,018	0,982	0,955	-0,287	0,750	0,378
Поступали жалобы на поведение [illegible] 7	0,667	1,949	0,000	0,440	1,553	0,067	1,016	2,761	0,000
Злоупотребление алкоголем взрослых в семье, x^8	0,299	1,349	0,258	0,748	2,112	0,044	-0,234	0,791	0,565
Принадлежность подростка к мужскому полу, x^9	0,586	1,796	0,001						
Константа (Constant)	-4,121	-	0,000	-3,370	-	0,000	-4,437	-	0,000

* * *

1. Сравнение видения проблемы глазами взрослых людей и старшеклассников позволило выявить барьеры и риски включения подростков в негативное потребление.

Главными факторами защиты являются критичное отношение подростка к наркопотреблению и отказ родительской семьи от негативного потребления (не курят и почти не пьют), а также высокая мотивация детей к труду, успешнее формируемая в полных семьях. Посещение подростком спортивных секций, организаций физкультурно-спортивной направленности, компьютерных курсов нельзя однозначно рассматривать как препятствие на пути негативного потребления: получены разные результаты по ответам подростков и родителей.

Выявлены основные элементы социального окружения и жизненные ситуации, повышающие риск включения подростка в наркопотребление:

доступность наркотиков и наличие друзей, которые выпивают, курят, знают, где купить наркотики;

злоупотребление алкоголем в семье и позволение родителей курить и выпивать детям;

конфликтный характер взаимодействия с педагогами и другими представителями социального окружения;

вызывающие тревогу компании и способы проведения досуга, в частности, посещение баров, ночных клубов и дискотек.

Наибольшую же опасность представляет приближенность подростков к тем, кто курит, выпивает, потребляет наркотики. Этот результат зафиксирован в двух моделях. По ответам родителей вероятность попасть в группу риска у подростка увеличивается в 6,4 раза, если его друзья уже наркотизированы. По ответам школьников — в 11 раз, если среди друзей есть такие, кто пробовал наркотики, или если ему самому предлагали попробовать.

2. С методической точки зрения мы убедились, что полученная информация у подростков и родителей позволяет выявить важные элементы социального окружения, способные служить барьерами и снижать вероятность попадания подростка в группу «риска», а также факторы, повышающие опасность включиться в наркопотребление. В некоторых отношениях более откровенными и полными оказались ответы школьников (распространенность наркопотребления, курения, способы проведения досуга подростками), по другим вопросам ответы почти полностью совпадали. Например, данные о распространенности негативного потребления родителей показывают, что большинство из них не скрывают существующие проблемы, нет особого желания «приукрасить» себя и своего ребенка.

3. Об обоснованности выводов свидетельствует значительное совпадение результатов регрессионного анализа факторов риска включения

подростка в негативное потребление, проведенного на двух информационных базах. В частности, близкие результаты о гендерных особенностях опасности наркотизации получены с использованием ответов как старшеклассников, так и родителей:

юноши больше подвержены опасности наркотизации — по ответам школьников вероятность повышается в 1,6 раза по сравнению с девушками, по ответам родителей — в 1,8 раза;

обе регрессионные модели показали, что негативное потребление родителей является фактором опасности прежде всего для юношей. В этом случае вероятность их попадания в группу риска повышается в 2,1 раза по ответам родителей и в 1,9 раза — по ответам школьников. И наоборот, если родители не злоупотребляют алкоголем и не курят, это в 4 раза повышает шансы юношей попасть в число отвергающих негативное потребление (по ответам самих родителей). Если же родители позволяют детям выпивать, то вероятность попасть в группу риска увеличивается в 3,5 раза;

хотя на поведение девушек взрослые реже жалуются, но когда такое случается, обе модели зафиксировали резкое увеличение вероятности их попадания в группу наркотизированных. Повышенный уровень конфликтности с педагогами увеличивает и вероятность юноши попасть в группу «риска», но для девушки она выше (опасность возрастает в 2,2 и 3,9 раза соответственно по ответам школьников). Именно те подростки, которые с точки зрения преподавателей являются «проблемными», требуют пристального внимания и помощи со стороны родителей.

4. Построенные модели обладают хорошей прогностической способностью. Модели факторов защиты позволяют правильно предсказать попадание подростка в число не подверженных наркотизации в 94 % случаев (для юношей — 89 %, для девушек — 98 %), а модели факторов риска в 80 % случаев предсказывают попадание подростка в группу риска, если он наркотизирован (для юношей — 86 %, для девушек — 75 %). При разделении совокупности подростков по гендерному признаку значимые факторы по большей части сохраняли устойчивость, также проявлялись особенности взаимодействия с ближайшим окружением, характерные для юношей и девушек.

5. Полученные результаты полезны и с точки зрения воспитания подростков.

Существенным моментом является осведомленность родителей о вредных привычках их детей. Лишь 16 % родителей знали или подозревали, что их ребенок курит, а 60 % — были уверены, что их дети не курят. О бесконтрольном употреблении алкоголя их детьми знали или подозревали 24 % родителей. На самом деле в реальности таких фактов гораздо больше. Среди старшеклассников курят 26 % (36 % юношей и 19 % девушек), употребляют алкоголь 37 % как юношей, так и девушек. Как видно, дети отнюдь не всегда делятся своими секретами о новом «жизненном опыте» с родителями. Осведомленность родителей об упот-

реблении алкоголя их детьми гораздо более приближена к реальности, чем о курении. Видимо, это следствие гораздо более терпимого отношения родителей к употреблению алкогольных напитков как их собственными детьми, так и молодым поколением в целом.

Молодое поколение недостаточно осознает вред употребления психоактивных веществ, очень низка критичность молодежи к негативному потреблению. К сожалению, со стороны большинства сверстников курящего или пьющего подростка нет противодействия его установке на курение и употребление алкоголя. Так, отношение к тому, что подростки курят, выражается практически в полном безразличии к этому явлению большинства опрошенных старшеклассников: 64 % ответили, что это личное дело каждого. Отрицательную оценку высказали только 28 % (несколько больше таких ответов дали селяне — 34 %). В отношении употребления алкоголя большинство опрошенных так же, как и в случае с курением, нейтрально («мне все равно, это личное дело каждого») относятся к тому, что их сверстники употребляют алкоголь (63 %), только каждый четвертый (27 %) осуждал это явление.

Данные опросов показали, что хотя подростки, молодые люди (по их собственной оценке) недостаточно осознают вред курения и употребления алкоголя, взрослые не придают этому должного значения. Так, 59 % родителей были уверены, что современные подростки много знают о вреде курения и алкоголя, меньшинство (36 %) считали, что знания подростков недостаточны, и 2 % указали на полное отсутствие таких знаний.

Учитывая очень высокий уровень терпимости подростков к курению и употреблению алкоголя их сверстниками (и целый ряд других подтверждающих данных), можно оценить уровень знаний подрастающего поколения о вреде употребления психоактивных веществ как невысокий, а сами знания как поверхностные, не получившие закрепления ни в сознании, ни в поведении. Итак, с одной стороны, родители прививают детям двойные стандарты, когда речь идет о курении и употреблении алкоголя, а с другой стороны, слишком переоценивают результаты своей воспитательной работы.

По мнению и взрослых, и старшеклассников, основной причиной употребления алкоголя и курения среди подростков является то, что они хотят казаться взрослыми (соответственно 65 и 56 %). К сожалению, в нашем обществе негативное потребление стало одним из самых доступных способов для молодого человека «доказать» себе и окружающим, что он уже не ребенок. Вот реальный аргумент в пользу того, что в нашем обществе практически не развиты те механизмы социализации, которые бы учили молодого человека социальной и личной ответственности за свои поступки.

Таким образом, пытаясь ответить на вопрос «Можно ли избежать потребления подростками психоактивных веществ?», можно сказать — «и да, и нет». В современном обществе, которое социологи называют

«обществом риска», избежать такого опыта у молодого поколения вряд ли удастся. Но снизить этот риск вполне по силам, и в том случае, когда речь идет о конкретном ребенке в семье, и в случае, когда речь идет о группе подростков, если при этом предпринимаются действия по снижению факторов риска и активизации факторов защиты, учитываются индивидуальные и социальные особенности подростков, учитываются особенности процесса приобщения молодежи к психоактивным веществам. Если в снижении распространенности негативного потребления среди молодежи заинтересовано все общество, то необходимы также меры противодействия на уровне государственной политики.

ГЛАВА 32 Риски детской безнадзорности в условиях трансформации брака и семьи

Вопросы, обсуждаемые в этой главе, — логическое продолжение и развитие современных демографических тенденций в сфере брака и семьи (см. главу 14 «Современные тенденции в сфере брака и семьи»). Результаты анализа брачности, разводимости, рождаемости на макроуровне (демографическом-социетальном) свидетельствуют об устойчивых и необратимых тенденциях этих массовых процессов: низкой брачности, низкой рождаемости, высокой разводимости. Но демографическая статистика регистрирует лишь те события, которые попадают в ее поле зрения, и, соответственно, характеризует их в виде «высоких» или «низких» коэффициентов/показателей. Эти показатели, относящиеся ко всему населению страны, не объясняют того, что происходит «на микроуровне» — в семье, и особенно в семье с примерно тридцатилетними супругами-родителями и 5—10-летними детьми. Так что анализ демографических тенденций на основе только статистики существенно ограничивает возможность понимания и объяснения процессов, происходящих в частной жизни людей — взрослых и детей. Дело осложняется и тем, что теперь многие аспекты реальности «не поддаются» статистической регистрации; стало быть, и возможность их научной рефлексии ограничена.

Социальный смысл демографических тенденций обнаруживается в результатах «понимающих» социологических (микроуровневых) исследований. Он состоит в том, что российская семья, как и европейская,

стала, в основном, устойчиво малодетной, т. е. с одним—двумя детьми; довольно часто супруги сожительствуют без официальной регистрации брака; при этом один или оба из партнеров могут иметь детей от другого брака, и эти дети могут жить с ними, а могут — и в другой семье. Родившиеся в таком союзе дети признаются или не признаются отцом; супруги/брачные партнеры могут развестись/разойтись, невзирая на наличие общих детей; разведенные/разошедшиеся отцы ищут возможности влиять на социализацию своего родного ребенка, чему зачастую решительно препятствуют матери детей/бывшие супруги, а могут и наоборот — оставить ребенка на полное попечение и ответственность отца и т. д. В России по нашим расчетам на основе данных RLMS за 1995— 2001 гг., в 29,8 % семей с детьми в возрасте до 18 лет произошло, по крайней мере, одно изменение «родительского состава», в 9,2 % семей — два и более изменений. Тема этой главы — современное состояние проблемы детской безнадзорности, обусловленной семейным (супружеским и родительским) поведением взрослых.

В результате семейных пертурбаций — взаимоотношений взрослых мужчин и женщин (родительских и супружеских) с их детьми происходит нечто — они капризничают, кричат, болеют, никого не слушаются, плохо учатся, попадают в дорожно-транспортные происшествия, убегают из дома. [Ричардс, 1994]. Проблема детской безнадзорности в наше время стала весьма актуальной: «.вся Россия становится страной пропадающих детей» — с такими и подобными заголовками все чаще появляются сообщения в СМИ [Тарасов, 2007]. Дети «пропадают» в Красноярске, Таганроге, Санкт-Петербурге, Старой Руссе Новгородской области, Горно- Алтайске, пос. Мошково под Новосибирском, Кемерово, Подмосковье, на Камчатке. В связи с этими трагедиями и у журналистов, и у обывателей, и у специалистов — социологов, психологов, педагогов — возникает много острых вопросов, но лейтмотив их один: нужны ли дети нашему обществу? Именно ДЕТИ — живые, здоровые малыши, школьники, подростки, а не цифры — демографические показатели рождаемости. На первый взгляд кажется, что это риторический вопрос. Между тем ответ на него не такой уж и однозначный, поскольку есть и такая статистика: большая распространенность феномена отказа от рожденных детей [Исупова, 2000], растущее число сирот, как кровных, так и социальных — при живых родителях. Статистика жестокого обращения с детьми в семье свидетельствует, что в России от жестокости родителей ежегодно гибнет до 2,5 тыс. детей; в Новосибирске за один месяц 2007 г. выявлено 83 акта жестокого обращения, заведено 24 уголовных дела; известны громкие уголовные дела о жестоком обращении с детьми в детских государственных учреждениях. И, по-видимому, как адекватный ответ — рост и высокие показатели детской и подростковой преступности, зачастую характеризующейся особой жестокостью.

Число убийств и покушений на убийство, совершаемых за год подростками, увеличилось за период 1991—2005 гг. более чем в 3 раза. Та-

ким образом, жестокость, агрессивность подрастающего поколения в России также становится острой социальной проблемой. И это — другая сторона проблем «безнадзорное детство», «социальное сиротство». Растет число юных сторонников национал-шовинистических движений, таких как скинхеды, партии РНЕ. В крупных городах нередки случаи крайнего проявления подростками шовинизма, ксенофобии. Жестокие драки, схватки между подростками на национальной и этнической почве зачастую заканчиваются гибелью пострадавших. По данным МВД РФ, число подростков, доставляемых ежегодно в органы внутренних дел, увеличилось с 1995 по 2005 г. более чем в 2 раза и составило в 2005 г. 1,3 млн. Ими совершается свыше 200 тыс. преступлений в год. Довольно подробно социальные аспекты детской и подростковой преступности изложены в книге Е. Б. Бреевой [2004]. Автор усматривает в проблемном положении детей в России угрозу ее национальной безопасности. В основном, современные проблемы детства анализируются автором как детская беспризорность, детская и подростковая преступность, но в то же время и как проблемы защиты прав ребенка.

Основные понятия и методология исследования

Общая научная проблема, на решение которой было направлено наше исследование, состоит в выявлении детерминант/условий, которые «работают» на рост численности группы риска — социальных сирот, безнадзорных детей, беспризорников. Под «детской безнадзорностью» понимается отсутствие заботы и попечения в течение дня. Социальное сиротство — понятие, по-разному определяемое в официальных, научных, популярных источниках. Во-первых, это понятие применяется к детям, оставшимся без попечения родителей, лишенных родительских прав; к детям, отобранным у родителей без лишения родительских прав, т. е. в тех случаях, когда детей называют «сиротами при живых родителях» [Гришина, 2006; Гурко, 2006]. Во-вторых, термин «социальное сиротство» довольно часто встречается в педагогических учебно-методических материалах и относится к тем ученикам общеобразовательных школ, которые находятся в «трудной жизненной ситуации». В основном, это и есть дети группы риска, дети из «проблемных семей, т. е. те, за кем отсутствует забота в течение дня [Условия..., 2006. С. 7]. Детская безнадзорность — это шаг в направлении беспризорности. В данном исследовании «социальное сиротство» используется именно в смысле детского одиночества при живых родителях, стало быть, практически как синоним «безнадзорности». Такая близость этих определений в нашем исследовании обоснована тем, что нами изучаются условия/риски распространения феномена безнадзорности и одиночества домашних (семейных) детей, т. е. как бы «пред-сиротство», «пред-беспризорность», в отличие, например, от исследовательского проекта

под руководством Т. Гурко, где изучалось жизнеустройство детей, уже имеющих статус лишенных родительского попечения.

Выделение такого понятия как риск в нашем проекте представляется весьма важным, поскольку акцентирует внимание на современной ситуации «социального сиротства» и «безнадзорности» как опасности, угрозы, неопределенности. Риск в смысле вероятности положительных и отрицательных шансов появляется тогда, когда есть выбор, но и сам этот выбор есть рискованное действие [Гидденс, 1994]. В нашем же случае речь идет о рисках, связанных с безнадзорным положением школьника начальных классов. Эти риски возникают в результате неумения ребенка реагировать на события в окружающем мире, на то, что непривычно и неизвестно для ребенка 6—10 лет. В этом возрасте сам школьник еще не готов к тому, чтобы сделать позитивный выбор, в условиях, которые для его жизни создают взрослые.

Конкретная задача нашего исследовательского проекта — изучение вероятности/риска детской безнадзорности в зависимости от семейных и внесемейных условий (факторов). В качестве важнейших семейных условий/факторов этого феномена мы принимаем, вслед за Р. Бароном и Д. Ричардсон [Baron, Richardson, 1994], семейное окружение и его изменения на протяжении детства: в полной или монородительской семье живет ребенок, с родными родителями или один из родителей неродной, часто ли меняется партнер родителя. В процессе трансформации условий жизни российского общества изменяются многие аспекты частной жизни людей: представления, оценки, ориентации в сфере родительства, супружества, интимности. В целом, семья как социальный институт претерпевает существенные изменения. Внешними признаками таких изменений, фиксируемыми статистикой, во всех современных обществах являются: разводы, внебрачные рождения, повторные семьи. Напомним, что в России частота разводов одна из самых высоких в мире, при этом на каждые 10 распавшихся семей с детьми в 2005 г. приходилось 15 несовершеннолетних детей. Разводу обычно предшествует период нестабильной жизни, который в самом общем виде можно охарактеризовать тем, что происходят заметные ребенку изменения во взаимоотношениях родителей. В семье могут учащаться ссоры, сопровождающиеся открытой агрессивностью и даже насилием.

Уровень внебрачных рождений в России также весьма высок и имеет явную тенденцию к росту: за период с 1990 по 2005 г. он вырос с 14,6 до 30,2 % среди всех рождений. Часто заключаются и повторные браки (28 % среди всех браков); стало быть, нередки случаи, когда дети живут в семье с неродными родителями, чаще — с отчимом, чем с мачехой. Кроме того, занятость женщин вне семьи в России была и остается самой высокой в мире на протяжении жизни трех—четырех поколений. Даже в период кризисных 1990-х гг. доля работающих среди женщин была сопоставима с этим показателем для мужчин. Социологи выявили множество социальных последствий этого феномена, но наиболее фун-

даментальным из них является ломка гендерных стереотипов, родительских ролей. Непосредственное отношение к проблеме безнадзорности детей имеют следующие конкретные последствия длительной практически всеобщей женской занятости в России:

рост экономической независимости женщин сопровождается распространением модели женского доминирования в семейной, репродуктивной, воспитательной сферах;

происходит накапливание (обострение) фрустрации у мужчин и у женщин из-за конкуренции как на рынке труда, так и в семейной сфере, в результате чего возникает склонность к неадекватным (агрессивным) реакциям взрослых, чаще проявляющимся в частной жизни, на внутрисемейном уровне;

в России практически утрачена культура разрешения конфликтов в частной сфере «мирным путем»: эмансипированные женщины перенесли стиль отношений в публичной сфере в сферу семьи. Достижение желаемого с помощью агрессивных проявлений в нуклеарной семье происходит практически на всех уровнях внутрисемейных интеракций: между супругами (в присутствии детей), между родителями и детьми, между детьми;

проблема «один дома» — ситуация, в результате которой школьники младших классов (6—10 лет) значительную часть времени остаются без присмотра родителей. Будучи предоставленные сами себе, эти дети проводят время за видеоиграми в «войну, захваты, нападения», смотрят ТВ, где даже в детских фильмах и мультфильмах изобилуют сцены насилия и жестокости.

Конкретные проявления этих изменений, очевидно, сказываются на росте агрессивности детей и подростков.

Для понимания современных процессов, происходящих в семье, механизмов трансформации отношений родители-дети воспользуемся теорией исторических типов моногамной семьи [Голод, 1998]. Теоретическая гипотеза нашего проекта состоит в том, что современные семейные отношения все чаще можно отнести к «супружескому» типу (по критерию «зависимость—автономность»). О том, что «общество перестает быть “детоцентристским”, каким оно стало только с XVIII века», сказал Ф. Арьес — историк-исследователь детства. «Это значит, что ребенок. утрачивает свою запоздалую и, может быть, чрезмерную монополию и занимает менее привилегированное место» (цит. по [Кон, 2003. С. 297]). Закат детоцентризма обнаруживают исследователи и в других странах.

О «затмении семьи» во Франции и перекладывании воспитания детей на систему образования пишет и Франсуа де Сенгли (по [Шматкевич, 2005]). Американские исследователи родительско-детских отношений также замечают, что на рубеже третьего тысячелетия снижается удельный вес семейного ухода и воспитания детей, тогда как роль внесемейных факторов возрастает (см. [Кон, 2003]). В нашей работе предпринята попытка проследить, происходят ли аналогичные

трансформации в России.

Выбор в качестве субъекта изучения семьи (родителей) школьников начальных классов (детей в возрасте 6—10 лет) обусловлен следующими причинами:

проблемная модальность этой возрастной группы детей. По данным демографической статистики, в России средняя продолжительность распадающихся браков равна 5,8 лет. Стало быть, в основном, группа риска, переживающая конфликты, брань, ссоры, уходы родителей чаще других, состоит именно из детей этого возраста;

психологические особенности этой возрастной группы. По данным исследований Дж. Валлерштейн и Дж. Келли [1989], в этом возрасте отчетливо проявляются ослабление психологической привязанности к матери и нарастание потребности в общении с отцом, с другими родственниками (и со стороны отца тоже). Из-за невозможности реализации этой потребности (в ситуации развода или появления отчима) у ребенка могут появляться отклонения в поведении, враждебность, склонность к разрушительности, девиации;

эффективность профилактических программ. Анализ мер профилактики подростковой преступности показал, что эффективный долгосрочный результат дает только работа именно с дошкольниками и младшими школьниками [Tremblay, Craig, 1995]. В этом возрасте проявления непослушания, девиантности, агрессивности еще не квалифицируются как правонарушения и заметны лишь узкому кругу близких людей. В то же время программы, адресованные подросткам, оказались уже малоэффективны;

отсутствие специальных исследований в России. Социологические и социально-психологические исследования проблем безнадзорности в России в основном нацелены на изучение семейных и личностных факторов проблемного поведения *подростков,* т. е. людей более старшего возраста. В них изучаются такие аспекты, как негативное потребление (наркотики, алкоголь), сексуальность, беременность. Конечно, это весьма актуальные исследования. Однако, в силу совокупности приведенных выше причин выявление социально-культурных и внутрисемейных детерминант социального сиротства младших школьников не менее актуально и своевременно.

Еще одним важным аспектом исследования является ситуация повторной для ребенка семьи. Ситуации в семье могут меняться, причем несколько раз: после разделения родители могут помириться, после развода вновь пожениться, образовать новую супружескую пару или начать сожительство с новым партнером. Все это сказывается на ребенке, на его взаимоотношениях с родителем (отцом), живущим отдельно, со сводными братьями и сестрами, с отчимом или мачехой. Как правило, многократные «схождения и расхождения» в семье, которые переживает ребенок, еще более усугубляют воздействия, мешающие нормальному воспитанию ребенка. Следствием таких процессов может быть снижение школьной успеваемости, ухудшение отношений со сверстниками и

преподавателями, вовлечение в негативную социальную среду, ухудшение здоровья и т. д. Поэтому в данном исследовании акцент сделан на семьях с нестабильным родительским составом как характеризующихся повышенным риском возникновения отклонений в поведении ребенка (детей). В отношении таких повторных семей «с меняющимся родительским составом» в исследовании ставится задача изучения характера взаимодействия родителей после развода, особенностей осуществления материнской и отцовской ролей в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств — факторов, способствующих или препятствующих «сотрудничеству» разведенных родителей в деле опеки, содержания и воспитания детей.

Информационная база исследования

Обследование было проведено в четырех сибирских городах: Новосибирске, Г орно-Алтайске, Тюмени и Ханты-Мансийске. Выбор их обусловлен следующим. Они являются крупными областными центрами, но представляют собой принципиально разные типы российских мегаполисов. Большинство характеристик социально-экономического развития, условий жизни населения, демографические показатели (рождаемости и продолжительности жизни, состава семей) в этих городах существенно различаются (табл. 32.1).

Обращают на себя внимание высокая внебрачная рождаемость в Республике Алтай и, соответственно, большее число детей в составе неполных семей там; хотя самих неполных семей относительно больше в Новосибирской области.

На первом этапе в разведывательных целях были проведены три фокус-групповых интервью со специалистами управлений образования в Новосибирске, Горно-Алтайске и Ханты-Мансийске. В них приняли участие соответственно 11, пять и шесть специалистов — психологов, социальных педагогов, сотрудников отделов опеки и попечительства, отдела по делам несовершеннолетних и защите их прав — тех, кто в своей профессиональной деятельности имеют дело с проблемами детской безнадзорности, общаются по этому поводу с родителями и детьми.

На втором этапе был проведен анкетный опрос родителей (отцов и матерей) школьников 1—4-х классов. Всего было опрошено 1533 человека, из которых мужчины-отцы и отчимы составляют 41 %. Следующий этап — «экспертные» интервью с учителями *(N* = 14) на предмет особенностей поведения тех детей, чьи семьи характеризуются нестабильностью родительского состава. На следующем этапе проведены интервью с родителями «проблемных» детей. На завершающем этапе обследования были проведено несколько интервью с экспертами специальных учреждений и организаций, деятельность которых состоит в профилактике социального сиротства.

Таблица 32.1

Некоторые демографические характеристики в изучаемых регионах, все население

Регион	Доля внебрачных рождений, 2006 г., %	Число родившихся на 1000 населении, 2006 г.	Число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет, 2006 г.	На 100 мужчин в возрасте 16—49 лет приходится женщин в этом возрасте, 2002 г. (перепись)	Доля неполных семей с детьми до 18 лет среди всех д/хозяйств с детьми, 2002 г. (перепись), %	Среднее число детей до 18 лет на 100 неполных семей с детьми, 2002 г. (перепись)
Российская Федерация	**29,2**	**10,4**	**37,7**	**102**	**23,2**	**131**
Сибирский федеральный округ	**36,3**	**11,6**	**40,8**	**104**	**22,5**	**133**
Новосибирская область	**36,3**	**10,6**	**37,8**	**104**	**21,8**	**128**
Республика Алтай	**34,1**	**17,2**	**57,9**	**105**	**19,5**	**152**
Тюменская область	**27,6**	**13,2**	**43,2**	**101**	**20,4**	**129**
Ханты-Мансийкский автономный округ	**25,2**	**13,7**	**43,7**	**98**	**19,0**	**131**

Источники: **Демографический ежегодник России. 2007. М.: ФСГС, 2007. С. 64, 68, 69, 127, 141, 142, 160, 164, 165; Возрастной, половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения. 2002. Т. 2. С. 15, 206—210, 218—221, 252.; Число и состав семей. Т. 6. С. 32, 33, 148—150, 154—157, 177. Официальное издание. М.: НИЦ «Статистика России», 2004.**

Семейные детерминанты проблемного поведения детей: оценки специалистов

Метод фокус-группы был выбран в связи с тем, что он позволяет в процессе групповой дискуссии постепенно уточнить позиции участников — школьных психологов, социальных педагогов и специалистов районных управлений образования. Результаты анализа проведенных фокус-групп позволяют говорить о том, что проблемное поведение детей, обусловленное семейными обстоятельствами, является весьма актуальной темой в практической деятельности учителей, школьных специалистов.

На основе представлений экспертов — участников фокус-группы можно выделить следующие характеристики проблемного поведения детей младшего школьного возраста: высокий уровень агрессивности, конфликтность, зависимость, непослушание, несамостоятельность. Представления специалистов по данному вопросу отличаются дискуссионностью, зависят от профиля их деятельности, акцента, на

котором данный специалист заостряет внимание в своей работе. Мы выделили несколько групп детерминант, определяющих поведение детей, которое считается проблемным. В общем виде эти детерминанты связаны:

с типом семьи (неполная семья, семья с детьми, которые воспитываются не родителями, повторно-брачная семья, семья с нестабильным родительским составом);

с этапом в жизненном цикле семьи (семья, находящаяся в стадии развода, в послеразводной стадии, в процессе формирования повторной семьи и т. д.);

с типом взаимоотношений в семье (конфликтные, безразличные отношения и др.);

с участием/неучастием родителей в жизни и воспитании детей; с девиантным/преступным поведением родителей (семьи алкоголиков, другие отклонения);

с переопределением гендерных ролей (прежде всего женских, материнских);

с социально-психологическими особенностями в семье (эмоциональность, чувственность, привязанности, родительская любовь к детям);

экзогенные факторы, (не связанные непосредственно с семьей — реформа образования, проблемы в семейном законодательстве, несоответствие ценностей, ориентиров воспитания детей в школе и в семье).

Отметим, что названные здесь группы детерминант, по-видимому, не являются исчерпывающими; они представляют собой лишь наиболее часто упоминаемые школьными специалистами факторы, значительные по своим последствиям в отношении проблемного поведения младших школьников. Таким образом, источником значительной доли рисков детской безнадзорности и социального сиротства можно считать родительскую семью.

Риски безнадзорности: детерминанты микроуровня

Анализ полученных данных характеризует состояние современных молодых семей с ребенком 6—10 лет следующим образом: в основном это семьи из четырех человек — родители и двое детей (41 %), 32 % составляют полные семьи с одним ребенком, но 4,6 % — это неполные семьи; из них «мать и ребенок» — 92 %, «отец и ребенок» — 8 % (табл. 32.2).

Заметим, что 32,4 % семей — это уже повторные семьи, у 17 % детей в этих семьях — уже не отцы, а отчимы-партнеры матери. В то же время от 11 до 20 % респондентов-мужчин отметили, что у них есть несовершеннолетние дети, живущие отдельно от них (табл. 32.3).

Возможно, в разных житейских ситуациях это проявляется по-разному по отношению к проблеме безнадзорности, самостоятельности, автономности детей. При анализе многих аспектов жизни детей в полной, неполной семье, семье с отчимом: условия жизни, присмотр за ре-

Таблица 32.2

Характеристики семей опрошенных, Сибирь, 2006—2007 гг., N = 1533, % от числа опрошенных

Город	Размер семьи, чел.				Число детей		
	2	3	4	5 и более	1	2	3 и более
Новосибирск	4,0	36,7	39,6	19,0	53,8	41,0	5,2
Г орно-Алтайск	4,7	24,0	40,5	30,8	28,0	46,3	25,7
Тюмень	6,0	31,7	39,3	23,0	47,7	41,4	10,9
Ханты-Мансийск	4,3	30,6	47,8	17,3	38,8	53,1	8,1
Итого	4,6	32,3	40,9	22,2	45,0	43,8	11,2

Таблица 32.3

Характеристики структуры семей респондентов, Сибирь, 2006—2007 гг., N = 1533, % от числа опрошенных

Город	Семьи состоят из				Семьи			Доля респондентов-мужчин, у которых есть дети до 18 лет, живущие отдельно
	супругов с детьми	сожителей с детьми	одного родителя с детьми	другие по составу семьи	е ын р 8 в оп	е ын & и елк ун	о ми то с	
Новосибирск	77,5	9,8	13,2	0,3	32,2	73,4	16,1	11,2
Горно-Алтайск	68,6	11,1	20,3	0	32,8	77,4	11,8	13,2
Тюмень	72,2	14,5	12,7	0,6	32,6	71,8	21,1	11,2
Ханты-Мансийск	83,3	6,7	8,6	1,4	32,2	83,5	21,5	20,0
Итого	75,4	10,7	13,4	0,5	32,4	75,2	17,1	12,5

бенком во внешкольное время, занятость родителей и пр. — не обнаружено заметной дифференциации. Но материалы интервью позволяют предположить, что родители в неполных семьях (92 % женщины и 8 % мужчины) считают, что они смогут наладить свою личную жизнь, т. е. образовать полную семью.

«Ну, Маргарита., все равно, она привыкнет, если я замуж выйду за другого, тем более за хорошего человека. Она же все равно вырастет, закончит, уедет, а я буду одна сидеть. »

(мама Маргариты, 1 кл., Горно-Алтайск)

«Общаемся с ребенком как лучшие друзья, у нас очень доверительные отношения — я участвую в его жизни, он участвует в моей. Написал даже список характеристик, которым должен соответствовать будущий отчим. Привык, что я уделяю ему все свое время, поэтому относится ко мне как “ревнивый муж”»

(мама Артема, 3 кл., Новосибирск)

Но распространение феномена повторных семей с одним неродным родителем у детей уже в столь раннем возрасте (6—10 лет), а также монородительских послеразводных семей, по-видимому, можно считать косвенным индикатором тенденции утверждения приоритета «супружеской семьи» и «заката детоцентризма».

Что касается мнения респондентов о родительском взаимодействии после развода, то положительно и скорее положительно к этому отнеслись бы 45 % мужчин и 46 % женщин; кроме того, согласны и скорее согласны с тем, что после развода отцы должны иметь право воспитывать своих детей 93 % мужчин и 90 % женщин. Таким образом в общественном сознании (молодых родителей) уже присутствует понимание настоятельности мер «сглаживания» негативных последствий разводов, как для детей, так и для бывших супругов [Ричардс, 1994; Михеева, 2003]. Но возможно, что постепенное сглаживание дифференциации в гендерных стереотипах родительства связано с повышением ценности индивидуальной феминной/маскулинной идентичности, в которой важнейшей компонентой является материнство/отцовство.

Риски безнадзорности: детерминанты макроуровня

С позиций макроуровня можно было бы предположить, что главным фактором безнадзорности и отсутствия ответственности за детей в России является бедность молодых семей или бедность городских бюджетов. Многие исследователи проблем семьи обычно и объясняют их «борьбой за выживание» в кризисном российском обществе, изменением семейной морали, разрушением нравственных ценностей, родительской безответственностью. Анализ наших данных не показал наличия значимой связи между материальным статусом и безнадзорностью ни на уровне семьи, ни на макроуровне (четырех городов). Хотя средние индивидуальные доходы респондентов существенно различаются: 13,6 тыс. руб. в Горно-Алтайске, 24—25 тыс. в Новосибирске и Тюмени, 40 тыс. руб. в Ханты-Мансийске, в последнем только 38 % респондентов ответили положительно на вопрос о том, присматривает ли кто-либо за их ребенком во внешкольное время. В Тюмени эта доля равна 61 %, а в Новосибирске и Г орно-Алтайске — 65 %. Возможно, проблемы, обусловленные бедностью, безработицей, были наиболее остры в критические периоды нашей истории, последний раз — 10—15 лет назад. Для некоторых семей проблемы остаются и сейчас. Но ведь социальная ситуация в обществе меняется, экономическое положение стабилизируется. В ответ на обострившиеся проблемы беспризорности так называемой третьей волны принят федеральный закон «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.), создаются Центры профилактики социального сиротства, организуются школы-«социальные гостиные», школы полного дня, разрабатываются программы работы с детьми, оказавшимися в трудных жизненных си-

туациях. То есть восстанавливается роль внесемейных агентов социализации, которые были разрушены в самые социально-трудные времена (1990—1995 гг.). Более того, общество все яснее начинает помимать, что проблема «семья и дети» может и должна решаться не только женщинами-матерями, но и мужчинами-отцами. В рамках этого направления были проведены окружные конференции «Роль отца в семье и обществе» в Ханты-Мансийске, Нефтеюганске (2005 г.), в Новосибирске (2008 г.); в Барнауле с 2001 г. работает Кризисный центр для мужчин — одиноких отцов.

Основной акцент нашего исследовательского проекта был сделан все-таки на трансформационные процессы в семье, и эти процессы оказались доминирующими в ситуации риска распространения детской безнадзорности в России. По-видимому, для российской семьи наступает «закат детоцентризма». Но также наступает и «расцвет взрослости», что, в свою очередь, означает не конкуренцию с «детством» (за ресурсы, например), а ответственность взрослого общества, развитие публичных институтов социализации.

ГЛАВА 33 Новый курс социальной политики как ответ на вызовы времени

Ключевые проблемы социального развития

Конец XX—начало XXI вв. ознаменовались резким изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека, качество его жизни. В настоящее время человеческий потенциал признается главной составляющей национального богатства и основной движущей силой экономического роста [Россия., 1999]. Переход на инновационный путь развития, сложность демографической и социально-экономической ситуации принципиально по-новому ставят вопрос о выборе приоритетов социальной политики на ближайшую и среднесрочную перспективу и требуют смены политики выживания политикой развития.

Отвечая на вызовы времени, социальная политика должна ориентироваться не на отдельные тактические, а на стратегические общенациональные цели, достижение которых определяет будущее страны: преодоление тенденций снижения человеческого потенциала, а значит, и жизнеспособности общества, содействие сбалансированному развитию всех его компонентов [Заславская, 2005].

Исходя из этого, *целью социальной политики в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса на основе качественного прорыва в повышении уровня жизни и здоровья населения, как страны в целом, так и по отдельным субъектам Федерации.*

Анализ развития человеческого потенциала в современной России, изложенный выше, высветил ключевые проблемы социального развития страны:

Уровень развития *человеческого потенциала* в России *не соответствует* задачам перехода экономики на инновационный путь развития. Если в 80-х годах прошлого столетия Россия входила в тридцатку стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП), то в 2002 г. она отдвинулась на 57-е место. В 2003—2004 гг. наблюдался стабильный рост ИРЧП во всех федеральных округах Российской Федерации. Однако Россия по этому показателю попрежнему отстает от промышленно развитых стран.

Естественная убыль и абсолютное сокращение численности населения страны в результате ухудшения здоровья, повышения смертности и уменьшения рождаемости при резком снижении качества воспроизводства населения. В 1990-х гг. численность россиян сокращалась ежегодно на 700 тыс. человек, а в 2000—2005 гг. — примерно на 900 тыс. человек. Каждый второй мужчина в России не доживает до 60 лет.

Сокращение численности детей и подростков в составе населения, приводящее к возникновению проблем формирования трудовых ресурсов, комплектования вооруженных сил, правоохранительных органов и иных силовых структур, что представляет угрозу оборонному потенциалу страны и национальной безопасности.

Трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и детей. Растут число и доля однодетных и бездетных семей, число неполных семей в результате разводов, овдовения и внебрачных рождений, увеличивается доля детей, рожденных матерями, не состоящими в браке, постепенно сокращается не только фактическое, но и желаемое число детей.

Неэквивалентный миграционный обмен населения, в том числе рабочей силы, характерный как для страны в целом, так и отдельных регионов. За период с 1990 по 2006 г. произошло значительное снижение миграционной активности россиян при доминировании внутрирегиональных перемещений и сокращении сельско-городского перераспределения населения, что в сочетании с существенной дифферен-

циацией уровня рождаемости в регионах России усугубило диспропорции в населенности регионов. При этом наблюдался неэквивалентный миграционный обмен, снижающий качественные характеристики трудоспособного населения восточных регионов России. По данным государственной статистики, суммарные чистые миграционные потери (отрицательное сальдо миграции) Сибирского федерального округа за 2003 г. составили 41614 человек. Две трети этих потерь связаны с выездом сибиряков в другие регионы России и одна треть — с выездом в другие страны. При этом 29293 чел. составляли лица трудоспособного возраста и 8090 чел. — моложе трудоспособного возраста. Чистые потери населения в возрасте 14 лет и старше составили в этот период 34855 чел. Среди них: 7943 чел. имели высшее профессиональное образование, в их числе семь докторов и 21 кандидат наук; неполное высшее образование — 1171 чел.; среднее специальное образование — 8813 чел. и полное среднее образование — 11410 чел. [Численность., 2004. С. 80, 128]. Таким образом, в результате миграционного оттока происходит заметное ухудшение качественных характеристик населения СФО по возрасту и уровню образования.

Сокращение научного потенциала страны. Согласно подсчетам Российского фонда фундаментальных исследований, только за первую половину 1990-х гг. из России выехало около 80 тысяч ученых, прямые потери бюджета составили 60 млрд долларов. По оценкам специалистов, потери страны от «утечки мозгов» и оттока ноу-хау уже превысили 1 трлн долларов [Шалманов, 2003].

Деформация социально-экономической структуры общества в результате проведенной приватизации и перераспределения собственности, характеризующаяся резким увеличением доли бедных слоев населения (в 1990-х гг. — не менее 45—47 % общей численности), неразвитым средним слоем и мизерной частью богатых слоев, на долю которых приходится львиная доля доходов населения. По расчетам И. Б. Колмакова, в России в 2006 г. 64,9 % населения имели доходы ниже среднего уровня и владели в целом 35,3 % дохода, в то время как 35,1 %, имеющие доход выше среднего, владели 64,7 % дохода [Колмаков, 2007. С. 29].

Основным механизмом воспроизводства бедности является низкий уровень заработной платы как основного источника доходов работающего населения и базы для начисления трудовых пенсий. В период глубокого экономического спада в середине 1990-х гг. (1996 г.) почасовая производительность труда в России была ниже уровня США в 3,8 раза, а почасовая оплата труда отставала в этот период в 4,5 раза. В 2000 г. разница в почасовой оплате труда увеличилась до 6,6 раза68. В

68 Рассчитано по: Российский стат. ежегодник. М.: ФСГС, 2003. С. 660; Россия в цифрах. М.: ФСГС, 2004. С. 426; Обзор занятости в России. Вып. 1. М.: ФСГС, 2002. С. 170; Российский стат. ежегодник. М.: ФСГС, 2003. С. 170; Национальные счета России в

настоящее время, по оценкам МОТ, в России самая низкая почасовая оплата труда в мире, хотя производительность труда таковой не является. Если учесть рост цен на ассортимент, входящий в минимальную потребительскую корзину, то можно утверждать, что периодическое повышение пенсий и заработной платы бюджетников не перекрывает фактические темпы инфляции.

Появление когорты обездоленного населения. По данным МВД, в России около 4 млн лиц без определенного места жительства и около 2 млн беспризорных детей. В сумме они составляют около 4 % населения. Эти люди образуют категорию обездоленных людей, лишенных жилья, не имеющих регулярного питания, медицинской помощи, сезонной одежды и обуви, лекарств [Римашевская, 2006].

Высокий уровень социального неравенства. Соотношение доходов 10 % богатых и 10 % бедных достигает 15-кратного размера. По оценкам бывшего министра экономического развития и торговли РФ Г. О. Грефа, социальное неравенство стало серьезной проблемой, причем не только социальной, но и экономической — блокирующей планируемые реформы в социальной сфере и негативно влияющей на качество человеческого капитала [Греф, 2007]. Коэффициент неравенства Джини — один из самых высоких в мире. Углублению социального неравенства способствует сформировавшийся за годы реформ своеобразный механизм изъятия доходов у населения, в первую очередь беднейшего, в пользу естественных монополий. Это происходит вследствие опережающего роста тарифов на электроэнергию, тепло, услуги жилищно-коммунального сектора и цен на товары, входящие в набор прожиточного минимума. В результате резко возрастает число групп, нуждающихся в государственных пособиях и дотациях. При этом действующая налоговая система (плоская шкала налогообложения, предоставление налоговых льгот при покупке или строительстве жилья) не столько поддерживает бедных, сколько «покровительствует» богатым группам населения.

Смена жизненных стратегий и ***ценностных ориентиров*** россиян. Характерные черты таких стратегий — ориентации не на развитие, а на выживание, сосредоточение усилий на поиске средств существования, привыкание к бедности, рост социальной отчужденности и дезинтеграции в обществе, люмпенизация и социальные эксклюзии отдельных слоев населения, а вследствие этого — широкое распространение алкоголизма и наркотизации населения. По выражению Д. Медведева, *«часть населения практически до сих находятся в социальной коме, т. е. не видит ни возможностей, ни перспектив улучшения своего жизненногоуровня»* [Медведев, 2008].

Изменение механизма воспроизводства интеллектуальной элиты, увеличивающиеся масштабы платности образовательных услуг, приведшие, по существу, к исключению из сферы высшего образования талантливой молодежи из бедных семей. В целом только 17 % взрослого

1996—2003 гг. Стат. сб. М.: ФСГС, 2004. С. 169, 173.

населения России (в возрасте 15—35 лет) считают, что для них доступно практически любое высшее образование [Дубин и др., 2004. С. 39].

Снижение качества образования при сохраняющейся его высокой ценности. По оценкам международных экспертов, темпы экономического роста в России не соответствуют масштабам роста лиц с высшим образованием, что говорит о низком качестве получаемого профессионального образования. По данным Мирового Банка, Россия принадлежит к 15 % стран мира с наивысшим показателем образовательной компоненты индекса развития человеческого потенциала. В то же время она относится к 10 % стран с наименьшим вкладом человеческого капитала в создание общественного богатства [Дмитриев, 2007].

Значительное обесценение человеческого капитала — опыта и знаний ученых, инженеров и специалистов, нарушение механизма преемственности знаний. За последние пять лет в России сохранялся дополнительный доход на среднее и высшее профессиональное образование, но его относительный размер по сравнению с доходами лиц на полное общее образование уменьшился [Доклад., 2004. С. 91—92]. Уровень поддержки знаний в России в два-три раза ниже среднемирового и среднеевропейского уровня. В странах ОЭСР суммарные инвестиции в эту сферу составляли в конце 1990-х гг. в среднем 4,7 % ВВП, а вместе с расходами на все виды образования они превышали 10 % совокупного ВВП. В РФ в 2005 г. государственные расходы на образование составляли 3,7 % ВВП [Социальное положение., 2006. С. 482].

В целом можно утверждать, что проводимая социальная политика не отвечает требованиям времени, вложения в человека не адекватны роли человеческих ресурсов в инновационных процессах. Ее реализация отбросила Россию по качеству жизни населения и другим показателям развития человеческого потенциала на задворки цивилизованного мира, обрекла своих граждан на физические и нравственные страдания, способствовала дезинтеграции общества и распространению социального пессимизма. Одновременное реформирование ЖКХ, здравоохранения и образования затрагивает интересы всех слоев населения. В целях справедливого распределения бремени реформ между государством, регионами и населением необходимо в первую очередь обеспечить существенное повышение доходов населения, бюджетную поддержку регионов, разработку финансовых, организационно-правовых и административных механизмов перевода этих отраслей на самоокупаемость. Попытка переложить все тяготы предстоящих реформ на плечи граждан может привести к социальному взрыву в обществе.

Вместе с тем нельзя не отметить положительные тенденции. За последние 8 лет реальные доходы населения выросли в 2,5 раза, уровень бедности уменьшился более чем в два раза. Произошли положительные сдвиги в демографической ситуации. Рождаемость в 2007 г. была рекордной за последние 15 лет [Путин, 2008]. Хотя демографы эти положительные тенденции связывают в основном с вступлением в фертильный возраст многочисленной когорты женщин, рожденных в 1970—

1980-х гг., безусловно, предпринимаемые в последнее время Правительством шаги по поддержке материнства и детства оказали положительное влияние.

Однако меры, направленные на преодоление бедности и повышение уровня жизни населения, явно недостаточны для радикальных изменений в материальном благосостоянии россиян, особенно пенсионеров. По признанию В. В. Путина, за последние восемь лет не удалось решить проблему бедности старшего поколения. Необходима принципиальная смена курса социальной политики в соответствии с резко возрастающей ролью интеллектуальной составляющей труда, качества человеческого капитала, знаний и профессионального уровня работников. Показательно, что и политики, и исполнительная власть наконец-то осознали необходимость смены курса, перехода к качественно новой социальной политике — политике социального развития.

Основные направления и задачи социальной политики

Остановимся подробнее на основных направлениях, приоритетах и задачах социальной политики, адекватной, на наш взгляд, вызовам XXI века.

Целью социальной политики в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса на основе качественного прорыва в повышении уровня жизни и улучшения здоровья населения.

Приоритеты социальной политики:

повышение реальных доходов населения, адекватное реальной стоимости жизни;

существенное сокращение масштабов бедности и социально-экономической поляризации общества;

создание условий для увеличения численности и доли среднего класса;

улучшение здоровья, увеличение трудоспособного периода жизни россиян;

преодоление депопуляции и сверхсмертности населения.

В концепции социально-экономического развития страны до 2020 г. предусмотрены следующие конкретные ориентиры: к 2020 г. средняя продолжительность жизни должна увеличиться до 75 лет, а уровень смертности снизиться в 1,5 раза; доля среднего класса должна вырасти до 60—70 %; 15-кратное различие в доходах должно сократиться до более умеренного, не лишающего стимулов для профессиональной и творческой самореализации.

Достижение столь амбициозных задач опирается на четырехкратное повышение производительности труда, масштабные инвестиции в человеческий капитал, создание сотен тысяч рабочих мест, требующих вы-

сокой квалификации и связанных с использованием интеллектуального потенциала людей. Развитие человеческого капитала признается на государственном уровне в качестве абсолютного национального приоритета на краткосрочную и долгосрочную перспективы. Сегодня Россия занимает третье место в мире по количеству ученых и входит в число лидеров по государственным расходам на научную деятельность, но по ее результатам пока далека от передовых позиций. Кроме того, предусматривается инновационное развитие страны с опорой на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом.

По расходам на социальную сферу бюджет России существенно приблизится к общемировым стандартам. Согласно Концепции, к 2020 г. расходы на образование за счет государственных и частных источников составят не менее 5,5 % ВВП, на здравоохранение — 6,3, затраты на исследования и разработки — 3,5—4,0 % ВВП. В том числе государство будет тратить на образование — 4,5 % ВВП, на здравоохранение — 4,8, на науку — 1,3 % ВВП.

Между тем аналитики и эксперты, отмечая высокую значимость поставленных целей, обращают внимание на то, что разработчики откладывают выход экономики на параметры инновационного развития лишь на конец прогнозного периода. Несмотря на значительное повышение государственных расходов на социальные цели, они останутся ниже ныне достигнутого уровня развитых стран. Более того, в ближайшие три года планируется сохранить двукратное по сравнению с общемировыми стандартами недофинансирование уровня расходов на образование, науку, здравоохранение. По мнению Сергея Глазьева [2008], именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять заработную плату. Откладывание этих мер на несколько лет может сделать невозможным реализацию инновационного сценария развития страны. По мнению других экспертов, мало реалистичным представляется прогноз роста численности среднего класса [Гонтмахер, 2007]. Относительно демографической ситуации отмечается, что главный вызов развитию России в перспективе до 2020 г. состоит не в снижении численности трудоспособного населения, а в ее неспособности использовать свой человеческий потенциал. Более того, без кардинального повышения эффективности использования человеческого потенциала реализация оптимистического и умеренно оптимистического вариантов развития представляется маловероятной, а цели развития 2020 г. не будут достигнуты [Дмитриев, 2007].

Эксперты отмечают также отсутствие в Концепции четкого ответа о способах и методах достижения поставленных целей. На наш взгляд, реализация основных направлений социальной политики предполагает осуществление следующих мер:

Повышение стимулирующей и воспроизводственной роли оплаты труда:

доведение величины минимальной оплаты труда и трудовых пенсий до уровня прожиточного минимума;

приближение соотношения почасовой производительности труда и его оплаты к уровню развитых стран;

регулярная индексация заработной платы в бюджетной сфере в соответствии с изменением стоимости жизни с учетом региональной дифференциации;

создание особого режима стимулирования труда в инновационных отраслях экономики — оплата труда на уровне среднемировых стандартов, обеспечение механизма передачи накопленного опыта и знаний, создание условий для карьерного роста молодежи;

существенное повышение реальных доходов населения при опережающем росте доходов беднейших слоев.

Обеспечение минимальных социальных гарантий: поэтапный переход от прожиточного минимума, ориентированного на удовлетворение элементарных физиологических потребностей, к потребительскому бюджету, учитывающему социальные потребности человека (в образовании, культуре, здоровье, содержании и воспитании детей);

расширение минимального продуктового набора, используемого для исчисления прожиточного минимума, с целью улучшения качественных показателей здоровья населения;

повышение размера социальных выплат и пособий в расчете на душу населения до уровня прожиточного минимума, обеспечивающего каждому гражданину удовлетворение базовых потребностей в жилье, питании, медицинской помощи;

повышение доступности получения современных видов диагностики и лечебной помощи на основе развития страховой медицины;

обеспечение социальной доступности образования всем слоям населения путем сохранения определенной доли бюджетных мест, предоставления образовательных кредитов, специальных грантов и государственных стипендий для особо одаренных детей.

формирование сектора жилья, предоставляемого по договору социального найма малоимущим слоям населения.

Формирование новой идеологии образа жизни: формирование в сознании населения ценностей здоровья, семьи, рождения и воспитания детей, неразрывности связи поколений;

преодоление социальной терпимости и двойных стандартов по отношению к курению, потреблению алкоголя, наркотиков и других психотропных веществ путем информирования населения о разрушительных последствиях и создания барьеров распространению негативного потребления.

Разработка и реализация целевых региональных программ: жилищное строительство и развитие рынка доступного жилья — конкурсное выделение земельных участков под строительство жилья, снижение себестоимости жилья, государственная и коммерческая ипотека, жилищные субсидии и сертификаты, социальный найм, развитие арендного сектора жилья;

развитие инфраструктуры ЖКХ — новые организационно-правовые формы жилищных обслуживающих организаций, договорной хозяйственный механизм, расширение доходной базы для получения жилищных субсидий, государственное финансирование капитальной реконструкции жилищно-коммунальных сетей;

сокращение потерь трудового потенциала от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний — ранняя диагностика, создание регистра больных высокого риска, развитие кардиохирургических центров, восстановление смотровых кабинетов в фельдшерско-акушерских пунктах и лечебно-профилактических учреждениях;

содействие женщинам в успешном сочетании материнства с работой путем развития гибких форм занятости — неполной, сезонной, дистанционной и др.;

улучшение качества жизни семьи — антропоцентрическая и градостроительная политика, программы благоустройства и развития социальной инфраструктуры (клубы развития, рекреационные зоны, социальные сервисные службы и т. д.);

рациональное питание населения — выявление групп высокого риска, разработка целевых рационов для коррекции питания отдельных групп населения, разработка технологии и производство продуктов рационального питания, информирование населения о качестве продуктов;

программа развития массовой физкультуры и спорта — развитие сети оздоровительных и спортивных учреждений (детских спортивных школ, бассейнов, теннисных кортов, лыжных баз, катков);

профилактические и коррекционные программы, направленные на снижение уровня потребления наркотиков и других психоактивных веществ среди молодежи.

Ресурсное обеспечение и институциональные механизмы реализации социальной политики

В советский период во всех сферах жизни, включая социальную, доминировало государство. Практически все группы населения были объектами социальной политики. Стратегия перестроечного периода была направлена на резкое сокращение экономических и социальных функций государства. Роль государства свелась к помощи социально уязвимым слоям общества и предоставлению (в неполном объеме) многочисленных льгот. При этом государство лишилось традиционных ис-

точников социальной поддержки нуждающегося населения, передав сверхприбыльные ресурсные отрасли в частные руки. Сверхприбыль нефтяных и других ресурсных компаний идет в основном не на социальные программы, а на расточительное престижное потребление олигархов и коррумпированных государственных чиновников.

Для современного периода характерно дальнейшее свертывание социальных функций государства: не компенсирующая полные затраты монетизация льгот, введение платности медицинских и образовательных услуг, сужение социального сектора жилья, переход на полное возмещение затрат ЖКХ, фактическая передача ответственности за решение актуальных социальных проблем с федерального на региональный уровень. Не подкрепленное адекватным бюджетным финансированием перераспределение ответственности между регионами и федеральным центром лишь обострило социальные проблемы.

Таким образом, маятник качнулся в другую сторону: от государственного патернализма к минимизации социальных функций государства. Возникший вакуум в решении социальных проблем поставил население страны на грань выживания. В сложившихся условиях требуется сбалансированное распределение социальных функций между государством, бизнесом и населением.

Реализация нового курса социальной политики предполагает активную роль государства. Практика развитых стран, таких как Германия, Франция, Япония, показала, что значительные расходы государства на развитие транспорта, коммуникаций, энергетики, а также на научно-исследовательскую деятельность способствовали частным инвестициям, ускорению технического прогресса и повышали уровень конкурентоспособности этих стран на международном рынке. По мнению экспертов, успех стран, сделавших крупный прорыв в развитии технологий и экономики в целом (Южная Корея, Тайвань, Гонконг), связан именно с деятельностью государства, которое успешно поддерживало нарождающиеся отрасли и направляло поток финансирования на поддержание высокого уровня инвестиций в производство [Блок, 2004].

В качестве первоочередных шагов государства в решении основных задач социальной политики нашей страны на долгосрочную перспективу можно назвать:

переход от плоской к прогрессивной шкале налогообложения с физических лиц;

использование части природной, транспортной, горной ренты и платы за фонды для развития территорий;

нормативные отчисления в пользу науки от экспорта основных сырьевых ресурсов — нефти, газа, угля, черных и цветных металлов, химической продукции, леса, алмазов и др.;

обоснованное перераспределение социальной нагрузки между федеральным центром и регионами — совершенствование определения налогового потенциала и совокупной региональной налогооблагаемой

базы, снижение налоговой нагрузки на регионы, равноправие финансовых взаимоотношений субъектов Федерации с Центром, повышение самостоятельности региональных бюджетов различных уровней;

индикативное государственное регулирование сверхприбыли монополий и тарифов на услуги населению;

регулярная индексация доходов населения как превентивная мера защиты от инфляции;

расширение практики договорной подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов путем расширения предоставления или частичного погашения образовательных кредитов за счет фирм, участие бизнеса в реализации социальных программ;

развитие государственной жилищной ипотеки, предоставление жилищных сертификатов отдельным категориям граждан, в том числе молодым семьям. В настоящее время лишь 10—12 % населения имеют денежный доход, позволяющий им воспользоваться жилищной ипотекой;

ответственность правительства за основные параметры развития человеческого потенциала — ожидаемая продолжительность жизни, уровень и качество образования, доступность средств существования (уровень доходов, масштабы бедности, дифференциация по доходам).

В настоящее время государством сделан определенный шаг по расширению своего участия в решении насущных социальных проблем путем разработки и осуществления приоритетных национальных проектов. Реализация мер, обозначенных в концепции развития страны на перспективу до 2020 г., оставляет надежду на то, что объявленная цель социальной политики будет достигнута. В качестве основных рычагов решения перспективных социально-экономических задач определены меры как экономического, так и организационного характера. Среди них основными являются: создание комфортной конкурентной среды, в том числе для развития малого бизнеса; улучшение государственного управления; совершенствование налоговой системы, снижение налогового бремени, применение налоговых стимулов инновационной деятельности; совершенствование судебной системы; проведение эффективной региональной политики на основе фактического (а не декларируемого) равноправия субъектов Федерации, подкрепленного наличием необходимых и достаточных ресурсов для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и диверсификации экономики территорий; развитие институтов гражданского общества (общественных организаций, партий и движений).

Реализация нового курса социальной политики на основе существенного увеличения инвестиций в образование, здравоохранение, культуру, ЖКХ, жилищное строительство, а также повышения реальных доходов населения обеспечат условия для развития человеческого потенциала страны, адекватного вызовам XXI в.

ГЛАВА 34 Демографическая политика России

Сложившаяся в России демографическая ситуация (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития») имеет не только важнейшие социально-экономические последствия для России, но и важнейшее геополитическое значение, ставя под вопрос дальнейшие возможности народов России развивать свой материальный, духовный и культурный потенциал. Проблема состоит в том, что прогнозируемой численности и плотности населения в такой огромной стране как Россия недостаточно не только для того, чтобы освоить свое геополитическое пространство, но даже для того, чтобы удержать его в будущем, тем более что существуют старые территориальные претензии к России как на востоке, так и на западе.

В особенности это важно в связи с обострившейся в последнее время в мире борьбой за ресурсы, которыми так богата наша страна. На Западе уже неоднократно озвучивались идеи о том, что огромные ресурсы России должны быть интернационализированы. В Стратегии национальной безопасности США в качестве важнейшей составляющей декларируется обеспечение беспрепятственного доступа к ключевым районам мира и глобальным ресурсам. А, кроме того, Россия является важнейшим препятствием на пути установления нового мирового порядка. В западных изданиях регулярно появляются провокационные заявления, например о возможности уничтожить весь стратегический ядерный потенциал России первым же ударом со стороны США, или в открытую обсуждаются планы расчленения России и перехода ее частей под управление других стран. Осуществляются попытки взять под контроль ее стратегические ядерные силы, активно воздействовать на избирательные процессы в стране и т. д.

Что же делалось для исправления демографической ситуации в стране?

Поразительно, но за 16 лет депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, Минздрава, Государственной думы, посвященных важнейшему вопросу — поиску причин сверхвысокой смертности, в том числе сильно возросшей смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

В сентябре 2001 г. была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных,

так и миграционных компонент. Комплекс мер демографической политики касался в ней трех основных направлений: повышения рождаемости и укрепления института семьи; улучшения здоровья и роста продолжительности жизни; обеспечения необходимого миграционного прироста и совершенствования привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ по реализации Концепции на федеральном уровне разработано не было.

В некоторых регионах России в последние годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Но ориентация на собственные ограниченные ресурсы, ввиду отсутствия поддержки со стороны федеральных властей, а также слабая проработка целей и механизмов их достижения привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Видя такую пассивность со стороны власти в важнейшем для страны вопросе, некоторые общественные объединения разработали и предложили общественности и руководству страны свои проекты демографического развития страны. Здесь можно упомянуть Национальную программу демографического развития России, разработанную по инициативе Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» группой экспертов в 2004 г., а также Демографическую доктрину России общественного Движения развития, разработанную коллективом авторов под руководством Ю. В. Крупнова в 2005 г.

Наконец, президент страны в своем Послании Федеральному собранию за 2006 г. большое внимание уделил вопросам демографии, назвав самой острой проблемой современной России именно демографическую и признав, что положение в этой сфере критическое. Президент страны впервые в официальном выступлении назвал главными любовь, семью, женщин и детей — то, для чего нужно работать и на что ориентироваться.

Большим плюсом Послания является тот факт, что оно значительно активизировало обсуждение в самых широких общественных кругах названных проблем. Другой важнейший плюс Послания — новый подход к вопросам национальной безопасности, которая теснейшим образом связана с демографической безопасностью. Вообще вопросы безопасности в государстве должны иметь первостепенное значение, так как любые достижения, включая высокий уровень жизни, теряют всякий смысл, если отсутствует безопасность в самом широком смысле слова, начиная с государственной и кончая личной.

Несмотря на то, что в демографическом разделе Послания верно расставлены некоторые весьма важные акценты, вряд ли можно согласиться с утверждением президента о том, что в обществе существует консенсус по поводу необходимости решения демографической проблемы как ключевой для России. Напротив, масса людей в околовластных структурах, а также и некоторые демографы считают, что никакой демографической проблемы в России не существует, все идет в русле обще-

мировых тенденций снижения рождаемости и Россия не является здесь исключением. Есть проблемы с повышенной смертностью, но их можно достаточно легко и быстро решить при помощи массового завоза непритязательных трудовых мигрантов. То есть, ловко уходя от решения проблем, предлагается создать новые проблемы, а сокращение населения называется благом для страны, поскольку меньше нужно будет тратить средств на социальную политику.

В Послании отсутствует комплексный подход к такой сложнейшей проблеме как демографическая. Возможно, это объясняется тем, что происходит смена приоритетов, и тогда предложения президента следует рассматривать как первый шаг в нужном направлении. Тем не менее, понятно, что демографическая проблема уже давным-давно «перезрела», и совершенно ясно, что одними денежными выплатами ее не решить. На демографические процессы влияет множество самых разнообразных факторов, некоторые из которых не известны пока даже специалистам. Многие считают, что причины снижения рождаемости и роста смертности лежат не в экономической, а в духовной сфере — неправильном нравственном восприятии семьи, потере смысла жизни, озлобленности и т. д. Т аким образом, уровень доходов не является главным, хотя это вовсе не значит, что его не надо повышать. Гораздо большее влияние на демографическую ситуацию оказывают принятые в обществе ценности, образ жизни, способы расселения, традиции питания и др. Демографическая ситуация лучше в российских регионах с традиционными культурами, в отличие от регионов с преимущественно русским населением, где активно насаждаются либеральные ценности, потребительское отношение к жизни, происходит моральное растление молодежи. Весьма показательны в этом плане республики Северного Кавказа. Имея одни из самых низких в России уровней ВРП на душу населения, они демонстрируют самые лучшие демографические показатели, в том числе устойчивые первые места по продолжительности жизни, которая еще и постоянно растет, в отличие от остальной России. Первая тройка в России по этому показателю выглядит следующим образом, лет: в Ингушетии — 75,9, в Дагестане — 72,7, в Чечне (!) — 71,3, для сравнения в среднем по России — 65,3 (данные за 2005 г.).

Поэтому очень важно успеть задействовать демографический потенциал относительно многочисленных поколений 1980-х годов рождения (результат пронаталистской политики СССР и антиалкогольной компании), которые вступили в репродуктивный возраст. Упустить этот период потенциального роста числа рождений было бы непростительно, потому что следующее поколение 1990-х годов рождения в два раза малочисленнее и обладает гораздо худшим здоровьем.

1980-е годы — хорошая иллюстрация того, что рождаемость может быть увеличена в кратчайшие сроки благодаря осознанной демографической политике. Но повышение рождаемости может происходить и вследствие улучшения условий жизни, особого духовного подъема, оп-

тимистического мировоззрения, ожидания лучшего будущего в самое ближайшее время. Примеры: США после Великой депрессии, послевоенный беби-бум во многих странах мира, в том числе и в СССР.

Сомнительно, чтобы демографы не знали этих фактов, но тогда речь идет о сознательном сокрытии истины и дезинформации общественности, включая лиц, принимающих решения на уровне государства. Видимо, в том числе и этим можно объяснить тот факт, что только после шести лет пребывания в должности президент наконец-то назвал демографическую проблему главной, хотя об этом постоянно говорили и специалисты, и оппозиция на протяжении как минимум 10 последних лет.

Поэтому, на наш взгляд, главными показателями, по которым должна отчитываться власть перед народом, должны быть вовсе не макроэкономические показатели, не рост ВВП, способствующий обогащению олигархов, и не количество добытых природных ресурсов, уходящих за границу, а демографические показатели: *ожидаемая продолжительность жизни, показатели рождаемости, естественного прироста, здоровья населения.* Не может в благополучной стране вымирать население! Демографический кризис в России — важнейший показатель и неотъемлемая часть далеко зашедшего общего кризиса.

Мы уже упоминали антиалкогольную кампанию 1980-х гг. В ней ставились главным образом задачи оздоровления, увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения, особенно мужского, чья смертность существенно превышала женскую. Эта цель была достигнута в кратчайшие сроки, в 1986—1987 гг. ожидаемая продолжительность жизни достигла 70 лет — самой большой величины за всю обозримую историю страны. В качестве побочных эффектов получили целый спектр положительных явлений в обществе: рост рождаемости до уровня простого воспроизводства впервые с начала 1960-х гг., укрепление семьи, быстрое и существенное снижение преступности, снижение числа убийств и самоубийств, травматизма, инвалидности, повышение производительности труда и т. д.

В связи с этим особо отметим работу специалиста по алкогольной тематике доктора медицинских наук А. В. Немцова «Алкогольный урон регионов России». В качестве показателя алкогольного урона была использована доля связанных с алкоголем смертей среди всех смертей. По этому показателю, отражающему сумму прямых и непрямых алкогольных потерь, лидировал Дальневосточный федеральный округ (ФО), где алкогольная смертность колебалась от 36 до 46 % (Чукотский АО). Следующие по тяжести алкогольной смертности были: Сибирский ФО (32—45 %), Уральский (33—38 %), Северо-Западный (32—38 %). В Центральном и Южном ФО алкогольная смертность составляла 30—35 % от общей. В среднем по стране в 1990—2001 гг. связанные с алкоголем смерти составили 37 % от всех смертей. Расчеты, сделанные в упомянутой работе, показали, что даже небольшое, на 5—10 % снижение потребления алкоголя может сохранить жизнь 100—200 тыс. человек в

год.

Исследование в Ижевске показало, что 62 % мужчин трудоспособного возраста умерли нетрезвыми. То же самое происходит почти по всей России [Костенко-Попова, 2006].

Таким образом, алкогольная проблема весьма актуальна для России и еще больше обострилась в последнее время. Поэтому *важнейшей составляющей любой программы демографического развития, начиная с уровня страны и кончая районным, должна быть продуманная система антиалкогольных мероприятий, поскольку снижение уровня потребления алкоголя в России является весьма существенным фактором уменьшения демографического кризиса в стране.* А, кроме того, как показывает опыт 1980-х гг., положительный результат появляется практически мгновенно по историческим меркам и распространяется не только на демографическую сферу, а чуть ли не на все стороны общественной жизни.

Другим важнейшим фактором, негативно влияющим на здоровье россиян, и он сильно недооценивается, является огромное количество некачественного продовольствия, в том числе импортного. Известные скандалы с грузинскими и молдавскими винами, импортными окорочками, мясом, детским питанием, молочной продукцией, в том числе самых известных производителей, и прочие являются лишь вершиной айсберга. Стоит только посмотреть на состав продуктов, которые мы потребляем: сколько каких химических веществ скрывается, например, за кодами с индексом Е, а ведь многие продукты предназначены в основном для детей: кондитерские изделия, в том числе шоколад, мороженое, чипсы, безалкогольные напитки и пр.

По данным исследований, проведенных в Великобритании, пищевые красители и вкусовые добавки, которые содержатся в напитках, печенье, конфетах и мороженом, приводят к детской гиперактивности и быстрой утомляемости. Эти вещества, как пишет научный журнал «Ланцет», способны вызывать негативные изменения в поведении детей и подростков. Ученые Великобритании направили запрос в Еврокомиссию в связи с опасением за здоровье детей, которому вредят добавки. Специалисты не исключают, что на ряд добавок в ближайшее время будет введен общеевропейский запрет.

Распространение среди детей синдрома дефицита внимания и гиперактивности, который приводит в том числе к значительным трудностям в обучении, по времени совпадало с широким использованием искусственных добавок в продуктах питания. Многие исследования указывают на связь питания и поведения детей. Эксперименты показали, что исключение некоторых продуктов (прошедших химическую обработку) привело к резкому улучшению в состоянии гиперактивных детей. Тем не менее, многие врачи предпочитают прописывать гиперактивным детям сильнодействующие препараты, побочные эффекты которых до сих пор не исследованы.

А сколько вредных веществ присутствует в продуктах в недеклари-

рованном виде? Были и такие случаи, когда производители гордо позиционировали свою продукцию как не содержащую генно-модифицированные компоненты, а при проверках оказывалось, что как раз их они и содержат. В 2004 г. «Гринпис России» обнародовал результаты тестирования продуктов питания на содержание в них генетически модифицированных источников (ГМИ). Представители этой организации выборочно закупили 40 видов продуктов питания в различных торговых точках Москвы. Это были мясные, рыбные, кондитерские изделия, а также детское питание, которые могли содержать соевый белок. Специальная комиссия Института цитологии РАН в Санкт-Петербурге в 40 % этих продуктов обнаружила трансгены. Ни на одном из отобранных продуктов не было указано, что в них содержатся белки генетически модифицированных организмов или что эти продукты произведены с использованием ГМИ. При аналогичном анализе, проведенном в 2002 г., ГМИ были обнаружены в 30 % закупленных продуктов.

Утверждения, что генно-модифицированные продукты не вредят здоровью не соответствуют истине: есть работы и отечественные и зарубежные (А. Пуштаи, И. В. Ермаковой), которые доказывают, что употребление таких продуктов подопытными животными быстро приводит к существенному ухудшению их здоровья, в том числе репродуктивного, и весьма негативно влияет на потомство уже в первом поколении, которое становится бесплодным. Масштабное распространение ГМ-культур может привести к глобальным изменениям на планете: серьезным демографическим последствиям, а также стать причиной исчезновения большого количества живых организмов и ускоренного процесса разрушения биосферы.

Также существенно ухудшает качество продуктов использование так называемых новейших технологий. Это и широкое применение пестицидов, в том числе и давно запрещенных, а также всевозможных стимуляторов, антибиотиков, гормонов, консервантов, ионизирующих излучений и т. д. Производители и торговля озабочены, прежде всего, товарным видом продуктов, удобством их транспортировки и хранения, а вовсе не пользой для здоровья.

Все это приводит к постоянному отравлению потребителей малыми дозами, снижению иммунитета и, как следствие, росту почти по всем классам заболеваемости. Контроль за качеством продуктов питания весьма слабый, в том числе по причинам материального характера, да и невозможно в принципе каждодневно отслеживать десятки тысяч и более наименований. Поэтому ответ должен быть асимметричный и менее затратный, как сказал президент в своем Послании, правда, по другому поводу.

Опасность создают не только искусственные продукты, но и искусственная одежда, вообще искусственная среда обитания человека, которая угрожает здоровью человека: радиация, загрязнение воздуха, воды и почвы отходами производства и выхлопными газами, химикаты, применяемые в быту и сельском хозяйстве, ультразвуковые и высокочастотные

излучения и т. д. Современное общество в процессе своей деятельности создало огромное количество факторов, оказывающих подавляющее воздействие на здоровье. Создана окружающая среда, которая враждебна человеку. Поистине технический прогресс запускает биологический регресс.

По данным ВОЗ здоровье населения в среднем зависит:
от условий и образа жизни людей — на 50—52 %;
наследственных факторов — на 20—22 %; состояния
окружающей среды — на 18—20 %; уровня
медицинского обслуживания — на 7—12 %.

По другим оценкам, качество среды служит причиной 40—50 % заболеваний. Понятно, что с ростом загрязнения окружающей среды это негативное влияние будет увеличиваться и в принципе может доходить до 100 %, например на радиоактивно-зараженных территориях.

Таким образом, система здравоохранения среди факторов здоровья населения стоит на самом последнем месте и фактически пытается, не всегда успешно, лечить негативные последствия воздействия первых трех. Заметим, что львиную долю воздействия, минимум 70 %, оказывают образ жизни и окружающая среда. Кстати и наследственные факторы в значительной степени могут быть следствием этих двух условий и, следовательно, эта доля еще более увеличивается.

Поэтому, для улучшения здоровья населения, было бы логично основные усилия направить именно на эти два фактора. Однако на практике это не делается. Национальный проект «Здоровье» в настоящее время практически свелся к краткосрочному и неполному латанию дыр в системе здравоохранения.

Более того, система здравоохранения сама по себе становится фактором нездоровья населения. Это и негативные побочные действия лекарств и вакцин и неправильные диагнозы и гипердиагностика, которые усугубляют состояние больных, и ошибки во время операций, и инфекции, полученные в больницах. Так, в США в журнале Американской медицинской ассоциации была опубликована статья Б. Старфилд [Starfield, 2000], в которой приводятся данные о ежегодном количестве смертей в США в результате только прямых врачебных ошибок — от 44 до 98 тыс. человек, а общая смертность в результате врачебного вмешательства существенно выше. К слову, в США свыше 40 млн человек вообще лишены медицинской страховки, это примерно каждый седьмой.

В условиях коммерциализации также широко практикуются лишние оплачиваемые визиты к врачу, назначение большого количества ненужных и дорогих препаратов, анализов, процедур и даже операций, не безопасных для людей, у которых и так уже имеются проблемы со здоровьем.

Вообще лечебная медицина борется с последствиями, а нужно активнее развивать профилактическое направление, которое призвано заняться проблемой предупреждения инфарктов, инсультов, других тяже-

лых заболеваний и которого у нас практически нет. Более того, современная система здравоохранения не заинтересована в профилактике заболеваний. Потому что врачу выгодно, чтобы было как можно больше больных, потому что он получает заработную плату от числа посещений.

Приоритеты в решении демографических проблем России

Оценивая последствия сложившейся демографической ситуации, приоритеты в решении демографических проблем должны быть расставлены в следующем порядке:

1. Повышение рождаемости и укрепление семьи.
2. Снижение смертности и заболеваемости.
3. Миграция.

Главной причиной депопуляции является низкая рождаемость. Еще в первой половине 1960-х гг., когда суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже уровня простого воспроизводства, специалисты указывали на то, что через несколько десятилетий, когда на смену вымирающим относительно многочисленным поколениям будут приходить малочисленные новые поколения, следует с неизбежностью ожидать превышения числа умерших над числом рождающихся.

Изменение сложившихся репродуктивных установок, рождение и особенно доведение до трудоспособного и репродуктивного возрастов детей требует длительного времени, поэтому если мы действительно хотим решать демографическую проблему, следует рассматривать повышение рождаемости как приоритетное направление демографической политики. Кроме того, нельзя упустить репродуктивный потенциал последнего относительно многочисленного поколения 1980-х годов рождения, которое уже вступило в репродуктивный возраст.

Поскольку одной из важнейших причин низкой рождаемости является глубокий кризис семьи, мерам по укреплению семьи, в том числе ее экономического базиса, должно быть уделено первостепенное внимание. Нужно создать такие условия, чтобы семья жила не на различные пособия, а сама могла обеспечить достойный уровень своего существования. В настоящее же время построена система, при которой экономически выгодно детей не иметь вовсе. Ведь самые бедные у нас — это семьи с детьми.

Вопиющая ситуация со смертностью, особенно в трудоспособном возрасте, также не дает времени на раскачку, поэтому второй пункт, снижение смертности и заболеваемости населения, нужно осуществлять практически параллельно с первым.

Что касается иностранной трудовой миграции, то она не решает проблему демографического кризиса и вдобавок несет проблемы для национальной безопасности, поэтому акцент следует сделать на привле-

чение соотечественников. Однако для этого нужно, прежде всего, обеспечить нормальные условия существования для уже имеющегося населения. Об этом совершенно справедливо говорил президент в своем Послании за 2006 г.: «Никакая миграция не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране. Не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи». Поэтому миграционная политика должна носить вспомогательный характер и рассчитывать надо, прежде всего, на свое население.

При этом государственная демографическая политика должна в первую очередь касаться субъектов Российской Федерации с наиболее неблагоприятной демографической ситуацией, а также субъектов, демографический потенциал которых имеет важнейшее геополитическое значение для страны. Здесь в первую очередь имеются в виду Центральная Россия как колыбель российской государственности, а также Сибирь и Дальний Восток, которые занимают большую часть страны и являются богатейшими источниками самых разнообразных природных ресурсов планетарного масштаба, включая источники чистой воды и пригодной для сельскохозяйственного использования земли. Именно сюда, по нашему мнению, должны быть направлены первостепенное внимание и усилия.

Некоторые предложения к демографической политике

Выделим некоторые основные направления работы по решению проблемы депопуляции, которые будут воздействовать сразу и в сторону увеличения рождаемости, и в сторону снижения смертности и общего оздоровления населения, а также привлекать мигрантов.

1. Система антиалкогольных мероприятий с целью значительного снижения потребления алкоголя:

восстановление госмонополии на производство и торговлю не с целью получения доходов, а для удобства контроля;

запрет всех форм рекламы на алкогольную продукцию; подъем минимального возраста продажи алкогольной продукции с 18 до 21 года;

значительный (в несколько раз) рост налогов;

ограничение территориальной (в том числе значительное сокращение числа точек продажи) и временной доступности алкогольной продукции;

жесткие административные и уголовные меры против нарушителей антиалкогольного законодательства: большие штрафы, лишение лицензий на торговлю, в том числе за продажу детям алкогольной продукции, приравнять распространение суррогатов к предумышленному причинению тяжкого вреда и убийству граждан и т. д.;

всячески поощрять и поддерживать желание населения видеть территории своего проживания свободными от алкоголя.

Эти меры направлены на преодоление доступности алкоголя — важнейшего фактора алкоголизации населения, однако еще более важную роль должна сыграть широкая антиалкогольная пропаганда. Вопрос ценностей является главнейшим. Трезвость должна стать нормой жизни, по крайней мере, для тех, кто задумывается о будущем своих потомков, народа и страны, поскольку даже самый качественный и чистый этиловый спирт есть наркотический яд (400 мл которого является смертельной дозой), негативно воздействующий на все функции организма и поведение человека. Например, по информации главного санитарного врача РФ Г. Онищенко, в Москве только 7 % алкогольных отравлений приходится на суррогатный алкоголь, а все остальные случаи вызваны передозировкой обычного алкоголя.

Общеизвестно его негативное воздействие, как на здоровье и смертность, так и на рождаемость и качество будущих поколений. Алкоголизм и наркомания стоят на первых местах в списке причин разводов, порождают огромное количество социальных сирот, способствуют росту преступности, травматизма, подрывают оборонный и творческий потенциалы страны и т. д. В настоящее время государство не препятствует этому, а только борется со следствиями, вкладывая огромные средства. Такой подход делает бессмысленными и меры по стимулированию рождаемости. Пока не будут ликвидированы черные дыры (алкоголизм и наркомания), куда уходит население, эффект от экономических мер стимулирования рождаемости будет стремиться к нулю.

Предприятия, производящие алкоголь в России, зачастую принадлежат иностранцам и являются оружием в демографической войне и давно проверенным средством зачистки территории от населения, как через повышенную смертность, так и путем скупки по дешевке земли (пример использования «огненной воды» против индейцев в Америке), что уже и происходит в современной России.

Жесткие ограничительные меры, как показывает долговременный опыт стран Северной Европы, приносят отличные результаты: высокий уровень жизни, здоровье и высокую продолжительность жизни, замечательные успехи в спорте, низкий уровень преступности, высокое качество выпускаемой продукции, порядок на улицах и т. д.

Совершенно очевидно, что пьющая страна не может быть процветающей, в том числе и экономически, поскольку огромные средства и время тратятся не просто впустую, а во вред и населению, и государству. По мнению главы Роспотребнадзора РФ Г. Онищенко «России нужна продуманная алкогольная политика, которая бы избавила страну от более чем 300-летнего загула, инициированного Петром Первым», причем такая политика требует не столько финансовых затрат, сколько координации со стороны государства. По его мнению, *без исправления этой ситуации нельзя решить ни проблем демографии, ни проблем здоровья общества.*

Все вышесказанное по поводу алкоголизации населения касается также еще одного легализованного наркотика — табака. Почему в США, где население постоянно растет, в том числе и за счет естественного прироста, смогли существенным образом потеснить табачные корпорации, почему там могут запретить показ детям до 17 лет фильмов со сценами курения, а Россия, понесшая за 15 лет депопуляции людские потери, сопоставимые с потерями во время Второй мировой войны, до сих пор не сделала этого? Подавляющее большинство стран мира подписали рамочную Конвенцию ВОЗ по борьбе против курения табака, которая предусматривает жесткие ограничения вплоть до полного запрета на рекламу табачных изделий, регламентирует содержание смол и никотина в сигаретах, требует, чтобы информация о вреде курения на пачке сигарет, выпущенной в стране, ратифицировавшей Конвенцию, занимала не менее 30 % широкой поверхности, допускает продажу табачных изделий только лицам, достигшим 21 года, предусматривает увеличение цен и налогов на табачные изделия, проведение мероприятий, направленных на снижение числа пассивных курильщиков и пр. Россия никак не могла сделать этого вплоть до 2008 г. ввиду сильнейшего противодействия некоторых министерств, а также табачных компаний, для которых российский рынок очень привлекателен в силу низких налогов на табачные изделия, хотя Конвенцию поддержали 82 % депутатов Г осударственной думы.

По информации главы Роспотребнадзора Г. Онищенко, в России курят 65 % мужчин и свыше 30 % женщин. При этом более половины из них начинает курить еще в подростковом возрасте. Как отмечал академик РАМН, заместитель председателя комитета Госдумы по охране здоровья Николай Герасименко, «Россия находится на первом месте в мире по курению среди подростков». По данным ВОЗ, 33 % детей и подростков в России являются постоянными курильщиками. Кроме того, 55 % подростков подвергаются воздействию пассивного курения дома и еще больше в общественных местах.

Итак, оценки А. Немцова по алкогольной смертности дают примерно треть всех смертей в России, по оценкам директора НИИ канцерогенеза Онкологического центра им. Блохина Д. Заридзе 375 тысяч россиян ежегодно умирают из-за болезней, вызванных курением, а смертность только от передозировки наркотиков составляет 100 тысяч человек в год (данные Федеральной службы по наркоконтролю РФ). Ежегодная же смертность в России в последние годы держится на уровне примерно 2,3 миллиона человек. Таким образом, примерно половина из этих смертей, свыше 1 миллиона, приходится на триаду: алкоголь, табак, наркотики. Поэтому анти- наркотическая, в самом широком смысле, работа может принести быстрые и весьма существенные улучшения демографической ситуации, причем не только за счет снижения смертности, но и, как показывает опыт антиалкогольной компании 1980-х гг., повышения рождаемости, а также улучшения здоровья населения, в том числе будущих поколений.

2. Идеологическая работа по созданию привлекательного образа устойчивой семьи с детьми через средства массовой информации, образовательные программы, рекламу и т. д.

Нужно воспитывать у молодежи ответственное отношение к материнству и отцовству, к продолжению своего рода, в том числе сохранению и укреплению своего здоровья как основы здоровья будущих поколений. Показывать больше положительных, созидательных примеров из жизни.

В связи с этим необходимо в корне пересмотреть политику в отношении СМИ, в первую очередь телевидения как самого массового и доступного, которые стали средством морального разложения общества, внедрения в общественное сознание негативных образцов поведения, как общественного, так и семейного.

Разрушительные образы, тиражируемые масс-медиа, оказывают самое негативное влияние на нашу жизнь и таким образом подрывают безопасность страны, в том числе демографическую. Подобного рода деятельность должна быть пресечена как можно скорее.

Как известно «идеи правят миром», поэтому идеологическая работа является важнейшим направлением, и ее ни в коем случае нельзя отпускать на самотек, чем тут же пользуются идеологические противники. Проигрыш в идеологии рано или поздно приводит к поражению.

3. Демографическая экспертиза законопроектов.

Здесь имеются в виду многочисленные инициативы типа недавнего предложения Минздравсоцразвития о свертывании педиатрической и акушерско-гинекологической служб, коммерциализации здравоохранения, Министерства образования — о введении в школах уроков полового просвещения, которые способствуют заболеваемости венерическими болезнями и делают не способными иметь нормальную семью нашу молодежь, или программ по «противодействию» наркомании, которые ее на самом деле пропагандируют, а также легализации однополых браков, увеличения числа одноразовых доз наркотиков, после которых наступает ответственность, о внедрении дешевой водки, ликвидации надбавок к зарплате для жителей некоторых сибирских областей и множестве других инноваций, часто транслируемых из зарубежных источников.

Принимая решения в сфере экономики, следует самым тщательным образом просчитать, как может отразиться на демографической ситуации, например, вступление в ВТО, реформирование РАО ЕЭС, свободная продажа сельскохозяйственных земель, водных источников и т. д.

4. Развитие села.

Ситуация, когда кормилец страны находится в самом низу социальной лестницы, совершенно ненормальна и опасна для государства и народа. Требуется принятие скорейших мер, так как самые высокие темпы депопуляции плюс миграция в города из-за отсутствия работы и перспектив способствуют обезлюдению и хозяйственному запустению уже освоенных с большим трудом и затратами территорий, включая и

приграничные, в том числе зарастание кустарником и лесом брошенной пашни на огромных территориях. И все это в условиях, когда производство продовольствия в мире сокращается, а его качество ухудшается, в том числе из-за деградации земель в результате антропогенного воздействия, при росте численности населения планеты.

Таким образом, необходимость развития села диктуется соображениями безопасности как демографической, так и геополитической, продовольственной, культурной и т. д. В конце концов, сельские жители составляют свыше четверти населения России, а в некоторых регионах их доля существенно больше, а кроме того, десятки миллионов людей, формально числясь горожанами, фактически проживают в сельской местности, и они имеют право на достойную жизнь.

Рождаемость на селе традиционно существенно выше, чем в городах, которые уже давно не обеспечивают самовоспроизводство населения, поэтому и результативность вложений здесь будет быстрее и выше.

5. Новая политика расселения.

Ввиду того, что важнейшим негативным последствием депопуляции является утрата контроля за территориями, предлагается использовать давно известный прием для закрепления территорий: наделение землей желающих поселиться и работать на ней. Таким образом очень быстро происходило заселение земель и в Северной, и в Южной Америке. Отечественный опыт также имеется: заселение казаками приграничных территорий вдоль всей южной границы от Украины до Приморья, причем они же осуществляли функцию охраны рубежей страны в обмен на определенные привилегии. Можно также вспомнить и масштабную Столыпинскую реформу, способствовавшую заселению Сибири.

Кроме того, общеизвестно, что важнейшим фактором снижения рождаемости является урбанизация, имеющая массу других негативных последствий. Давно доказано, в том числе в опытах на животных, что при повышенной скученности животные плохо размножаются, сильно возрастает агрессия, сопровождаемая различными извращениями типа убийства и поедания собственных детенышей и пр. При скученности населения также растет агрессия и, соответственно, преступность, и, кроме того, быстро распространяются различные заболевания. А отрыв от природы и помещение человека в искусственную среду делают его слабым, зависимым и восприимчивым к негативным воздействиям. В конце концов, в полном соответствии с мифом об Антее отрыв от земли приводит к гибели.

Поэтому в качестве *главного инструмента решения не только демографических, но и многих других проблем предлагается стимулировать усадебный тип расселения,* чтобы каждый желающий мог построить свой дом на своей земле — родовое гнездо, обустроить ее по своему усмотрению, посадить красивые и полезные деревья и кустарники, сад, завести хозяйство, обеспечить на месте производство свежего и экологически чистого продовольствия для своей семьи. То есть решить проб-

лему продовольственной безопасности как по количеству, так и по качеству на уровне своей семьи. А как известно, качественное питание — важнейший фактор здоровья. В настоящее время по разным причинам подавляющее большинство населения, включая людей с высоким уровнем дохода, обеспечить его не в состоянии.

Кроме того, в своем доме окнами в сад дети будут рождаться более желанными, их жизнь будет счастливее и безопаснее, чем в каменных джунглях больших городов. Дети на земле — помощники для своих родителей, а не непосильная обуза, как в городах, где родители озабочены проблемой, как оградить их от бесцельного времяпрепровождения, чреватого различными пороками. Совместный труд, в том числе и творческий, способствует сплочению семьи, укреплению родственных отношений и, таким образом, повышает устойчивость в трудных жизненных ситуациях. А семейная экономика, по мнению профессора А. Антонова, — ключ к решению демографических проблем России.

Наличие своего дома на своей земле, которая всегда прокормит, в том числе во времена локальных или глобальных кризисов, придаст людям уверенности в своем будущем и будущем своих детей, отсутствие которой в настоящее время является важнейшей причиной отказа от рождения детей.

Для этого нужно выделять в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами, значительные участки земли для всех желающих граждан России. Пустующих земель, включая заброшенную пашню, у нас предостаточно, хватит и теперешним и будущим поколениям. Можно организовывать целые новые поселения, в том числе и на месте покинутых деревень. Желающие найдутся и из числа горожан, которых не удовлетворяет по разным причинам жизнь в городе, и из числа переселенцев из других стран и регионов.

В качестве примера можно привести немцев — бывших граждан СССР, которые выехали в Германию на постоянное место жительства, а теперь хотели бы вернуться в Россию и получить землю под жилищное строительство. Устремившись и обретя западный, «цивилизованный» рай, многие осознали, что вместе с тем потеряли Родину, без чего человек не может быть счастлив в полной мере. Вкусив радости западной цивилизации, они отчетливо поняли, что наркомания, проституция, насилие и пр. — это порождение этой самой пресловутой цивилизации, не говоря уже о таких больных европейских проблемах, как демографическая и экологическая.

Благодаря вовлечению самых широких масс населения в дачное движение обращаться с землей умеют даже те, кто родился и вырос в городах. Глобальное потепление климата будет холодной России на пользу: значительно увеличатся территории, пригодные для сельского хозяйства, вегетационный период и, соответственно, урожайность и набор возделываемых культур. Уже сейчас мы видим активное продвижение теплолюбивых культур на север.

Нужно также разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных строительных материалов, прежде всего дерева, с учетом соответствующих природно-климатических условий и запустить их в массовое производство. Давно пора прекратить практику, когда качественный лес массово вывозится за границу, а россияне, даже в Сибири, не могут купить мебель для дома из натурального дерева и вынуждены довольствоваться вредной для здоровья мебелью из ДСП, сделанной фактически из отходов производства, сдобренных ядовитыми смолами.

Дальнейшая политика может быть направлена на стимулирование развития личных хозяйств, объединения их в кооперативы, решающие комплексные задачи производства высококачественной экологически чистой сельхозпродукции и ее сдачи государству, лесопользования, строительства жилья, развития ремесел и небольших производств и многого другого.

Этот процесс уже стихийно пошел снизу. Количество заявок на выделение земли для строительства индивидуального жилья, особенно в пригородах больших городов, уже превышает возможности. Особенно наглядно этот процесс виден на примере Москвы уже даже из-за океана [Финн, 2007]: сначала в загородные дома переселились богатые, а теперь и средний класс. Те, кто не могут позволить себе коттедж, покупают дома в деревнях или обустраиваются на новых землях.

Массовое строительство индивидуального жилья обязательно с большим участком земли в числе прочего позволит существенно снизить цены на жилье в городах, оживить производство на местах, разгрузить транспортные магистрали. Появится возможность решить экологические проблемы, проблемы безработицы, бедности, преступности, улучшить здоровье и качество жизни населения и многое другое. Радикально изменится весь образ жизни, человек снова вернется на землю, что придаст ему жизненных сил. Таким образом, появляется возможность одновременного решения социальных, экономических и других задач через переход на принципиально новое усадебное расселение и к новым экономичным и здоровым формам жизни. Это даст возможность гражданам России самим не только обеспечивать собственное благополучие, но и создавать надежную материальную базу для своих потомков.

Идея так называемых родовых поместий сможет сплотить общество, потому что, как показывает опыт, желание жить в своем доме на своей земле присуще людям различной этнической принадлежности, вероисповедания, уровня доходов, возраста, политических взглядов и т. д. Таким образом, она может претендовать на роль национальной идеи.

В последнее время эта идея находит все более широкую поддержку у представителей властных структур.

Д. Медведев, курирующий блок национальных проектов и проблемы демографии, на Интернет-конференции в марте 2007 г. оценил идею родовых поместий с выделением каждой семье по гектару земли для жизни и строительства как вполне позитивную и перекликающуюся с

продвигаемыми идеями малоэтажной России. Выступая в феврале 2008 г. на V Красноярском экономическом форуме, Д. Медведев отметил, что решение жилищной проблемы — в смене приоритетов с огромных домостроительных комбинатов на массовое индустриальное производство индивидуальных домов. По его мнению, свой дом и земля — это маленькая родина для каждого гражданина, это и другая психология людей. Проблемы большой семьи можно решить только через индивидуальное малоэтажное строительство.

Представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе А. В. Квашнин, выступая на II съезде строителей Сибири в июле 2007 г. в Красноярске, призвал увеличить темпы строительства жилья в несколько раз и в первую очередь строить индивидуальное жилье, закладывая тем самым основы родового поместья.

Родовое поместье, по его мнению, станет основой сохранения лучших традиций поколений, скрепляя семейные отношения, а также позволит разгрузить перенаселенные города, в том числе за счет переселения старшего поколения, уходящего на пенсию, в более экологически чистые пригородные зоны и высвобождения жилья для молодых членов своей семьи. Родители и дети в свободное от работы и школьных занятий время могут приезжать погостить у бабушки с дедушкой. Для реанимации такого уклада жизни у России есть фундаментальное преимущество — колоссальные земельные ресурсы.

Мы видим, что рыночными методами доступное жилье получить никак не удается. Ипотека остается недоступной для подавляющего большинства, а кроме того, как показывает опыт развитых стран, чревата весьма серьезными проблемами, в том числе принудительным выселением семей за неуплату долгов. Люди, берущие в долг крупные суммы на длительный период, особенно в условиях неопределенного будущего, испытывают хронический стресс, что тоже не способствует укреплению здоровья. И даже если долг будет выплачен, молодая семья, взявшая на себя обязательства в течение длительного времени выплачивать за жилье большие суммы, вряд ли в это время позволит себе иметь более одного ребенка, поскольку расходы на него будут конкурировать с необходимостью выплачивать долги. А откладывающееся рождение второго ребенка может и не реализоваться вовсе, например, по причине ухудшения здоровья или из-за того, что родителям в возрасте уже трудно ломать давно сложившийся уклад жизни.

Поэтому нужно признать, что ипотека не решает демографических задач, и государство, если оно действительно заинтересовано в преодолении депопуляции, должно гораздо активнее действовать в сфере жилищного строительства, тем более что такие возможности имеются. Если, как показывает опыт, бизнес не способен решить задачу массового строительства доступного жилья, возможно, имеет смысл использовать для этой цели госкорпорации. В любом случае нужна масштабная федеральная программа строительства доступного жилья. Кроме того,

это придаст значительный импульс развитию экономики и социальной сферы.

Составляющие программы демографического развития

Программа демографического развития должна иметь следующие составные части:

идеологическая работа,
обеспечение ресурсами,
организационная
поддержка.

Идеологическая работа должна проводиться в контексте формирования новой идеологии образа жизни.

Нужен комплекс идей, определяемых, скажем, лозунгом «Выбираем Жизнь» и нацеленных на преодоление демографического кризиса. Если в том числе с помощью средств массовой информации удастся актуализировать поведенческие стереотипы, работающие на «конструктив» и препятствующие саморазрушению, если через какое-то время после «первого толчка» позитивные механизмы заработают в автоматическом режиме, демографическая ситуация начнет устойчиво меняться к лучшему.

Российское общество остро нуждается сегодня в снижении аномии и повышении солидарности. Есть веские основания полагать, что рост смертности и снижение рождаемости в последние годы — результат чрезмерной атомизации общества, нарушения или «злокачественного перерождения» семейных и других социальных связей. Повышая солидарность и снижая аномию, демографическая политика способна не просто улучшить демографическую ситуацию в стране, она может стать одним из политических инструментов консолидации общества вокруг решения позитивных, жизнеутверждающих задач [Клупт, 2005].

Обеспечение ресурсами должно стать одной из важнейших задач по закреплению населения, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке как важнейших геополитических регионах страны. Для решения этой задачи усилий только региональных властей недостаточно. *Нужна значительная активизация государственной деятельности в различных формах* на этих территориях, включая сферы приоритетных национальных проектов. Необходимо стимулировать производство на местах, прежде всего, для нужд местного населения, в области сельского хозяйства, строительства и производства строительных материалов из местного сырья, развития инфраструктуры и в том числе строительства дорог и т. д. Требуется господдержка развития жизненно важных видов производства на месте с предоставлением налоговых льгот для бизнеса с целью насыщения рынка товарами местного производства. Это позволит создать новые рабочие места, снизит транспортные издержки, повысит налогооблагаемую базу и уровень жизни местного населения.

Важны не только финансовые вложения, но и такие материальные ресурсы как, например, предоставление земли, стройматериалов и пр.

В связи с этим следует обратить внимание на очень важный момент. В последнее время в общественное сознание настойчиво внедряется идея использования земельных участков под строительство жилья и сельскохозяйственного назначения в качестве залога для получения средств на развитие в банках. Как показывает опыт, впоследствии эти земли концентрируются в руках банков, в том числе с иностранным капиталом, что позволит им еще больше взвинтить цены на жилье и продовольствие или вообще законсервировать эти земли и до поры до времени никак их не использовать. Так уже происходит в ряде городов, в которых богатые московские структуры контролируют почти все участки под строительство и не дают работать местным строительным компаниям.

В этом же направлении способна действовать и такая инновация как конкурсное выделение земельных участков под строительство жилья, что само по себе будет способствовать еще большему удорожанию жилья. А кроме того, существует опасность контроля земли посторонними перекупщиками, так как местное население, в том числе предприниматели, не имеют средств, чтобы конкурировать с ними. В результате коренное население может оказаться лишним и чужаками на своей бывшей земле — Родине.

Эти примеры еще раз показывают настоятельную необходимость тщательной демографической экспертизы законопроектов. Нельзя допустить, чтобы земля попала под контроль олигархов или иностранцев — это прямой подрыв национальной безопасности и демографической в частности. Земля, по мнению Столыпина, является единственным источником нашего благосостояния. Причем под благосостоянием мы понимаем не только материальную составляющую, но и эстетическую, психологическую, духовную. Народу, лишенному земли, очень трудно, практически невозможно сохранить себя. *Поэтому мы считаем, что земля не должна свободно продаваться и являться залогом, она всегда должна контролироваться государством и народом.*

Необходима также мобилизация интеллектуальных, информационных и символических ресурсов, влияние которых может быть весьма значительным.

Организационная составляющая должна включать хорошо проработанное законодательное обеспечение.

И в заключение следует сказать, что без смены прозападного политического и социально-экономического курса ни о каком улучшении демографической ситуации не может быть и речи. И власть, несомненно, несет ответственность за все происходящее в стране, в том числе и за депопуляцию, которая является наиболее объективным и комплексным показателем «эффективности» действующей модели экономики.

Вообще, как показывает опыт развитых стран, рынок совсем не приспособлен для решения демографических проблем [Малыгин, 2005].

Поэтому перед лицом реальных демографических угроз давно пора перестать поклоняться ему, а в центре всей политики государства поставить семью с тремя—четырьмя детьми, так как только такая семья способна вытащить Россию из трясины депопуляции. А для этого придется пересмотреть жизненные ценности и приоритеты и сменить сложившийся образ жизни.

Таким образом, власть должна повернуться лицом к национальным интересам и безопасности страны, а демографическая политика должна стоять в центре национальной стратегии России еще весьма длительное время.

Литература к разделу V

Глава 27

Геополитика и национальная безопасность: словарь основных понятий и определений/ РАЕН. М., 1999.

Иностранные мигранты на сибирском рынке труда/ Под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

Медведева И., Шишова Т. Демографическая война против России. Новосибирск: Слово и дело, 2000.

Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. 2004// http://www.religare.ru/article10942.htm *Шахотько Л. П., Привалова Н. Н.* Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации// Вопросы статистики. 2001. № 7. С. 16—21.

Глава 28

Великий П. Пожилые женщины российского села: условия жизни, роли и статусные позиции в сельском сообществе. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра. 2005.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2005.

Иванов В. Н. Социальное самочувствие россиян// Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2004. № 1. С. 73—79.

Кабалина В. Институты посредничества при трудоустройстве и перспективы политики на рынке труда// Отчеты грантополучателей конкурса «Социальная политика: реалии XXI века». 1999// htpp://www.socpol.ru/grantprog/zip/kabal199zip.

Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001.

Калугина З. И. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики// Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 193—222.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Перспективы «неперспективных» сельских поселений (сибирские вариации)// ЭКО. 2005. № 7. С. 145—*159*.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Контуры будущего сибирской деревни// Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 141—152.

Корель Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс// Там же. 2007. № 1. С. 169—185.

Копач К. В. Личное подсобное хозяйство сельского населения и его интеграция с общественным производством. М.: ВНИЭТУСХ, 2000.

Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения, 2004.

Обзор занятости в России. Вып. 1: 1991—2000 гг. М.: Бюро экон. анализа, 2002.

Обследование населения по проблемам занятости. Август 2007 г. М.: ФСГС, 2007.

ПациорковскийВ. В. Сельская Россия. 1991—2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.

Перемены в сельской России. 1991—2003: Оценки, подходы, методы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2005.

Петриков А. В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2005.

Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г. и др. Сельская бедность и сельское развитие в России. М.: ИЭПП, 2004.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2005.

Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях// Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—41.

Труд и занятость в России. М.: ФСГС, 2005.

Труд и занятость в России. М.: ФСГС, 2006.

Глава 29

Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории// Социологические исследования. 2004. № 1. С. 5—14.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр// Там же. 2004. № 12. С. 17—30.

Вебер М. Класс, статус и партия/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 19—38.

ГайдарЕ. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.

Герцог Д. Классовое общество без классовых конфликтов: об Уильяме Ллойде Уорнере и развитии стратификационных исследований в Америке/ Пер. с англ. В. Чес- ноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 68—89.

Давыдова Н., Седова Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных// Социологические исследования. 2004. № 3. С. 40—50.

Дэвис К. Концептуальный анализ стратификации/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 138—159.

Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2000. 152 с. *Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.

Никулин А. Куда селянину податься?!// Досье на цензуру. 2004. № 21 (Народ МРОТ). С. 90—97.

Овчинцева Л. Будет ли в ближайшее время решена проблема сельской бедности?// Там же. С. 111—122.

Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 114—137.

Райт Э. Марксистские концепции классовой структуры/ Пер. с англ. М. Добряко- вой// Рубеж. 2000. № 15. С. 36—85.

Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России// Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С.430—459.

Сен А. Развитие как свобода/ Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 408 с.

Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура/ Пер. с англ. О. Лукша// Рубеж. 1997. № 10—11. С. 42—57.

Фадеева О. П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального// Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 222—252.

Чинакова Л. И. Об отличительных признаках бедности// Социологические исследования. 2005. № 1. С. 139—141.

Штейнберг И. Сельская «прибедненность», бедность и нищета в социальных сетях межсемейных обменов// Досье на цензуру. 2004. № 21 (Народ МРОТ). С. 80—86. *Ярошенко С. С.* Бедные в социальной стратификации постсоветской России// Рубеж. 1998. № 12. С. 158—174.

Ярошенко С. С. Российское поколение NEXT: границы жизненного успеха молодых селян при капитализме// Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность/ Под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд- во Ульяновского гос. ун-та, 2006. С. 187—195.

Глава 30

Булдаков В. Кто виноват? Россия пьет денатурат// Аргументы и факты. 2005. № 21. С. 15.

Вукулова Т., ЛатовЮ. Последствия потребления алкоголя. 2001// http://www. krugoswet.ru/articles.2001

Заиграев Г. Г. Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя// Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33—41.

Калинина О. Чехия оказалась на четвертом месте в Европе по потреблению чистого алкоголя на душу населения. 2004// http://www.radio.rspu

Концепция государственной политики в области производства и оборота алкогольной продукции в Российской Федерации. Проект. 2003// http://www.crc.ru/ txt/info/alcohol.html

Мягков А. И. Статистические стратегии сенситивных измерений. 2001// isras.ru/Socls/ SoclsArticles/2002_01/Miagkov.doc

Немцов А. В. Алкогольная смертность в регионах России// Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 78.

Немцов А. В. Убойная сила российского пьянства// Природа. 2003. № 12. С. 10—16.

Оганов Р. Г., Шальнова С. А., Масленникова Г. Я., Деев А. Д. Роль здорового образа жизни в стратегии охраны здоровья населения// Российские медицинские вести. 2001. Т. 6, № 3. С. 34—37.

От водки страдает весь мир. 2007// http://narcologya.ru/vodka

Попович М. В., Глазунов И. С., Потемкина Р. А. и др. Потребление алкоголя в России. 2001// http://www.cindi.ru/consumption_alcohol_Russia.

Россия и страны мира. Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2000.

Торговля в России. Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2003.

BobakM., McKee M., Rose R., MarmotM. Alcohol consumption in a national sample of the Russian population// Addiction. 1999. V. 94. P. 857—866.

Evolution of the World Consumption of Alcohol// http://www.alcowebcom/English/gen- info/711 alcohol_healthsociety/

Hemstrom O., Leifman H., Ramstedt M. The ECAS Survey on Drinking Patterns and International Guide for Monitoring Alcohol Consumption and Related Harm World Health Organization/ Department of Mental Health and Substance Dependence, Non- communicable Deseases and Mental Health Cluster. 2000. 209 p.

Leifman H., Ostergerg E., RamstedtM. Alcohol in Post-War Europe: a Discussion of Indicators on Consumption and Alcohol Related Harm. European Comparative Alcohol Study (ECAS). Final Report. Stockholm, 2002.

Makela P. Impact of Correcting for nonresponse by weighting on estimates of alcohol consumption// Journal of Studies on Alcohol. 2003. V. 64, N 4. P. 589—596.

NorusisM.J. SPSS Advanced Statistics 6.1. Chicago: SPSS Inc. 1994. 606 p.

Rehn N., Room R., Edwards G. Alcohol in European region consumption, harm and Policies. Report. World Health Organization. Regional Office for Europe. 2001. 118 p.

Saunders J. B. Defining Beneficial Patterns of Alcohol Consumptions: a Survey of Clini- cians/ International Center for Alcohol Policies, 1998. 12 p.

Глава 31

Байков Н. М., Каширина Л. В. (ред.) Детская беспризорность и безнадзорность: состояние и проблемы. Хабаровск: ДАВСГ, 2003.

Гвоздева Г. П., Коротких М. В., Харченко И. И. Социальное окружение школьников и опасность приобщения к наркотикам// Регион: экономика и социология. 2004. № 2. С. 79—94.

Журавлева Л. А. Факторы и условия наркотизации молодежи// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 43—48.

Журавлева И. В. Здоровье подростков: социологический анализ. М: Изд-во Института социологии РАН, 2002.

Князев Г. Г., Слободская Е. Р., Харченко И. И. Отношение студентов к наркотикам: психологические и социальные факторы риска и защиты// Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты/ Отв. ред. Е. А. Коломак, Л. В. Машкина. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2003. С. 249— 272.

Ланьель Л. Наркотики и глобализация: неоднозначные взаимоотношения// Международный журнал социальных наук. Глобализация. 1999.

Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000.

Никольская Л. А. Зона риска XXI века. 2003// http//www.tisbi.ru/science/vestnik/2003/issuel/kult1/php

Распространенность наркологических расстройств в России в 1999—2003 годах. Стат. сборник. М.: Национальный научный центр наркологии Министерства здравоохранения и социального развития РФ, 2004.

Castilla E. J. Organizing Health Care: A Comparative analysis of national institutions and inequality over time// International Sociology. 2004. V. 19, N 4. P. 403—435.

Knyazev G. G., Slobodskaya H. R., Kharchenko 1.1., Wilson G. D. Personality and substance use in Russian youth: The predictive and moderating role of behavioural activation and gender// Personality and Individual differences. 2004. V. 37. P. 827—843.

Глава 32

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке/ Пер. с франц. Екатеринбург, 2003. 416 с.

Бреева Е. Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К*», 2004. 204 с.

Валлерштайн Дж. В., Келли Дж. Б. Последствия развода родителей: переживания ребенка в период поздней латентности// Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 361—383.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность// THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 152—170.

Гришина Ю. В. Социальный приют как временная форма устройства детей, лишенных родительского попечения// Актуальные проблемы семей в России. М.: ИС РАН, 2006. С. 55—73.

Гурко Т. Трансформация российской системы устройства детей, лишенных родительского попечения// Там же. 2006. С. 8—20.

Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам»)// Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.

Кон И. Ребенок и общество: Учеб. пособие. М., 1999. С. 297.

Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи// Россия, которую мы обретаем. Труды Новосибирской социолого-эко- номической школы/ Ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 638—658.

Ричардс М. П. М. Развод родителей и дети// Детство идеальное и настоящее. Сборник работ современных западных ученых. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1984. С. 158—158.

Тарасов А. Аврал у ангелов// Новая газета. 2007. № 27. С. 6—7.

Шматкевич Т. Ю. «Затмение семьи»:дискуссия во французской социологии// Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 3 (32). С. 157— 173.

Aspor R. A., Behre W. J. Violent and nonviolent children's and parents' reasoning about family and peer violence// Behavioral Disorders. 1997. N 22. P. 231—245.

Allport G. A psychological approach to the study of love and hate// Personality and Social Encounter: Selected essays. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 199— 216.

Bandura A. Psycological mechanisms of aggression// Aggression: Theoretical and empirical reviews. V. 1/ Geen & Donnerstein (Eds.). New York: Academic Press, 1983. P. 1—40.

Baron R .A., Richardson D. R. Human aggression. (2nd ed.). New York: Plenum Press, 1994.

Eckenrode J., Larid M., Doris J. School performance and disciplinary problems among abused and neglected children// Developmental Psychology. 1993. V. 29, N 1. P. 53—62.

Tremblay R. E., Craig W. M. Developmental crime prevention// Building a safer society: Strategic approaches to crime prevention/ M. Torny, D. P. Farrington (Eds.) Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 151—236.

WhiteheadL. Sex differences in children's responses to family stress: a revaluation// Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1979. V. 20. P. 247—254.

Глава 33

Блок Ф. Роли государства в хозяйстве// Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 569—599.

Глазьев С. Стратегия и концепция социально-экономического развития России до 2020 года: экономический анализ// http://www.glazev.ru

Гонтмахер Е. Россия 2020: удвоение среднего класса. Почему может не сбыться прогноз Минэкономразвития на ближайшие 13 лет// Российская газета. 2007. 26 июня.

Греф Г. О. От макроэкономической стабилизации к инновационному развитию// Федеративные отношения и социально-экономическая политика. 2007. № 8.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской федерации 2004. На пути к обществу, основанному на знаниях. М.: Весь Мир, 2004.

Дмитриев М. Россия-2020: демографические вызовы экономическому росту. Доклад на 5-й научной конференции НИСП, Москва, февраль 2007// http://www.csr.ru

Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г. и др. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты/ Отв. ред. С. В. Шишкин/ Независимый институт социальной политики. М., 2004.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5—16.

Колмаков И. Б. Методы расчета показателей поляризации денежных доходов населения// Вопросы статистики. 2007. № 9. С. 28—35.

Медведев Д. Выступление на V Экономическом форуме в г. Красноярске// Российская газета. 2008. 16 февр.

Путин В. В. О стратегии развития России до 2020 года// Там же. 9 февр.

Римашевская Н. М. Четыре принципиальных вопроса преодоления бедности в России// Народонаселение. 2006. № 2. С. 9—13.

Россия 2015. Оптимистический сценарий. М.: ИЭ РАН, ММВБ, 1999.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: ФСГС, 2006.

Численность и миграция населения РФ в 2003 г. Стат. бюллетень. М.: ФСГС, 2004.

Шалманов С. Россия потеряла от «утечки мозгов» $ 1 трлн// http://www.Silicon- taiga.ru

Глава 34

Клупт М. А. Демографическая политика как предмет контент-анализа// http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/01/07/0000201657/016.KLUPT.pdf

Костенко-Попова О. «Русский крест» — в бутылке?// Аргументы и факты. 2006. № 22. С. 6.

Малыгин А. Г. Механизм депопуляции в условиях рынка рабочей силы// http://derzava.com/statji/malygin-dep.html

Немцов А. В. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003.

Финн П. Подмосковные дачи становятся местом постоянного проживания// The Washington Post// http://www.inosmi.ru/translation/232869.html

Starfield B. Is US Health Really the Best in the World?// Journal of the American Medical Association. 2000. V. 284, N 4. P. 483—485.